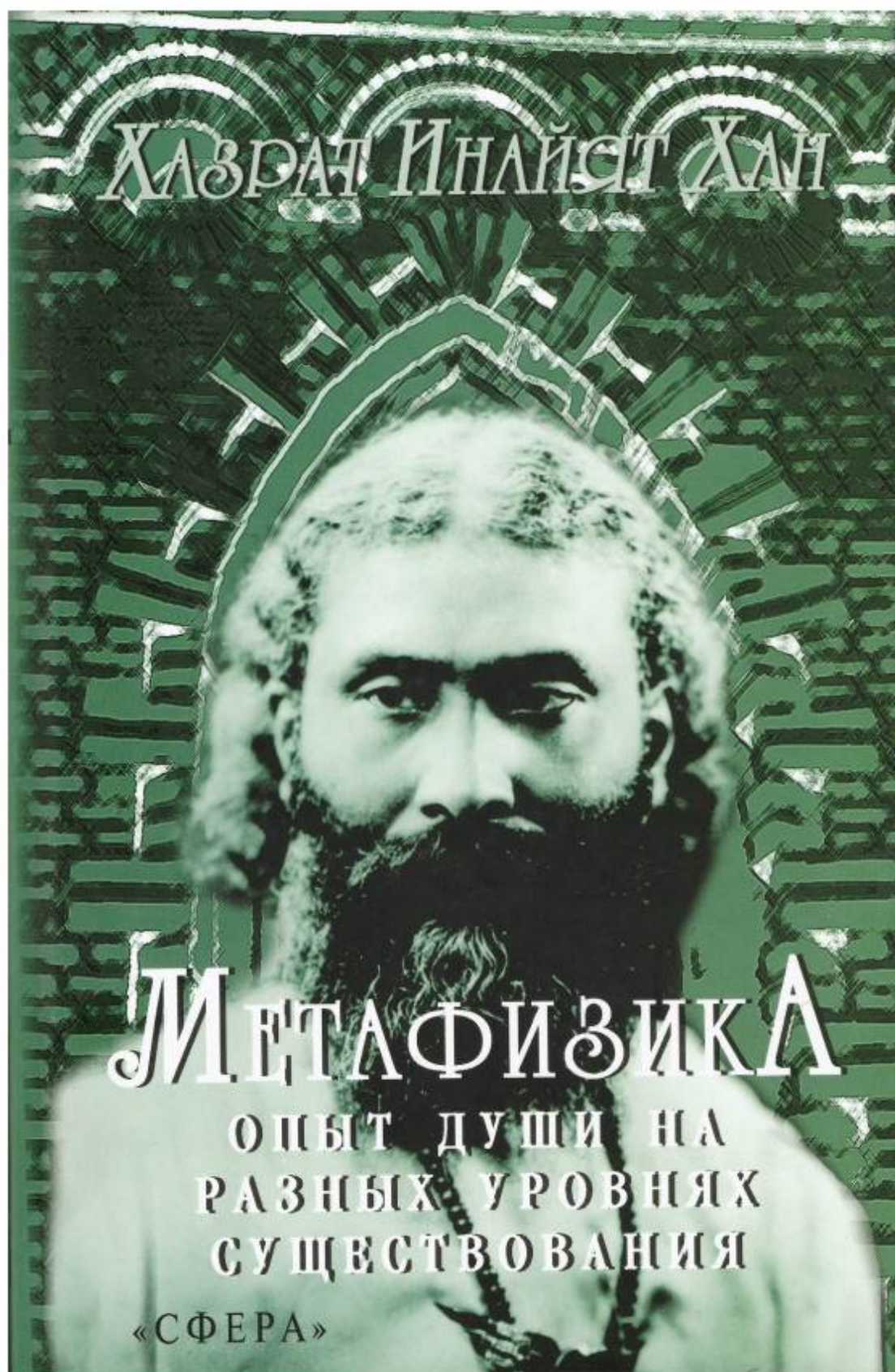

**Хазрат
Инайят Хан**

Хазрат
Инайят Хан

МЕТАФИЗИКА

ОПЫТ ДУШИ
НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ
СУЩЕСТВОВАНИЯ

Москва
«Сфера», 2007

ББК 87.3

X19

Перевод с английского

М. О. Авдейчик

Издательство благодарит

за помощь в подготовке перевода к печати:

Sufi Movement International and Esoteric School

Контактный адрес в России:

123001, Москва, а/я 102

E-mail: Новосибирск, puran@sibmail.ru

Москва, sufmos@yandex.ru

Издание второе.

X19

Хазрат Инайят Хан

Метафизика. Опыт души на разных уровнях существования. Сборник. — М.: Сфера, 2007. — 304 с. — Серия «Суфийское Послание».

Настоящее собрание работ виднейшего суфийского мастера и музыканта начала XX века Хазрата Инайят Хана впервые публикуется на русском языке.

«Акибат, жизнь после смерти» — красочное и доступное изложение суфийской доктрины посмертного существования.

Что такое душа? Как она проявляется? На эти и другие вопросы, ответит работа под названием «Философия души».

В «Любви человеческой и божественной» рассмотрены прекрасные, пронизанные драматизмом и полные возвышенных чувств легенды.

Блистательное эссе «Жемчужины океана незримого» позволяет составить достаточно полное представление о различных аспектах суфизма.

И завершает сборник работа «Метафизика. Опыт души на разных уровнях существования», в которой речь идет об оккультном строении человека, опыте, приобретаемом душой на различных планах бытия, и о судьбе души.

ISBN 978-5-91269-009-9

© Издательство «Сфера» — перевод и оформление, 2007.

Оглавление

АКИБАТ, ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ	7
ГЛАВА I. СМЕРТЬ	7
ГЛАВА II. СУДНЫЙ ДЕНЬ	10
ГЛАВА III. АД И РАЙ	13
ГЛАВА IV. КАЙЯМАТ, КОНЕЦ МИРА	16
ГЛАВА V. ОБИТАЕМЫЕ МЕСТА	17
ГЛАВА VI. СПИРИТУАЛИЗМ	20
ГЛАВА VII. НАВАЖДЕНИЕ	23
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	26
ФЕНОМЕН ДУШИ	27
ГЛАВА I - ФИЛОСОФИЯ ДУШИ	27
ГЛАВА II - ПРОЯВЛЕНИЕ	29
ГЛАВА III - МИР АНГЕЛОВ	35
ГЛАВА IV - ОПЫТ ДУШИ	37
ГЛАВА V - ЗАКОН НАСЛЕДСТВЕННОСТИ	41
ГЛАВА VI - РЕИНКАРНАЦИЯ	45
ГЛАВА VII - ЧЕЛОВЕК, СЕМЯ БОГА	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
ЛЮБОВЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И БОЖЕСТВЕННАЯ	55
ГЛАВА I. ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ	55
ГЛАВА II. ФАРХАД И ШИРИН	58
ГЛАВА III. ЮСУФ И ЗУЛЕЙКА	61
ГЛАВА IV. МОРАЛЬ ЛЮБВИ	62
ГЛАВА V. ЛЕЙЛА И МЕДЖНУН	69
ГЛАВА VI. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ	73
ЖЕМЧУЖИНЫ ОКЕАНА НЕЗРИМОГО	79
ГЛАВА I. СУФИЗМ	79
ГЛАВА II. ЦЕЛЬ ЖИЗНИ	80
ГЛАВА III. "БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ"	81
ГЛАВА IV. "БЛАЖЕННЫ ПЛАЧУЩИЕ"	81
ГЛАВА V. "ПОКАЙТЕСЬ, ИБО ГРЯДЕТ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ"	82
ГЛАВА VI. ПРИЧИНА	83
ГЛАВА VII. ВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ	84
ГЛАВА VIII. ПОКЛОНЕНИЕ	85
ГЛАВА IX. ОТНОШЕНИЕ К МОЛИТВЕ	86
ГЛАВА X. МОЛИТВА	87
ГЛАВА XI. ИСЛАМ	89
ГЛАВА XII. ПОСЛЕДСТВИЯ СОДЕЯННОГО	89
ГЛАВА XIII. БАЛАНС	91
ГЛАВА XIV. ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ	91
ГЛАВА XV. ДРУГАЯ СТОРОНА СМЕРТИ	92
ГЛАВА XVI. АЛХИМИЯ СЧАСТЬЯ	93
ГЛАВА XVII. МУДРОСТЬ И НЕВЕЖЕСТВО	93
ГЛАВА XVIII. КАЗА И КАДР	94
ГЛАВА XIX. ФИЛОСОФИЯ ВОСКРЕСЕНИЯ	95
ГЛАВА XX. МУРШИД	96

МЕТАФИЗИКА. ОПЫТ ДУШИ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ	98
ГЛАВА I. НАШЕ СТРОЕНИЕ.....	98
ГЛАВА II. ОПЫТ ДУШИ	103
ГЛАВА III. СУДЬБА ДУШИ.....	107
 ПРИЛОЖЕНИЕ I. ЦЕЛИ СУФИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ.....	113
 ПРИЛОЖЕНИЕ II. ФОНД ПАМЯТИ ХАЗРАТ ИНАЙЯТ ХАНА	116

АКИБАТ, ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

ГЛАВА 1. СМЕРТЬ

Мы любим свое тело и отождествляем себя с ним, причем настолько, что нам очень неприятно думать о том, что то самое тело, которое нам так дорого, однажды окажется в могиле. Вообще, никому не понравится мысль о том, что собственное тело когда-нибудь умрет и будет уничтожено. Однако, наша истинная сущность — это душа. Она существовала еще до того, как мы появились на свет, и она же будет существовать и после нашей смерти. Само понятие “я”, живущее естество — это как раз не тело, это душа, которую мы по ошибке называем телом. Душа же считает, что она телом и является; она думает, что может ходить, сидеть, ложиться — точно так же как тело, хотя на самом деле душа этим не занимается. Легкое телесное недомогание заставляет ее подумать что “я больна”. Ничего не значащая грубость приводит ее в уныние. А небольшая похвала возносит ее на небеса. Однако, на самом деле, душа не живет ни на небе, ни на земле; она живет только там, где она есть. Пребывание души в материальном теле заставляет ее прийти к ошибочному выводу, что “Я могу жить только материальной пищей, могу существовать только на земле и наслаждаться исключительно материальным окружением. Если этого не будет вокруг меня, то не будет и места мне, и буду ничто”.

Есть такая персидская поговорка: “Не строй дом на чужой земле”. Именно этим и занимается душа. Все, что бы она ни увидела, во всем этом она признает себя. Подобно родниковой воде, отражающей наш образ, чистота души отражает все, что вокруг нее и из-за этого она начинает думать: “Это все - я”. И тогда душа начинает требовать, чтобы все выглядело красиво, приятно — тем самым, принося ей ощущение комфорта и тщеславия. Она хочет, чтобы этот реальный “Я сам” был хорошо одет, и чтобы у него вообще все было хорошо. Она строит отличный дом, и вся жизнь этого “Я сам” проходит в погоне за материальными благами. А потом, когда приходит смерть, этот дом, воздвигнутый на песке, моментально разваливается. Все накопленные блага исчезают. И это очень, очень большое разочарование. Душа теряет все, что ее интересовало. Сама идея возврата к чистому себе и распад мнимого земного окружения, связывает мысль о смерти с самым жутким кошмаром. Но ужас и разочарование — это и есть смерть, ибо тело — это всего лишь покрывало для души. А когда оно спадает, разве можем мы сказать, что теперь нас нет? Ведь мы же не умираем, если наша одежда придет в негодность, или если кто-нибудь порвет нам рубашку.

Миг смерти человека — это единственный миг, когда он осознает, что умер. Впечатление того, что ты умираешь, бессилие врачей и печаль родственников — в этом и заключается впечатление смерти. Однако после смерти, как только это впечатление проходит, человек постепенно осознает, что он жив. Постепенно — потому что той жизни, которая поддерживала его в физической обличье, первое время, естественно, будет недоставать этого физического обличья. Человек на самом деле продолжает жить, причем теперь он становится даже более живым, ибо исчезает та тяжелая ноша, которая когда-то заставляла его отождествлять жизнь с материальным телом.

Душа своей силой создает разные элементы; их же она привлекает и извне. Она собирает и удерживает их. Однако по мере использования они постепенно изнашиваются. Они годятся только на определенный период. Душа формирует тело из этих элементов в зависимости от собственной заинтересованности телом. Причем эти стихии составляют единое целое только до тех пор, пока их удерживает магнетизм тела, и пока его деятельность затрагивает их. Как только интерес к телу уменьшается, или когда элементы, составляющие тело, теряют свою силу — вследствие болезни, или каких-то неполадок в системе, связь с телом слабеет, а душа, которая по определению стремится освободиться, тут же и пользуется возможностью, предоставленной ей слабеющим телом. Результатом этого является смерть.

Распад элементов начинается, пожалуй, еще до смерти тела; а после нее они прямо возвращаются к своему естеству — вода к воде, земля к земле и так далее, каждый в родную среду. И они очень рады этому возвращению. Каждому ведь приятно быть окруженным себе подобными. Если, например, есть газ возле открытого огня, то газ придет к огню, ибо газ содержит много огня.

Кто-то, пожалуй, скажет, что вот оно и все, мол, для человека, который считал себя телом, после смерти не остается ничего. Было тело, — длинное, широкое, тяжелое, прожившее много лет...а когда оно исчезнет, исчезнет все. На самом деле это не так; когда исчезает тело, остается ум, тонкая часть человеческого “я”, состоящая из вибраций. Элементы продолжают существовать в вибрациях, подобно атомам, иначе бы человек, случись ему разозлиться, не становился бы ярко-красным. Во сне, когда тело спит, мы видим, как мы гуляем, разговариваем, делаем что-нибудь, встречаем каких-то людей в каких-то условиях. И только ради того, чтобы отличить это состояние от пробуждения, мы называем его сном. “Человеческое я” существует и вне тела, точное отражение того, чем мы являемся сейчас — не тогда, когда нам было по пять, по десять лет.

Иногда говорят, что душа — это то, что остается после смерти физического тела, нечто попадающее либо в ад, либо в рай. Однако на самом деле это не так. Душа — это нечто большее, причем значительно. Как это она может гореть в огне, который сам по себе является светом, понятием “Нур”, светом Бога? Однако, из-за собственного заблуждения, душа принимает на себя условия, куда отправится ум после смерти. Поэтому “посмертное” существование души, которая не стремится к освобождению, выглядит весьма угнетающе. Если сознание не очень привязано к земной жизни и чувствует удовлетворение своими делами, тогда его ждет наслаждение на небесах; а если наоборот — тогда оно переживает ад.

Ум, который более занят земными заботами и привязанностями, не позволяет душе выйти к свету. Если, например, взять воздушный шарик и подбросить его, то сначала он полетит вверх, но потом упадет на землю. Лететь вверх он будет потому, что в нем есть воздух, а падать — оттого, что в нем есть и часть земной стихии. Душа стремится попасть в высшие сферы, к которым она и принадлежит — такова ее природа. А все то земное, что сгруппировалось вокруг нее, притягивает ее к земле. Воздушный змей летит вверх, но нить в человеческих руках тянет его обратно на землю. Наши земные привязанности — это и есть та нить, которая удерживает душу. Дым в печи сначала проходит через трубу, и в ней он оставляет большинство своей земной субстанции. Остальные земные составляющие отпадают в воздухе и до тех пор, пока дым от всего этого земного не избавится, он не сможет подняться выше — к эфиру. Пользуясь таким сравнением, можно понять, почему душа не может подняться из низших сфер до тех пор, пока не отринет все свои земные привязанности и устремления.

У людей есть великий страх смерти, особенно если эти люди просты и впечатлительны. Боятся ее и те, кто очень привязан к отцу, и матери, и братьям, и сестрам, и к своей работе, и к собственности. Однако смерти боятся и те, кому не везет в жизни. Человек предпочитает быть неизлечимо больным, чем мертвым. Он скорее согласится лежать в больнице, чем в могиле с мертвецами. Когда человеку приходит в голову мысль, вроде “Однажды мне придется все это оставить и лечь в могилу”, его охватывает великая печаль. У некоторых людей страх смерти присутствует с ними часть жизни, а у некоторых он продолжается всю жизнь. Смертная казнь, как самое худшее наказание, служит лишь доказательством того, насколько велик страх смерти. Хотя смертная казнь — это не так плохо, по сравнению с болью, горем и жизненными невзгодами.

Смерть — это серьезный экзамен. Кто-то приходит к нему подготовленным, кто-то — нет; кто-то — с уверенностью, кто-то — со страхом. Насколько бы человек ни считал себя духовным и добродетельным по жизни, перед лицом смерти он снова должен снова пройти испытание, и все его представления о собственной добродетельности отпадают. В Коране сказано: “И тогда, когда придет сокрушительное бедствие, в тот день вспомнит человек то, к чему стремился”.

Жил на свете один старик, и все время он плакал да жаловался, приговаривая: “Как же мне не везет, моя жизнь так тяжела, а каждый день мой — это мучительный труд и пытка. Лучше

бы уж я умер”. И каждый день он так жаловался и призывал смерть. И вот, однажды, Азраэль, ангел смерти, явился ему и сказал: “Ты звал меня так часто, что я пришел и готов взять тебя с собою”. И тут старик воскликнул: “Нет, не сейчас! Я ведь старый человек. Прошу тебя, оставь мне еще несколько дней жизни!” Тогда ангел смерти сказал: “Нет уж. Ты так часто призывал смерть, ты теперь должен отправиться к Аллаху”. “Подожди хоть немного,” — взмолился старик, — “Позволь мне остаться здесь хоть на чуть-чуть!” А ангел смерти ответил: “Ни мгновения больше!” — и с этими словами забрал его.

О чем следует думать в момент смерти? Пожалуй, (в зависимости от развития человека) о Боге, или о том, к чему человек искренне привязан, или о чем-то приятном и вообще о том, что человек любил или что было его идеалом. Если это земной человек, тогда мысль о приятном окружении будет для него небом. Если он в состоянии поклонения, тогда он соединится с объектом своей привязанности. А если он набожен, тогда мысль о Боге будет тем, что правильно для него. “Воистину, смерть — это мост, который объединяет друга с другом” — так говорится в Изречениях Мухаммада.

Те, про кого говорится, что они в присутствии Бога, — это те, кто у кого Он постоянно перед глазами, Он — идеал всей их жизни; и ждет их радость на долгие-долгие времена рядом с их Идеализированным Возлюбленным.

В нашей земной жизни мы распознаем три состояния — тело, ум и душу. После физической смерти мы создаем только два. В чисто физическом плане мы не испытываем особого страха, если, например, к нам приходит вор. Наоборот — мы берем в руки что-нибудь и пытаемся на него напасть. Однако во сне мы его боимся, ибо тут мы напасть на него не можем — у нас ничего нет для этого. То есть, в первом случае сильнее оказывается воля, а во втором — воображение (в ущерб воле). В физической жизни у нас все быстро меняется, мы живем от одного опыта к другому. Если ночью кому-то было страшно, то утром он скажет: “Я видел страшный сон” или “Мне привиделся ночной кошмар”, хотя это ничего не значит. Но ТАМ у нас не меняется ничего.

Мы уже здесь должны открыть, в чем заключается цель нашей жизни. ТАМ мы улучшить ничего не сможем, по крайней мере по сравнению с тем, как Здесь. Вот поэтому в мире всегда находилось несколько избранных Богом, которые говорили: “Проснись, проснись же, пока время есть!”

Есть и такие люди, которые во сне могут сделать то, что хотят. Они могут во сне повлиять на порядок вещей так, чтобы в реальности случилось то, что они хотят — и на следующий день они видят, как их ночные видения воплощаются в реальной жизни. Но такие случаи очень редки. Дело в том, что они сумели овладеть своей волей здесь и потому могут сделать так, чтобы их воля работала и на высшем плане. А если человек радуется, когда кто-то ест вкусную еду — какую бы и сам он охотно ел; или когда кто-то хорошо одет — а такую одежду он бы и сам надеть не отказался, тогда он возвышается над человечеством. Таких людей называют святыми или мудрецами, и они сами хозяева своего бытия после смерти, ибо счастливы они и когда находят, и когда теряют.

Ум пророка или муршида нельзя сравнивать с обычным умом. Их ум — это ум учителя, и он живет гораздо дольше. Так как они жили лишь для других, то они и после смерти будут для других жить. Их мысли — это мысли исключительно о вечном. А другие думают о преходящем, и таким же будет их ум.

Суфизм изучают, главным образом, для того, чтобы знать, что случится с человеком после смерти — в том бытие, которое и есть наше настоящее бытие, хотя обычно оно от нас сокрыто.

После физической смерти жизнь (а она не может умереть), возносит человека наверх и он остается жить вечно. Мы, живые существа, существуем и на земле и в море, и мы несем в себе что-то от каждого из этих двух элементов. И морские существа также созданы при помощи земного элемента. И в нашем теле вода присутствует. Хотя, например, море чуждо нам, равно как и земля — морским тварям. Никто не хочет менять свою среду обитания; а когда им случится выпасть из родной стихии, это ведет к их концу. Это потому, что рыба не осознает, что она также является и земным созданием, и что земля — это тоже ее стихия; поэтому жить на земле она и не может. И также земные существа, жизнь которых зависит от берега,

пропадают, когда уверят себя в том, что утонут в море.

Если бы кто-нибудь нас бросил в море, это было бы ужасно. Мы бы тут же убедили себя, что пойдем ко дну и тут же бы утонули. Именно наш страх и тянет нас на дно, и мысли наши тоже; не будь всего этого, у нас бы не было и причины тонуть. Море несет по своим волнам целые корабли с тысячами людей на борту и тонн груза в трюме. Так почему же оно не может нести на себе наше маленькое тело?

Наше внутреннее бытие подобно этому морю, а внешнее — земле. И так же дело обстоит со смертью. Море — это часть нас самих, в которой мы оказываемся, оставив земную составляющую. Не привыкнув к нему, мы воспринимаем это морское путешествие как нечто неудобное, чуждое, и называем его смертью. Но для моряка путешествовать по морю так же легко как по земле. Христос по этому поводу сказал апостолу Петру: “О маловерный, чего же ты сомневался?” На санскрите и на пракрити освобождение зовется “Таран”, что означает “плавание”. Это способность плавать, которая позволяет сделать воду обителью для “земной рыбы”. А для тех, кто плывет по океану вечной жизни, — неважно, есть ли у них физическое тело, нет ли — он становится их вечным пристанищем.

Пловец играет с морем. Сначала он плывет вдоль берега, а потом заплывает подальше. А потом он сживается с ним и, наконец, оно становится его домом, его стихией — так же как земля. И он овладевший двумя элементами, достигает мастерства.

Ловцы жемчуга на Цейлоне и на Красном Море ныряют на дно. Сначала они “блокируют” себе уши, глаза, губы и нос, а затем ныряют и выносят наверх жемчужины. Мистик так же ныряет в море сознания, закрыв свои чувства для внешнего мира и, тем самым, переходя в мир абстрактного.

Труд суфия заключается в том, как устранить страх смерти. И путь этот проходят для того, чтобы при жизни узнать, что с нами будет после смерти. В Коране сказано “Mutu kubla anta mutu” то есть “Умри до смерти”. Избавиться от брэнной оболочки, понять, что душа бессмертна, и, что мы можем избежать того великого разочарования, которое несет смерть, — именно это суфий и воплощает в своей жизни.

ГЛАВА II. СУДНЫЙ ДЕНЬ

В буддизме и в индуизме о Судном Дне сказано мало, ибо они исповедуют доктрину Кармы, однако в Коране он встречается в различных сурах. Ему придается огромная важность. И в Библии об этом Судном Дне говорится очень много раз.

Судный День, о котором говорят различные религии — это великая тайна. Все, что можно сказать о ней, это то, что ни один момент времени, ни одно движение ресниц не проходит без суда; это то, что в сознании каждого человека присутствует способность судить; и эта способность судит и себя, и других; и эта способность существует в собственном совершенстве во вселенском Сознании, которое судит всю вселенную. Сначала идет правосудие человека, затем — правосудие Бога.

В человеческом правосудии обнаруживаются предвзятость и ошибочность, ибо сознание человека затемнено собственным “я”; тем самым способность сознания видеть становится расплывчатой. Правосудие Бога — это истинное правосудие, ибо никакая тень предвзятости не может упасть на его вселенское сознание, так как вся вселенная находится в поле его зрения и потому его взгляд — всепроникающий. Как наше собственное правосудие определяет наши пристрастия и антипатии и создает в нас предпочтение или неприятие кого-либо, так же происходит и с Богом. Он ведет счет содеянному и воздает награду и наказание. Он также прощает в своей милости и сострадании того, кого он, может быть, выберет простить — так же как и мы, люди, поступаем на нашем небольшом жизненном пути. Для недалекого человека человеческое правосудие примитивно, а правосудие Бога выглядит слишком неопределенным, чтобы его постичь; и множество очевидных примеров отвлекает этого человека с истинного

пути — например, когда с праведными обращаются дурно, а неправедные наслаждаются жизнью. Но человек, обладающий острым зрением, сможет увидеть, чем кончится наслаждение неправедного и дурное обращение с праведником. Видящий сможет увидеть удар, который ждет пока не придет его время упасть на голову одного; а также увидеть награду, которая предназначена для другого. Это лишь вопрос времени.

Для материалиста это покажется абсурдом. Он думает, что если я ограблю кого-нибудь, и если полиция меня схватит, то тут-то и будет суд. А если полиция меня не схватит, то все в порядке, значит, мне нечего бояться суда. А если еще у меня кошелек полон денег, и я могу оплатить услуги юристов и адвокатов, то тоже все в порядке” — ибо он не видит ничего в будущей жизни, он видит только то, что здесь.

Простой правоверный знает, что будет День Суда. Суфий должен понять, что в памяти ведется запись каждого поступка, мысли и действия — манускрипт натуры, развернутый перед собственным сознанием; и если убийца сможет убежать от полиции, он не сможет убежать от сознания, которое внутри него. Кто-то подумает: “Но это же его собственное сознание, что случится, если оно немного помучается?”. Но ведь за ним существует и вселенское сознание, совершенно честное и всемогущее, которое, даже если он убежит с земли и станет искать прибежища в море, все равно повесит его, пусть даже и с помощью волн морских — и это будет наказанием за его преступление.

Все что человек делает, все его деяния, состоят из трех частей: начало, действие и конец. В начале заключается надежда, в действии — радость, а в конце наступает осознание.

Утром, когда человек просыпается, он чувствует себя свежими готовым спланировать все свои дела на предстоящий день. Человек работает весь этот день, а вечером он видит, какой он получил результат от своего труда, сколько заработал.

Когда ребенок только появился на свет, он чист и готов наслаждаться всем. Он счастлив любой безделицей, маленькой куклой, что дают ему. Он не знает, где находится мир. Он не знает, каковы заботы жизни. Затем человек переживает самый разнообразный опыт в жизни — и хороший и плохой, а когда наступает старость, тогда он видит результаты своих дел. Во время действия он этого видеть не может, ибо действие ослепляет. Тогда, если он работал ради богатств, он богатства и получает; если он работал ради славы, он ее и получит. А если он любит, ему достается любовь и симпатии собственного окружения. Когда он становится старым, это и становится его периодом суда на земле. Теперь он видит воздаяние по своим делам. Если он убил кого-то, суд совершается когда его вешают. Если он грабил, тогда он оказывается в тюрьме и раскаивается... Но время действия приходит только один раз, и после этого становится слишком поздно исправлять собственную вину.

Мы делаем много чего такого, что поначалу кажется нам верным, однако по прошествии времени наше человеческое “я” перестает чувствовать удовлетворение. Это как если бы человек ел какую-то еду, которая бы сначала была бы приятной на вкус, а потом она стала бы дурно пахнуть, причем настолько дурно, что даже запах собственного дыхания вызывал бы у него головную боль. От него терпели все, пока у него была сила, магнетизм, активность, энергия, внешний вид, манеры; но никто не будет терпеть его, когда сила его оставит. И тогда он становится слегка сумасшедшим, его дети хотят уйти от него, ибо говорят, что папа потерял голову; его друзья презирают его, ибо говорят они, что пользы с него никакой.

У ума имеется большое количество склонностей и слабостей, которые в молодости не кажутся особо значимыми, — например, ревность, жадность, зависть, гнев, страсть. Когда молодость проходит, а с ней и ее сила и магнетизм, тогда остается только слабость с раскрытым от удивления ртом. Пока мы заняты чем-либо, мы слепы. Глаза открываются только тогда, когда приходит результат.

Один падишах как-то проезжал на лошади через джунгли. И, переезжая мост, он увидел перед собой человека — а тот был совсем пьян и стоял на середине моста. Пьяный крикнул: “Не продашь ли ты свою лошадь, о проходящий мимо?” (он был совершенно пьян и не мог узнать всадника). А падишах подумал: “Он пьян” и не стал обращать на него внимания. Проохотившись сколько-то часов в джунглях, он повернул обратно и снова увидел того самого человека — только теперь он стоял не посреди дороги, а сидел у ее края. Тогда падишах в

шутку спросил его: “Так ты хочешь купить эту лошадь?” Хмель у того человека уже улетучился. Он даже помыслить не мог, что он наговорил падишаху в пьяном виде, однако к своему счастью, он нашел остроумный ответ: “Покупатель лошади уже ушел, но конюх ее остался”. Это позабавило падишаха, и он не стал его наказывать за провинность.

Есть время, когда эго желает получить все, что его соблазняет. Но, когда эта стадия начала и действия проходит, остается беспомощность.

Наша жизнь состоит из трех частей — жизни до нашего рождения, времени нашей жизни здесь и времени после смерти. Рассматривая собственную жизнь здесь и жизнь после смерти, мы понимаем, что наша жизнь на земле — это наша молодость, время после смерти — это время сбора плодов собственных деяний. И суд происходит именно в тот период, который и приходится на время после смерти.

Мы видим, что в искусстве присутствуют те же три аспекта. В музыке сначала идет вступление; затем музыка звучит в полную силу, а затем следует кода, которая обобщает все то, что прозвучало раньше. В живописи художник сначала делает наброски, затем он картину раскрашивает, затем смотрит на нее. И если она выглядит не так, как ему хотелось, он стирает ее или вообще рвет. Кто-то, пожалуй, сказал бы: “Ты же ведь сам ее нарисовал, что ж ты ее рвешь теперь?” Дело в том, что, когда художник смотрит на картину, иногда он внезапно понимает, что она ничего не стоит; тогда как, если эта картина хороша, художник хочет, послать ее на выставку; он с гордостью приглашает родственников своих и друзей посмотреть на нее. Этот мир является картиной Творца. Творец, подобно художнику, рассматривает свою работу; и он поправляет ее, улучшает, или вообще стирает — как сочтет нужным.

Почему Судный День называется “днем”? Наш день — это когда мы бодрствуем, а ночь — это когда мы спим. Речь не идет о земном дне и земной ночи, на каждое из которых отводится по двенадцать часов. Речь идет о дне и ночи сознания. То, что отделяет один день от другого; то, что заставляет нас различать дни, и есть ночь.

Наша жизнь здесь — это темнота деятельности, в которой мир иллюзий предстает в наших глазах реальным, а быстрые перемены в жизни представляются нам стабильными; точно так же как в поезде — тебе кажется, что это деревья бегут вдоль пути, а сам поезд стоит на месте. Когда оказывается, что иллюзорная жизнь не так реальна, как мы думали когда-то, тогда наступает день, когда все представляется тебе так четко как при дневном свете. У некоторых это происходит в этом мире, но у всех — после смерти.

Здесь нам свойственны два состояния — бодрствование и сон. Там же сон будет единственной реальностью. И он будет нашим днем, который не прерывает ночь. Перемен не будет. И этот день будет длиться вечно, то есть — до тех пор, пока наша личность не сольется с божественным сознанием.

Нам снится все, что нас окружает; все, что предстает в естественном виде. Нам снится лошадь, или слон, или брат, или сестра, или мать мой отец или дядя. Но нам не снится то, что не существует, например, лошадь с крыльями, или заяц с ушами слона, ибо они не принадлежат нашему миру. На наше сознание может произвести впечатление только наш мир. И этот мир подлежит суду, который никогда не прекращается. Мир домоседа будет домом, где живет его семья. Миром монарха будут окрестности его дворца.

А не окажемся ли мы среди огромной толпы, состоящей из миллионов и миллиардов ранее душ какой угодно формы; и эти души, которые когда-то существовали на земле, окажутся в суде в одно и то же время? Внешне все будет именно так, в реальности — нет, ибо Судный День для каждого будет отражать целый мир в себе, и он будет иметь особенности, характерные для одного отдельного человека. Другими словами, мир заново воскреснет в каждой душе. Утверждение и отрицание аспектов сознания будет наиболее сильным, принимая иногда вид Мункира и Накира — ангелов-хронистов.

В реальности все будет похоже на граммофонную пластинку, которая будет повторять весь жизненный опыт человека — и тот, который помнят, и тот, который забыли; хороший и плохой; и он будет сопровождаться неким фильмом, показывающем, кто имели отношение к этому опыту — неважно, умрут ли они или все еще будут продолжать жить на земле. Все это происходит с душой в присутствии абсолютно справедливого и могучего Существа, того, Кто

все точно Знает; Того, кто будет Взвешивать все дела.

ГЛАВА III. АД И РАЙ

Идея об аде и рае в той или иной форме существует во всех религиях. Это дает им огромную силу, что удерживать массы под полным своим контролем, научая их делать добрые дела и воздерживаться от зла. Без этой идеи все это было бы невозможно, ибо человека всегда соблазняет зло; и на пути человеческого всегда оказываются великие препятствия, когда он пытается сделать что-то хорошее, так как зловерные владеют царством на земле, в то время как праведные ищут милости Бога. Если бы такого обещания (об аде и рае) не было, никакая иная награда, насколько бы она ни была велика, не смогла бы объединить человечество в религии веры.

Награда, которую воздает Бог, весьма отличается от любых земных благ и богатств, однако в древние времена (а для многих людей это сохраняется и поныне) словесно ее можно было выразить лишь в виде земной награды. Поэтому Апостолы обрели способность говорить с каждым человеком на его родном языке.

Древнее писание появилось в то время, когда мир находился на таком этапе своей эволюции, когда люди стремились обрести все, благодаря чему они могли бы получить материальные блага. Если бы оно появилось сейчас, тогда бы нам обещали что-нибудь другое. А так им говорили: “Если ты будешь воздерживаться от греха, тогда быть тебе среди лотосовых деревьев, на которых нет ни одной колючки; среди банановых деревьев, отягощенных великим грузом плодов; и тень от них будет прикрывать тебя; и там будут воды струиться, и мягкие диваны стоять. А внизу будут гулять цветущие девы, красивые с большими глазами, и подобны они будут скрытым жемчужинам. Для тебя новое создание будет создано, и девы, молодые и прекрасные, а в руках у них будут золотые чаши и кратеры и кубки с искрящимся вином. И от него не будет болеть голова а чувства — притупляться. И будут там плоды, которые ты любишь больше всего и мясо птиц, которых ты только пожелаешь. И ты не услышишь там ни пустых разговоров, ни греха, а только лишь возглас: “Мир! Покой!”

Если ребенку сказать “Сделай так и так, тогда получишь конфетку”, какова бы ни была трудной задача, он все равно ее выполнит, ибо думает он “У меня будет конфетка”. Слова в писании, повествующие о награде за добрые дела, которая будет на небе, были произнесены именно так, как это соответствовало эволюции того времени. Обещание награды было высказано также, как взрослый человек обещает что-то ребенку, и говорит: “Не бери яблоко у того человека. Я тебе дам другое яблоко, гораздо слаще. Не бери куклу у того ребенка — я тебе дам другую куклу, гораздо лучше”.

Это было единственным способом удержать неразвитое человечество от нежелательных действий.

И таким же образом человеку угрожали наказанием, как, например, гореть в пылающем огне, пить из яростно кипящего фонтана и не есть ничего кроме чертополоха и репейника. Так мать говорит своему ребенку: “Я тебя высеку, если ты так сделаешь”.

Пророк сказал однажды: “Ад ждет злодеев, а к небу стремятся блаженные”.

В каждой религии, вне зависимости от того, к какой части света она относилась, ад и небеса изображались при помощи известных земных сцен.

Рай у индуистов — это оперный театр. В нем живут Упсары и Гандхарвы, певцы и танцоры. А в аду у них находятся змеи и скорпионы, гниль и черви.

В христианском раю благословенные становятся ангелами. Они носят белые одежды и белые крылья. В руках они держат золотые арфы. Сами же они — на синем небе, сидят на белых облаках и поют хвалу Господу. И радость их — в познании Бога и в единении с благословенными. Христианский ад — это раскаленная пылающая печь, с озерами угля и горячей серы, где черви вечно живут, а огонь вечно горит. Дьяволы колют проклятых грешников раскаленными докрасна иглами своих трезубцев. Они высохли от жажды и

оставаться им там навеки или до тех пор, пока они не оплатят все долги своих грехов до последнего фартинга.

У мусульман в раю живут Гурии и Малайки, которые будут прислуживать обитателям Джанната, небесные слуги, лица которых будут сиятельны и светиться небесной красотой; и будут они несравнимо красивее, чем все красавицы на земле. Там будут реки из молока и меда, а драгоценные камни и бриллианты будут валяться под ногами. Прохладительные напитки, объятия свежего ветра и всяческие плоды и роскошная пища — все это будет; и будут бить фонтаны Кута — божественного вина. Каждый, кто попадает в Джаннат, — ребенком ли, стариком, — там молодым будет. Там будет собрание святых, а божественная атмосфера будет чувствоваться во всем. Ад в мусульманской традиции — это яростный огонь, и он горячее любого пламени на земле. И в нем будут люди плакать и выть, прося воды, и во рту у них будет пламя. А окружение их будет — меланхолия, беспомощность, ничтожность; и во всем, что есть вокруг будет чувствоваться тьма, смятение ужас и невежество; и над всем этим будет доминировать атмосфера дьявола.

Кто-то может спросить, почему в разных религиях даются разные описания ада и рая. Но пророки никогда не говорили того, что не истинно, так что если обратиться к философской точке зрения, мы увидим, что само значение заключается в том, что мы получаем то, что идеализируем.

Индусы идеализировали музыку, пение, игру и танцы — поэтому они и были их раем.

В христианстве, в силу того, что с самого его начала мысль о разделении полов игнорировалась, святое место единым, и в нем были ангелы, бесполое, поющие хвалу Богу, сидя на небе над облаками.

В Аравии, в горячих песках человек все время желает прохладительного напитка, а местный климат делает людей эмоциональными и дает им желание восхищаться молодостью и красотой.

Ад почти во всех религиях, так или иначе, описывается как место пытки, в котором обнаруживаются все источники муки.

Картина рая или ада обязана своим происхождением простейшему откровению, пришедшему на ум Пророку: страшный ужас перед идеей греха и чувство радости и красоты при виде добродетели. Картина эта сначала выражалась в художественном воображении, перед тем как вербализоваться. Мысль об ужасе сразу вызывает картину огня — особенно в пустынях и горячих песках Аравии, где вода является единственным спасением для всех тварей, а огонь всегда выступает как главный элемент уничтожения. Когда же приходит мысль о радости и красоте, она сразу рисует красоту противоположного пола, который очаровывает душу с самого первого дня создания, и всегда будет делать то же самое. В тот момент все удовольствия, обращенные к чувствам и зрелищам, которые мы так стремимся увидеть, предстали в художественном виде перед Пророком и были выражены тем языком, которые его слушатели могли понять. В то время как суфий проникает в самый источник этой идеи, простой верующий получает удовольствие от слов.

Все, о чем говорится в преданиях, верующими понимается буквально, однако суфий понимает это по-другому. Для него Гурии — это райские воплощения красоты, предстающей перед его глазами, которые были открыты на земле и восхищались имманентностью божества на земле. “Бог красив и Он любит красоту”, — говорится в Хадисах. Все созданное создавалось так, чтобы красота, существующая в Создателе, могла проявиться в Его созданиях, и так, чтобы ее можно было видеть. Та же самая тенденция работает во всем круговороте вещей. Глаз Бога видит небесную красоту благодаря набожным, чей путь лежит к вечной цели. “Ни одна душа не знает, что уготовано им, какая радость осветит их глаза в награду за то, что они сделали”, — говорит Коран.

Мед — это эссенция всех цветов. Эссенция всего бытия — это мудрость. Мудрость — это мед, который находится в раю. Молоко — это чистая и очень важная субстанция, которая создается в груди матери. Основное средство поддержания нашего бытия — это дух, который чист как молоко; и, с помощью собственной духовности, мы пьем это молоко, и им собственную душу питаем. В Библии сказано: “Не хлебом единым жив человек, но и словом,

что исходит из уст Божьих”. Земные богатства, такие как бриллианты и драгоценные камни, которые набожные люди с презрением бросают на землю, катятся под ногами их подобно мелким камешкам и не имеют никакой цены.

Для видящего, земное благосостояние, к которому человек стремится всю свою жизнь, в конце концов, становится подобным камешку под ногой. Кутат, вино, означает опьяняющее воздействие духовного экстаза, который скрывается в сердце, так же как и любовь. Он очищает ум от всех впечатлений, что накопились за время жизни на земле, тем самым готовя душу к единению с Богом.

У каждого человека есть свой рай и свой ад, в зависимости от степени его развития. То, что представляется раем для одного, может быть адом для другого. Бедняк думает, что рай — это отличный дом, где он будет жить, и удобная повозка, в которой он будет ездить. А если бы короля заставили жить в доме богатого купца, где была бы одна или две повозки и где ему прислуживало бы лишь несколько слуг, он бы счел такое адом. Цоканье языком, для лошади — это большее страдание, чем для осла — десять ударов кнута. Все это доказывает, что ад для лошади и ад для осла не могут быть одинаковыми.

Рассказывают одну историю. Как-то раз предстали перед Падишахом четыре человека, арестованных за одно и то же преступление. Он посмотрел на одного и сказал: “Повесить его”. Посмотрел на другого и изрек “Этому — пожизненное заключение”. Посмотрел на третьего и сказал: “В изгнание”. А затем он посмотрел на четвертого и сказал: “Позор. Да как ты вообще смел показаться мне на глаза. Иди, и не приходи сюда больше.” Тот, которого должны были повесить, убил еще нескольких по дороге в тюрьму. Тот, кого изгнали, ушел далеко и в другой стране вернулся к своему делу и стал творить там свои бесчестные дела, причем еще более успешно. Приговоренный к заключению бесстыдным образом развлекался с друзьями в тюрьме. А тот, кого отпустили безнаказанным, пошел домой и совершил самоубийство: для него горькие слова падишаха были хуже чем чаша с ядом.

Не Бог в Своей Бесконечности нас вознаграждает или наказывает; и нет никакой области или территории, которая называется раем, и в которой могут быть только добродетельные. И не существует области под названием “Ад”, где содержат грешников. В реальности, мы в нашей жизни постоянно переживаем и ад и рай. Однако здесь у нас есть опыт двух состояний: сна и физической жизни. И всегда остается возможность что-то изменить. Если мы переживаем ад сейчас, завтра может быть раем. А если мы переживаем сегодня рай, завтра остается возможность, что настанет ад. Но, когда мы возвращаемся из этого мира многообразия, мы не идем в своем опыте дальше; наш рай и наш ад особенно не меняются.

Для начала рассмотрим ад и рай, которые каждый человек создает себе здесь. Когда человек совершает нечто, чем его сознание не удовлетворено, впечатление этого остается с ним. Оно будет его постоянно мучить и показывать ему перед глазами агонию, которую переживает его “я”. Мы видим, что в этом мире есть люди, которые занимают высокие посты, живут в роскошном окружении, облеченных богатством и властью; но злые дела их поддерживают яростное пламя внутри них. Иногда их жизнь выдает наружу, каково их внутреннее состояние. А иногда — нет, и люди думают, что они счастливы, однако сами они считают себя в аду. Но все-таки это частично сокрыто от их глаз в силу постоянного многообразия их опыта. Это смутное видение собственного ада, который они будущем ощутят в полной мере.

Когда человек делает нечто, приятное его сознанию, оно одобряет его. Оно кричит: “Браво! Молодец!” Его душа радуется собственными деяниями. В какой бы дурной среде он бы не оказался, его внутренней радости хватит для того, чтобы он чувствовал себя счастливым. Когда своими праведными делами он удовлетворяет свое сознание, Богу, что существует внутри его, приятно. Насколько бы не было плохим его положение на земле, он счастлив внутри себя. Мир, возможно, сочтет его несчастным, но сам он будет счастливее королей. Это его рай и то же самое ощущение будет непрерывно продолжаться на высшем плане существования, которое и есть ад и рай.

Каждый создает свой собственный рай и ад. Один ученик как-то попросил у своего муршида: “Прошу тебя, муршид, позволь мне увидеть видение рая”. Муршид ответил: “Поди в

другую комнату, дитя мое, сядь и закрой глаза, тогда ты увидишь рай.” Мюрид пошел в другую комнату и сел медитировать. И увидел он в своем видении огромную территорию, но ничего более. Там не было ни рек из меда, ни морей из молока, ни кирпичей из рубинов, ни крыш из алмазов. Он пошел к муршиду и сказал ему: “Спасибо, муршид. Теперь я увидел рай. Но мне хотелось бы и ад видеть”. Муршид ответил: “Хорошо, сделай еще раз так же”. Ученик пошел в комнату и сел медитировать, и снова он увидел огромную территорию, но там ничего не было — ни змей, ни огня, ни дьяволов, ни злых животных, ничего. Тогда он пошел к муршиду и сказал: “Я видел какую-то территорию, но там опять ничего не было”. Тогда муршид сказал: “Дитя мое, а ты что, ожидал увидеть там реки меда и моря молока? Или змей? Или адский огонь? Нет. Там-то ничего нет; тебе придется брать все отсюда. Именно здесь ты должен набирать все, либо радости рая, либо пламя ада”.

“Рай — это видение выполненного желания, а ад — это тень души в огне”, — говорил Омар Хайям.

Наше собственное “я”, на самом деле, и является раем, если оно благословлено божественной милостью; и адом тоже является наше собственное “я”, если оно проклято гневом Бога. Те семь ворот, о которых говорится в Коране — это семь открытий наших собственных чувств; и через эти ворота мы переживаем собственный рай или ад.

Семь башен означают семь планов человеческого существования, на каждом из которых есть свой характерный рай и характерный ад.

Вещи представляются нам такими, какими мы заставляем их нам представляться. Если мы терпимо относимся к собственному окружению и довольствуемся тем, что имеем, смиренно переносим неизбежные неудобства и дискомфорт, если мы приобретаем знание о собственном бытии, если мы видим вокруг себя божественную имманентность, и если мы культивируем в себе любовь, которой держится мир, тогда наша жизнь становится подготовкой к раю, а наша жизнь после смерти есть ее полное выражение. Таково состояние набожного человека. Как в Коране сказано: “Благочестивый войдет туда с миром и покоем... И там не коснется их никакое беспокойство, и не будут они отвергнуты”. Если они одеты в тряпье, если они лежат в пыли, пыль эта станет троном Сулеймана, а их тюрбан из рванья — короной Хосрова.

Наше недовольство тем, что мы имеем в жизни, наша нетерпимость к собственному окружению и неспособность стерпеть те условия, которых мы не можем избежать; наша слабость, выражающаяся в освобождении своих страстей и appetитов, наш недостаток социабельности, наше незнание собственного бытия и наша слепота к видению Бога, проявляющемуся в природе — это и есть мучение жизни и яростное пламя после смерти. Рай — для благочестивых, чьи добродетели и были предназначены для такого конца, а ад — для дурных людей, которые сами и зажгли этот огонь. Суфий говорит: “Я далек от обоих, счастливый быть в руках вечного покоя. Не может меня соблазнить радость рая, и пламя ада — коснуться меня, ибо я обнял блаженство и поцеловал проклятие и вознесся над радостями и горестями жизни”.

Конечно, ни одна душа не будет оставаться навечно ни в раю, ни в аду. Это постепенный процесс растворения остатков индивидуального бытия в океане Бытия вечного. Именно это состояние и называется “пульсерат” или чистилище.

ГЛАВА IV. КАЙЯМАТ, КОНЕЦ МИРА

Один персидский поэт сказал:

*“Ты сокрыл Свой лик под кисеи Твоих Созданий
Но я знаю, что это Ты одним ударом заставил двигаться два мира”*

Мир подобен детскому обручу; если его ударить, он будет катиться вперед, а когда сила

удара иссякнет, он остановится и упадет; и такое можно видеть, в несколько меньшей степени, во всем, что есть в мире. Когда иссякнет деятельность мира, весь мир падет. Ход разрушения подобен ходу проявления: он идет в виде циклов. Первое действие вызывается ударом, а любое последующее действие — причина еще одного действия.

Ход жизни мира подобен ходу часов. Их заводят, чтобы они шли определенное время. Некоторые часы идут четыре дня, некоторые — восемь, а некоторые приходится заводить каждый день. Когда тот период, на который были заведены часы, проходит, их колеса останавливаются.

Закон созидания и разрушения можно описывать, как если бы он состоял из трех аспектов. Урудж, первый аспект, показывает силу деятельности; Кемаль показывает высшую точку, предел движения вперед, а Зеваль возвращает к отсутствию деятельности, конец которой и есть абсолютный Кемаль. Кемаль выказывает свою разрушительную силу на обоих своих полюсах, — сначала в конце Уруджа, когда деятельность имеет силу, когда движение вперед прекращается, а потом — в конце Зевалья, когда деятельность прекращается полностью. Созидающий элемент называется “Кадр”, доминировавшая сила. Разрушительный (элемент) — это абсолютная сила, которая доминирует. Она называется “Каза”. Все, что рождается, строится, создается или вырастает, должно в тот или иной день, в одиночку ли, в группе, подчиниться Казе, разрушительной силе.

Нас поражает, когда, в результате взрыва случайно сравнивается с землей фабрика, и тысячи жизней погибают; нам страшно видеть большой город, уничтоженный наводнением, и миллионы жертв; но для Создателя это не значит ровным счетом ничего. Это как если бы математик написал какую-то сумму, помножил ее, прибавил, вычел, поделил, довел бы ее до тысяч и миллионов, а затем внезапно взял да и уничтожил все.

Бывает время, когда отрезают один палец, а когда — и всю руку. Бывает время, когда погибает одна часть тела, а бывает время, когда все тело гибнет. Бывает время, когда какая-то вещь в комнате ломается, а бывает — когда вся взрывается вся комната, а когда и весь дом превращается в руины. Бывает время, когда уничтожается целый город или целая страна. Поэтому есть и время, когда весь мир будет уничтожен, и даже вселенная; но это случится через очень долгий период времени.

Почему же проявление, хотя и создано из вечной жизни, все-таки подвержено разрушению? Ответ заключается в том, что вечная жизнь — это единственная жизнь, а эта кажущаяся жизнь на земле — всего лишь предположение. Пророка однажды спросили: “Что такое душа?” Он ответил одним словом: “Амр-е Алла — Действие Бога”. Между Богом и его проявлением такая же разница, как между человеком и его действием. Погибает действие, человек остается и так же проявление погибает, а остается Бог.

Все впечатления, все воспоминания и все язвы мира исчезают из сознания, оставляя его таким же чистым, каким оно было раньше.

Если бутылку чернил вылить в океан, чернильная субстанция будет поглощена им, а море останется как и раньше — чистым и неизменившимся. Когда проявится новая вселенная, она не будет иметь опыта предыдущего проявления. Когда вселенная прекратится, она начнется снова, и хотя она будет повторяться бесчисленное множество раз, каждый раз она будет такой же новой как всегда.

ГЛАВА V. ОБИТАЕМЫЕ МЕСТА

В нашей повседневной жизни влияние гостей, что приходят в наш дом, ощущается не только в их присутствии, но и после того, как они уходят. На стуле, на котором они сидели; в комнате, где они были; в холле, где они прогуливались тонко чувствующий человек может их почувствовать, хотя, конечно, не каждый.

Однажды, будучи в путешествии, я снял комнату в Канди, на Цейлоне и во время часов

своей медитации вечером, когда я занимался священными действиями, я чувствовал себя очень обеспокоенным. И я не мог ни на момент настроить свой ум на медитацию. Я был недоволен собой и улегся в постель, однако беспокойства у меня прибавилось. Я встал и почувствовал, что должен заглянуть в буфет. Я не знал, зачем я это делал. Я думаю, возможно, мое внутреннее “я” хотело привести меня к причине такого необычного опыта. Там я обнаружил, к своему удивлению, пучок черных волос. Он выглядел, как если бы какая-то женщина долгое время собирала то, что оставалось у нее не расческе. Ночь я провел плохую, а утром первым что я сделал, — это спросил хозяйку, кто занимал эту комнату до меня. Она ответила: “Сэр, не напоминайте мне о ней. Мне становится нехорошо даже от мысли про нее. Здесь какое-то время жила одна женщина. И она никогда не платила мне за комнату. Она обзывала меня нехорошими словами, дралась с людьми и ругалась каждый день, выживая других моих жильцов. Теперь, когда она ушла из этого дома, мое сердце спокойно”. Тогда я сказал: “Какой это позор, что вы сдали мне эту комнату”. Она ответила: “Сэр, я сдала вам эту комнату специально, ибо по вашему внешнему виду кажется, что вы человек набожный. Я была уверена что ваше благотворное влияние очистит эту комнату”. Отвечать мне было нечего, разве что улыбнуться.

Если таково влияние живущих, то насколько же сильнее влияние умерших в тех местах, где они жили и были счастливы, к которым они были привязаны, и откуда смерть насильно вырвала их! Воспоминания о собственном доме удерживает их в доме, где они жили, или в поле, в котором работали, и в клубах, где они наслаждались жизнью, и в домах своих друзей, к которым они тянутся.

Если дух во время своей жизни интересовался вкусной едой, то после смерти, где бы ни появлялась вкусная еда, он всегда будет там. Если всю свою жизнь он любил виски, то после смерти он будет витать у бара, в котором есть виски.

Духи также привязаны к своим могилам и к крематорию своей любовью к телу, которое, как они думали, было их единственным “я”, но которое фактически было инструментом их опыта. Фактически нет ни одного дюйма пространства, на земле ли, на воде, свободного от влияния духов.

Человек, который очень любил определенное общество, общество своих друзей, родителей, братьев и сестер, будет хотеть оказаться в том обществе.

Духи, которые отчаянно привязаны к этому плану, и особенно те из них, которые лишь недавно покинули его, проявляются в виде фантомов, или еще заявляют о себе стуком в дверь, постукиванием по столам и стульям, поднятием и перемещением предметов, а также разговором. Их голоса вибрируют в сферах и становятся слышными для некоторых из нас. Иногда кто-то слышит пение и крики, а иногда — танцы на верхнем этаже или драку, что происходит между ними. Некоторые духи предстают живым без всякой одежды, а некоторые — с вывернутыми ногами. Первые так выглядят из-за своей похоти, а также из-за ничтожества, которым они были во время жизни. Последние выглядят так вследствие жизни, прошедшей в мыслях о двойственности, а также потому, что сбились с жизненного пути, не сохранив мысли о единстве; их тело само по себе демонстрирует их искривленность.

Впервые у меня был опыт общения с духами, когда я был мальчиком. Однажды я проснулся в полночь, чувствуя, что хочу выглянуть в окно на двор, залитый красивым лунным светом. Я подошел к окну, и выглянув наружу, увидел невдалеке человека, похожего на святого. Он был одет в длинный белый плащ и он носил длинные белоснежные волосы и бороду. Я видел его так четко, как при дневном свете. Мне было интересно смотреть на него, и я думал, каким это образом пробраться к нам на двор, ведь все двери были закрыты. Если бы не его внешность святого, я бы подумал, что это вор, но чем ближе подходил он, тем выше он становился. Его рост увеличивался с каждым шагом, и я потом даже не мог видеть его головы, а фигура его, как он шел вперед, становилась туманом. Под конец он стал подобен тени и в одно мгновение исчез с глаз моих. У меня волосы стали дыбом и сам я был в полном замешательстве.

На следующее утро, когда я рассказал семье о том, что видел, они попытались не придавать этому значения, дабы удержать меня от суеверия; но другие говорили мне, что тоже очень часто видели этого призрака в нашем квартале. Это научило меня думать, что духи привязаны к тем

местам, которые им интересны — так же как и мы, и их постоянно тянет к местам собственного интереса. Форма их состоит не из тверди, а из эфира, и может расширяться. Фантом, которого я видел, был фантомом Пира и жил в колодце на нашем дворе.

Спустя несколько лет с тех первых переживаний, я пытался забыть и опровергнуть это впечатление, боясь, что оно может привести меня к суеверию. Но однажды, когда мне случилось приехать в полночь в наш загородный дом, я увидел на нашей земле в трех ярдах от себя огромного человека, который делал мне знаки на индийский манер, что, мол, желает побороться со мной, то есть бросал мне вызов, шлепая себе по бедрам, перекрещивая руки и хлопая ими. Я ни на момент не усомнился в том, что это был не человек. Я сразу понял, что он был духом. Сначала я испугался, сравнив свой размер и силу с тем гигантским духом. Однако я слышал, что духи глотают трусов, и поэтому, хотя и не знал искусства борьбы, я решился драться с ним. И я двинулся вперед, будучи вполне готовым нанести ему удар. И с каждым моим шагом вперед он отходил назад, что, естественно давало мне мужество приблизиться к нему. Он отступал до тех пор, пока не прижался к стене. Я обрадовался, что теперь-то достав его, и, приблизившись, нанес ему сильный удар, который, вместо того, чтобы поразить духа, ударил мою руку о стену, а сам дух исчез.

Причина, почему дух появляется и так и не обретает твердой формы, заключается в том, что он существует в парообразном состоянии, а образ, видимый в этой парообразной форме, есть ничто, кроме как впечатление о своем бывшем теле, когда оно жило на земле.

Хотя у меня и было много различных опытов, одного из них я не могу забыть, он произвел на меня очень сильное впечатление. Я специально снял дом с привидениями на Джеймс-Стрит, в Секундерабаде, хотя друзья советовали мне этого не делать. И вот, чтобы получить опыт какого бы ни было проявления (духа), я спал там один, там даже слуги не было. Спустя несколько дней я заметил, что всякий раз, когда я играл ночью на вине, сидя на кровати, она постепенно начинала двигаться, как будто бы левитировала. Казалось, она как будто на мгновение поднималась в воздух, но движение ее было настолько мягким, что никакого шока не было. Я играл с закрытыми глазами и думал, что это могло быть эффектом воображения, под влиянием чар музыки. Так продолжалось какое-то время. Затем мне случилось отдать свою вину в ремонт, и ночью, к своему великому ужасу, я услышал шум — как будто бы все окна в доме вылетели. Я встал и посмотрел вокруг. Оконные рамы были целыми, и вообще не было причин предполагать, что в доме мог быть кто-то вызвавший этот шум. Это продолжалось три дня, и я не мог заснуть. По ночам мне не было покоя до тех пор, пока ко мне не вернулась моя вина. Духов, кажется очень заинтересовала моя музыка, что они радовались ей, и проявляли это поднимая меня вверх, а когда им не давали пищи для их душ, они поднимали мятеж.

Пожалуй, вы спросили бы, какая сила поднимала вверх кровать. Ответ заключается в том, что тонкие силы, гораздо сильнее внешних. И нет ничего такого, чего бы они не могли поднять или понести.

Есть люди, которые подчиняют духов, так что духи приносят им все, что они хотят откуда угодно — драгоценные камни, деньги, фрукты, пищу. Духи могут даже переносить человека с одного места на другое. Однако те, кто делает с помощью духов злые дела, тренирует духов на зло и однажды эти духи бросят бомбу зла обратно в хозяина.

Иногда духи приносят новости тому, кто их подчинил. Они могут приносить их из какой угодно дали за один момент времени. Иногда духи идут и причиняют вред кому-нибудь, если так им прикажет их хозяин. Я сам видел случай, когда духи навлекли пожар на дом одного человека. Иногда его одежда воспламеняется, иногда его бумаги горят, иногда еда исчезает с тарелки, на которой была, а вместо еды остается грязь.

За двенадцать лет странствования по Индии, во время которых я занимался исследованиями физики, я встречался с великими и весьма опытными спиритуалистами, которые могли в одно мгновение получать новости из любой части мира, и могли даже предсказывать будущие события с помощью видящего духа.

Мохаммед Чеель, простой, непритязательный человек с обычной внешностью, наш великий индийский спиритуалист, показывал самые невероятные явления. Он мог отсоединять вагоны от поезда, оставив с паровозом столько, сколько хотел. Иногда он отсоединял сразу все вагоны,

пока паровоз разводил пары, так что ему приходилось ехать одному. Он никогда не ездил ни в каком классе, кроме третьего. Он иногда, забавы ради, просил людей, сидевших в нем в одном вагоне показать ему свои билеты. Потом он брал их, рвал на клочки и вышвыривал в окно в их присутствии. Все на него сердились и хотели даже побить. Тогда он говорил: “Да кто это взял у вас билеты? Они же у вас!” Одному он говорил: “посмотри в тюрбане”, другому “посмотри еще раз у себя в кармане”, третьему — “посмотри в ботинке, четвертому — “поищи у себя в рукаве”. Их всех это веселило, и они думали, что он был удивительным фокусником. Вы можете подумать, что я спрятал ваши билеты, а потом при помощи ловкости рук положил их вам в карман; но что вы скажете на это?” И он высовывал руку в окно и заказывал несколько сотен билетов на Дели, и несколько сотен — на Аджмир, и несколько сотен — на Агру, и спрашивал их, какие еще станции они хотят. А когда поезд прибывал на следующую станцию, там творился большой переполох. Начальник станции только что получил телеграмму, в которой говорилось, что все билеты на эти станции были украдены за секунду, и никто не знал, куда они исчезли.

Мохаммед Чеель никогда не делал таких явлений, если только ему не хотелось развлечься. Его не волновали ни известность, ни деньги. Ничто не могло побудить его сделать шоу или профессию из своих способностей. Если бы он захотел показать свою силу в Западном мире, он бы заполнил свой дом мешками с золотом.

ГЛАВА VI. СПИРИТУАЛИЗМ

Верующие в явления духов, часто теряют равновесие и заходят так далеко, что поиск спиритуализма становится их манией, ибо всегда интересно и рассказать и послушать истории о привидениях... У рассказчика имеется тенденция преувеличивать историю, сделать ее более интересной и возбудить удивление слушателя; а у простого слушателя имеется тенденция иногда принимать палку за змею.

Был один хорошо известный случай, который произошел в Индии, когда компания друзей сидела и разговаривала о привидениях. Один из них сказал: “Я не верю в такие вещи. Я готов пойти и просидеть полночи на кладбище, если вам того хочется”. Его друзья сказали, что не поверят ему, если он сам этого не сделает. И той же ночью он отправился сидеть на кладбище. Он провел там полночи, пытаясь избежать всех угроз, которые рисовало перед ним воображение, во время темной ночи на кладбище. Когда время вышло, он встал, чтобы вернуться к друзьям, и его длинный плащ попал в колючий кустарник, что рос там. А он подумал, что это явно дух схватил его. Он упал, задыхаясь от страха, а утром его нашли мертвым.

Часто враги домовладельца распространяют слухи, что в его доме живут призраки, так что он, бывает, не может заполучить к себе жильцов. Иногда называющие себя спиритуалистами, которые сделали это занятием своей жизни, устраивают из этого интересную игру, насколько смогут. Они устраивают стуки то там, то сям, поднимают столы и стулья, с помощью проволоки, производят эффект света и тени при помощи фосфора; они пользуются простодушными. Некоторые считают, что несут послания из мира духов и обратно и обманывают многих честных, которые интересуются этими вопросами. Многие реализуют свои сомнительные цели, проводя собрания духов. Все это движет материальными людьми, неверящими в духов, тем самым еще более отдаляющимися от знания тонкого существования, а многие так называемые спиритуалисты часто так поглощены своим хобби, что никогда не осознают свой собственный дух.

В обычной жизни мы испытываем опыт двух планов: физического, который мы постигаем при помощи глаз, ушей и всех органов тела и ментального плана, плана мысли и чувства. Когда мы спим и все наши органы отдыхают, мы видим себя как если бы мы бодрствовали и нас окружало бы разное окружение. Это показывает нам, что у нас есть еще одно бытие, кроме

бытия физического; и еще одни глаза, тех глаз. Пока мы спим, сон реален для нас. Когда мы бодрствуем, мы думаем: “Я был там, а теперь я здесь. Если то, что я видел во сне, было реальным, тогда все это должно было быть сейчас здесь, когда я проснулся, но ничего этого нет. Мы различаем сон по контрасту с состоянием пробуждения.

Пока мы спим — если бы кто-нибудь пришел и сказал нам, что это сон, что он не реален, мы не поверим ему. Или если кто-нибудь скажет нам, что это сон, мы скажем: “Нет, это вполне реально. Я же вижу разные вещи вокруг себя”. А еще есть выражение, которое мы используем для того, что стало прошлым “Все это — сон теперь”.

Когда человек после смерти все еще желает земных радостей, он оказывается в очень плохом состоянии, ибо он не имеет физического тела, которым он мог бы их прочувствовать. Он подобен крикетисту или футболисту, потерявшему руки: он хочет играть, но рук у него нет; или — на певца, которому сделали операцию на горле: петь он будет хотеть, только не сможет, ибо голос пропал.

Когда физический план отнимается от человека, тогда в качестве реальности остается сон, ибо там не будет контраста, доказывающего, что это не так. И это состояние существования называется “Митхаль”. Он не может получать опыт на земле, так как потерял физические средства. Его миром будут все те впечатления, что он собрал на земле. Такова природа ума, что накапливает так много впечатлений, сколько сможет. Из этого запаса и образуются картины, которые он видит. Мы не видим во сне то, о чем нам не известно или о том, чего мы не видели. Мясник целыми днями видит мясо, и ночью ему будет сниться мясо, а не молочная ферма.

Иногда, — не только на Западе, но и на Востоке, — тени умерших, которые приходят пообщаться, предупредить, поговорить с кем-то дорогим для них, называются духами. Слово это действительно неуместное. Дух — это сущность, душа которая живет далеко. Но уж поскольку это слово часто используется всеми, примем его. Эти так называемые духи — это не только одна душа, но душа вместе с умом, то есть то, что остается от внешнего человеческого “я” после смерти тела.

Иногда бывает, что привидениям очень хочется прочувствовать жизнь этого света, и в определенной степени они делаются материальными. Они не могут сделаться такими определенными как мы, иначе бы они смогли здесь жить. Но, в какой-то степени они и живут, активируя элементы вокруг себя, — либо эфир, либо воздух.

Когда люди видят привидение, это отчасти иллюзия, а отчасти они в самом деле его видят. Когда видит внутренний глаз, внешние только думают, что видят. Но если они попробуют прикоснуться к привидению, то там ничего не будет. Вот так действительное “я” духа может показаться в тумане, однако, где, можно спросить, он берет одежду, в которой появляется, или вообще что-либо, что бы он мог держать в руке. Ответ здесь такой: дело в том, что это всего лишь его собственное впечатление того, что он что-то держит, которое отражается в душе зрителя, и вот благодаря своей собственной иллюзии чего-то определенного, он ощущает его присутствие, как если бы видел его собственными глазами.

Умершие чувствуют мысль, добрые желания живых. Молитвы и религиозные обряды фокусируют ум живых, на ум умерших, и так что живые могут помочь умершим; или живой человек может получить благословение святого духа.

Традиции принесения в жертву еды, ароматов или ладана ради умерших существует у индуистов и мусульман. Если кто-то приходит к нам в гости, и мы ему предлагаем еду или что-либо, что ему приятно, он это с благодарностью оценит. Так же обстоит дело и с умершими; они наслаждаются тем, что мы едим, тем, что мы вдыхаем аромат, ибо, хотя они не могут наслаждаться реальными предметами, что мы ставим на стол — все-таки впечатление нашего ума, радость, которую оно несет, отражается в их душе.

Умершего более интересуют вещи, которые что-то говорят уму, чем нежели материальное удовлетворение. Поэтому, когда приносят в жертву пищу, и напитки и благовония, перед ними читают и священные имена и суры из Корана, чтобы их разум тоже мог быть удовлетворен.

Чтобы узнать о существовании духа, мы должны сами жить духом, быть выше материи. Если человек теряет кого-то, кого он очень любил, и кому он отдавался целиком, и он будет все время думать об этой потере, он станет мертвым для мира, что вокруг него; и тогда, куда бы он

ни пошел — в толпу ли, в джунгли, он будет ощущать присутствие того человека, ибо его “я” уже не находится у него перед глазами.

Наша связь с существами на земле гораздо сильнее, потому что мы сознаем нашу земную жизнь. Мы думаем о друзьях, которых мы видим, к которым чувствуем симпатию; но мы думаем гораздо меньше о тех, кто ушел от нас, о том, каково их состояние сейчас. И те, кто живет в другом плане, также меньше думают о нас. Может быть связь между матерью и ребенком, или между любящим и возлюбленной, но, между живыми и мертвыми, контакта обычно не бывает.

Что касается духовного единения, — а это тонкая тема — я скажу, что лучше более связываться с существами, живущими на земле, чем одержимо стремиться познакомиться с людьми на той стороне жизни. Нам следует развиваться именно здесь, а обратившись к тем, кто ушел от нас мы уходим от той жизни, которая у нас должна была бы быть; и тогда мы живем на земле, как если бы были мертвы. На лицах людей, гоняющихся за духами — выражение умерших.

Поклоняться бессмертным и святым сущностям, которые оставили этот мир, ибо они более живы чем живущие, и еще более — чем умершие.

Есть духи, которых мы привлекаем своей любовью к ним, нашим желанием их присутствия. Нас в жизни окружают наши друзья, те, кто нам нравится, кого мы своей симпатией привлекаем к себе. И мы так же привлекаем к себе духов своей любовью. Это обычно существа более высокого порядка — те, кого мы зовем на помощь, у кого просим совета — это муршиды и пророки. Иногда — это видения муршидов, высших существ; они приходят к посвященным. Они приходят дабы советовать и помогать при всех неприятностях. Иногда кто-то, кто будет полностью поглощен мыслью о пророке или муршиде, может настолько потерять себя в нем, что если он будет звать его в беде, тот, к кому он обращается, всегда придет и поможет ему. Поклоняться муршиду, или пророку, перешедшему в мир иной — это лучше, чем просить его о помощи во всякой беде, ибо Господь Всемогуший ближе всего к нам и этого хватит, чтобы помочь нам во всех наших бедах. Никакой медитации кому-либо, живому ли, духу ли, не надо. Конечно, как в жизни мы зависим от помощи друг друга, так же дело обстоит и на высшем плане; и если нам предлагает помощь святой дух, мы можем принять ее, но только если во всем этом будем осознавать бытие Бога; из какого бы источника не шла помощь, она идет от Бога.

Мне было много видений своего муршида, и одно из них было таким:

Однажды нам надо было пройти трехдневный путь по джунглям, через одно место, очень опасное из-за разбойников. Там каждую ночь убивали двух или трех проезжающих. Наш караван был самым, что ни на есть маленьким. Обычно караваны состояли из двадцати фургонов, но случилось так, что наш был только из трех. Со мной был очень дорогой камень, который дал мне Низам Хайдерабада, а вместо оружия у меня были музыкальные инструменты. Всю ночь я видел форму своего муршида, сначала смутно, а потом отчетливо, — он шел вместе с фургоном. Два других фургона были атакованы и ограблены, — у них забрали всего несколько копеечных тюков — но мой фургон остался нетронутым. И это не единственный пример, что был у меня в жизни. У меня были тысячи опытов такого рода.

Животные видят духов лучше, чем мы, ибо их активность ниже нашей. Мы, вследствие беспокойства и тревог жизни, а также в силу комфорта и соблазнов земли, более живем на поверхности, хотя наш разум умнее, чем разум животных. Животные после смерти также появляются в виде духов, но на более короткий период; и числом их меньше, чем людей, ибо они не так поглощены земной жизнью, как человек — самим собой и собственностью.

Однажды был у меня один случай с собакой. Возвращаясь в полночь из театра вместе с небольшой группой друзей, я увидел, что за нами следует пес. Он выказывал какой-то особый интерес к нам. Один из нас, думая, что это была бродячая собака, ударил его палкой. И в тот же момент когда палка коснулась его, пес исчез, а сама палка рассыпалась на куски. Это случилось в присутствии многих людей. Мы потом узнали, что пес, живший у нас в семье, очень любивший нас, умер шесть месяцев назад, а за нами тогда шел дух его, все еще привязанный к нам. Этот пес был каким-то исключением, а то странное явление приходило каждый Четверг,

регулярно, хотя и быстро.

ГЛАВА VII. НАВАЖДЕНИЕ

Мы часто обнаруживаем, что в нашей повседневной жизни мы совершаем то, что не желаем делать, поступки против нашей воли и идеалов. Иногда мы убеждаем себя в том, что это такой-то и такой-то друг побудил нас сделать то, что при других условиях мы бы не сделали; и мы приписываем ему в заслуги или ставим в вину результаты того дела. Мы принимаем его слова к сердцу (неважно, соглашаясь с ними или нет), возможно, потому, что мы настолько его любим; а, возможно, мы делаем так под влиянием другого человека и не можем поступить никак иначе, кроме как по его желанию.

Случается, мы чувствуем склонность к делам, хотя у нас нет никакой явной причины этим делом заниматься. Это все благодаря беззвучному влиянию какого-то другого человека, воздействующего на нас не говоря ни слова и заставляющего нас делать то, что, как представляется нам, есть его желание.

Иногда мысли и состояние ума другого человека производят на нас такое сильное впечатление (либо в присутствии этого человека, либо в его отсутствии, в зависимости от степени его влияния), что его состояние передается нам. Мы иногда смеемся без причины, видя, как громко смеется кто-то другой; и мы расстраиваемся без всякой причины, когда находимся в контакте с тем, кто выглядит печальным. Мы выполняем желание другого, не зная, что у него было такое желание; иногда он даже сам не знает об этом.

Время от времени происходит такое, когда мы чувствуем желание поесть рыбы, и обнаруживаем, что повар приготовил ту самую рыбу, которую мы хотели; а иногда мы думаем о каком-нибудь друге, и случается так, что он заходит к нам в гости. Все эти примеры служат доказательством беззвучного внушения, внутреннего влияния, направленного сознательно или бессознательно. Иногда мы находимся под влиянием ума и мысли другого человека, а в другой раз кто-то может оказаться под нашим влиянием; все зависит от позитивного и негативного состояния воли.

Внушение бывает двух видов: высказанное приказание, и внушение мыслью. Человек с сильным умом часто может непреднамеренно что-нибудь внушить или скомандовать, и вот выполняется каждое слово, сказанное сильным, и каждая мысль подчиняющего ума. “Когда слова сказаны и дела сделаны” — так называется у йогов достижение Сиддхи, а суфии называют тех, кто достиг этого Сахиб-е Диль.

Гипнотизм и месмеризм — тоже вид наваждения, применяемого в благих или дурных целях.

Черные маги практикуют шесть различных видов колдовства: убийство, ложная эйфория, разрыв, беспокойство, пытка, преследование. То же самое творит и злая душа, чье дело — творить зло на земле. Те, кто подвержен ее влиянию, могут почувствовать любое из этих дурных воздействий.

Все это частичное наваждение. Тысячи таких влияний приходят и уходят словно движущиеся картины по экрану человеческого ума; и редко бывает, когда эффект от них длится долго, — а если все-таки долго, то люди называют это наваждением.

Влияние умерших подобно влиянию живых, а даже и сильнее. Дух проецирует свое отражение на зеркало человеческого ума, и человек действует так, как желает дух, зная притом, что его желания отличаются от желания духа. Сила наваждения духа гораздо значительнее влияние живого человека, ибо живой человек сам подвержен влияниям и наваждениям, и их собственное “я” есть наваждение для них, отражающее картины их собственной жизни в их душе. Однако духи, у которых обуза внешнего существования снята, обладают гораздо

большей силой, свободой и склонностью сводить с ума других.

Преступления часто совершаются человеком под влиянием другого человека. Человек со злым желанием о мести или желанием убить кого-нибудь, из-за самой концентрации своих злых мыслей становится настолько слабым, что не может сделать этого сам. Тогда он может сознательно или бессознательно, силой своего желания передать внушение это сделать какому-нибудь другому человеку. Другой человек не испорчен злым желанием и имеет силу, чтобы выполнить его. Это часто наблюдается у анархистов; среди них есть те, кто планирует их акции, а есть те — кто выполняет.

Существует два вида наваждения: первый — это когда одна душа передает свои качества другой; другой — когда одна душа заставляет другую что-то совершить, либо плохое, либо хорошее. В Индии мы часто наблюдали это со змеями. Душа фокусируется на змее, а затем змея чувствует побуждение поползти и укусить кого-нибудь.

Если от живого человека исходит такое сильное влияние, то наваждение со стороны мертвого, или духа еще сильнее. У мертвого нет никаких других средств выражения, и вот он захватывает слабого человека, слабый ум и контролирует его. Не то, чтобы эта душа проникала в тело, — она слишком велика для этого, — но она отражается на другой душе. Дух фокусируется на душе другого; более сильная власть подчиняет себе менее сильную.

Если человек оставил этот мир полный гнева, полный ненависти к своему врагу, желая причинить ему вред, он не может обрести покой. Если человек оставляет землю с чувством мести, он будет стремиться ее осуществить. Он постоянно в движении, постоянно ищет средств для выполнения своего желания. Негативная душа, пригодная для этой цели, получает это впечатление; позитивная душа его не получает, за исключением тех, кто слаб телом или умом. Мужественные и уравновешенные отбрасывают от себя такое влияние, на них нелегко воздействовать.

Дух может устроить наваждение в благих или в дурных целях. Если мать умирает до того, как смогла бы воспитать своего ребенка и все ее мысли и любовь посвящены ребенку, она может околдовать одного из родственников, который затем почувствует побуждение взять ребенка к себе и сделать все для него.

Так же может быть и в случае родства душ. На Востоке это можно видеть особенно часто — мужчина может любить девушку или женщину, которую он видел только раз и которую больше вряд ли увидит. Потом, если он умрет, он может стать причиной ее наваждения. У нее не будет никаких других мыслей, кроме его мыслей, и она становится наполовину покойницей и часто пребывает в трансе. Она может и не любить его сильно, но его мысли становятся навязчивыми для нее, и она чувствует только его состояние.

Как-то ученики Кваджи Низам-уд-Дина Вали, великого святого из Дели сидели и ждали когда он придет, чтобы говорить с ними об очень трудных для понимания вещах. И вот, к их удивлению, они увидели, как его слуга пришел в комнату и сел на место муршида. Затем пришел Низам-уд-Дин, глубоко поклонился слуге и занял его место. Слуга стал говорить и говорил какое-то время, разъясняя некоторые очень тонкие и глубокие вопросы. Затем на его лице наступила перемена. Он посмотрел вокруг и выбежал из комнаты в великом смятении. После этого Низам-уд-Дин рассказал ученикам, что спросил у собственного муршида ответа на один очень трудный вопрос, но тема была настолько сложна, что муршиду потребовалась человеческая форма, чтобы точно все объяснить, и вот поэтому он говорил через слугу.

Меня очень интересовали такие дела. Мальчиком, я из любопытства изучал их. Я всегда ходил в те места, где бывали люди-жертвы наваждения, и я наблюдал несколько очень любопытных и примечательных случаев, один из них произошел в семье парсов. Там была одна молодая дама, у которой раз в день, а иногда и два и три раза менялось душевное состояние и она начинала говорить по-арабски и по-персидски; причем она разговаривала о метафизике и философии, чему ее никогда не учили. Она была настолько поглощена наваждением, что не обращала внимания ни на отца, ни на мать, ни на братьев, ни на сестер, вообще ни на кого. Она и на улицу не выходила. Она все время жгла в комнате ладан и вела очень уединенную жизнь. Приводили ученых людей с ней побеседовать, и она разговаривала с ними как великий философ, извлекая лучшее из спора. А затем она все опять забывала... В Секундерабаде был

мальчик, который пел песни на языке телугу. Он не учил их ранее, — мусульмане там не говорят на телугу. Иногда он пел много песен, а потом не мог спеть ни одной.

Многие люди, страдающие от наваждения, отправляются в Уджаин, что в центральной Индии, дабы исцелиться у могилы суфия Мирана Датара — святого, который во время своей жизни лечил случаи наваждения, и продолжал делать это даже после смерти. Я однажды приехал на это место. На ступенях гробницы сидел человек, выглядевший тихим и задумчивым. Он молился. Я заговорил с ним. Если бы я знал, что он одержим, я бы не стал с ним заговаривать, но об этом я не знал. Я спросил его: “Почему ты здесь сидишь?” А он ответил: “Не спрашивай меня об этом.” А я сказал: “Почему?”. Он ответил: “Потому, что я боюсь. Теперь, когда я рядом с этой святой гробницей, у меня есть немного силы, чтобы отвечать тебе; если бы я а был не здесь, я бы не смог сделать и этого”. Он рассказал мне, что был буфетчиком на одном британском лайнере из тех, что курсировали между Лондоном и Бомбеем. Однажды в море он испытал странное чувство, как будто какая-то сила захватывала его, и он совершенно ничего не мог поделать. Потом эта сила стала овладевать им часто, и он не мог делать то, что хотел. Бывало, ему хотелось есть, но он не мог, а, бывало, он не хотел есть, но все равно ему приходилось идти и кушать. Он совершенно ослабел. Он рассказал об этом судовому врачу, но тот ничего не мог для него сделать. Потом он обращался к многим другим докторам, но никто из них не мог помочь ему. Наконец, он пошел к гробнице Мирана Датара чтобы узнать, не найдет ли он там себе облегчения.

Когда я был у гробницы Мирана Датара, к ней приехал принц Кхералу, очень красивый мальчик двенадцати или тринадцати лет, сопровождаемый своей свитой. Его привезли туда на исцеление. Там начался разговор, из которого мы могли слышать только слова принца, и они были словами духа, захватившего его. Он говорил: “Я не уйду из него. Мне он очень нравится. Он был в лесу, охотился, и подошел к дереву, на котором сидел я. Не надо сечь меня, Миран, я его страж, я не уйду от него. Миран, не бей меня”. Принц побежал, подпрыгивая высоко в воздух, и выказывая при этом все знаки суровой порки. Он бежал вокруг гробницы, подпрыгивая всякий раз, когда, невидимый кнут падал на духа. Под конец он упал измученный, а его свита тут же подняла его и унесла обратно.

Когда я приехал в Западный мир, я поинтересовался, только ли это на Востоке так много одержимых, и есть ли такие люди на Западе. И мне сказали: “Здесь, если кто-то обнаруживает такое состояние, мы помещаем его в приют для душевнобольных. Если хочешь увидеть такие случаи, про которые говоришь, тебе надо пойти туда”. Я пошел и увидел, что среди них было много сумасшедших, но и также много одержимых. Я хотел провести несколько экспериментов по изгнанию того влияния, но доктора мне этого не позволили, так как им требовался медицинский диплом, которого у меня не было.

Затем они привели меня в лабораторию, в которой изучали мозги, и показали мне, что у этого человека в мозгу был один гнивающий участок и потому он стал сумасшедшим. А у другого человека была в черепе какая-то полость, и потому он тоже стал сумасшедшим. Я спросил их, было ли гнивание причиной сумасшествия, или сумасшествие стало причиной гнивания. Сначала их это удивило, но потом они подумали, что, это, возможно, что-то из моей философии.

С точки зрения мистика, причина, главным образом, находится внутри. Ведь это лихорадка порождает жар, а не жар — лихорадку. Сначала приходит грусть, а потом она заставляет лить слезы.

Один араб, потерявший верблюдицу, после долгих поисков услышал, что она находится в конюшне Шарифа Мекки. Он пошел к Шарифу и сказал: “Мне говорили, что мою потерянную верблюдицу продали тебе, и сейчас она находится в твоей конюшне.” Шариф спросил его: “Как же ты узнаешь ее? Были ли на ней какие-нибудь особые знаки?” И араб ответил: “У нее два черных пятна на сердце.” Шариф удивился, услышав это, и поинтересовался как он мог узнать о сердце своей верблюдицы. И вот, чтобы установить истину, верблюдицу зарезали и извлекли из нее сердце. И там действительно было два черных пятна. Шариф спросил: “Как же ты узнал, что у нее на сердце были эти пятна?” А араб ответил: “Дважды у моей верблюдицы было большое горе. Дважды она теряла своих детенышей; тогда она смотрела вверх и глубоко

вздыхала, и я знал, что с каждым вздохом у нее на сердце появлялось черное пятно.

Я увидел, что на Западе от такого влияния страдают многие, но так как наука победила религию, изгнание дьяволов, так часто упоминаемое в Библии, теперь чаще всего расценивается как суеверие.

Восток, наоборот, ударился в другую крайность. Там много случаев болезней, с которыми обращаются к изгоняющим дьяволов, а те, дабы привлечь, так много пациентов, сколько смогут, интерпретируют каждую болезнь как влияние духа.

Однако у этого подхода есть два преимущества. Первый заключается в том, что пациент думает, что болезнь не заключена в нем. Это позволяет ему не принимать ее близко к сердцу, ибо сама мысль, что в твоём теле укоренилась болезнь, может привести пациента к смерти. Вместо того, у пациента появится впечатление, что духа можно изгнать, и вера в это может вернуть ему здоровье.

Второе преимущество заключается в том, что мудрый человек, якобы изгоняя духов может так воодушевить пациента, что он начинает открывать секреты своего сердца — какие-нибудь потаённые мысли, которые, возможно, были причиной его болезни. Он не мог говорить о них, будучи стеснённым ситуацией, в которой находился. Но когда этот яд выходит наружу, пациента исцелить легко. Факиры часто работают именно так.

Иногда женщины, вследствие строгих традиций и обычаев своей страны и религии, не могут никому открыть тайну своего отчаяния и тем самым сохраняют ядовитое семя в своей душе до самой смерти, и оно ест их изнутри. У многих есть желания, которые не могут быть выполнены, припадки ревности, которые нельзя объяснить, приступы отчаяния, которое невозможно преодолеть. Все такие случаи внешне проявляют себя в виде болезней тела, а их доктора пытаются лечить, прописывая химические средства, но сам корень болезни остаётся. Это лечение, все равно что яд внутри, перемешанный с ядом извне; результат, вне всякого сомнения — обычно смерть.

Как только тайна пациента становится известной целителю, он в самом деле проводит успешную операцию на невидимом сердце и устраняет все ядовитые вещества, которые вызывали болезнь и вели пациента к смерти. Затем он освобождает его от этого при помощи слов утешения, благоговий, музыки, чтения имен Бога и отражения на сердце одержимого своей собственной мудрости и благочестия. Таких, кто бы мог дать верное лечение, вне всякого сомнения, очень мало — даже на Востоке. А в большинстве, среди тех, чья профессия — изгонять дьяволов, настоящие дьяволы и сидят.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я познал и хорошее и плохое, грех и добродетель, правое и неверное. Я судил и меня судили. Я прошёл через рождение и смерть, радость и боль, рай и ад, и все что я вижу в самом конце — это то, что я во всем, а все во мне.

ФЕНОМЕН ДУШИ

ГЛАВА I ФИЛОСОФИЯ ДУШИ

На санскрите душа называется Атма; на персидском она зовется Рух. Когда у Пророка однажды спросили: “Что такое душа?”, он ответил в двух словах: “Амр-э Алла”, что означает деятельность Бога.

Связь между сознанием и душой подобна связи между солнцем и его лучом. Луч создается деятельностью солнца, которое выстреливает своим светом. Деятельность сознания также выстреливает из себя луч, который называется душа. Деятельность какой-то части сознания заставляет эту часть обратиться к своему проявлению. Луч — это тоже солнце, но мы считаем, что луч — это нечто отдельное, точно определенное в себе, длинное ли, короткое, сильное ли, угасающее, — в зависимости от состояния деятельности внутри него.

Душа, как во время жизни на земле, так и после, не меняет своего плана существования; если имеют место какие-либо изменения, то они происходят в направлении ее движения. Душа изначально не имеет веса, но на своем пути она собирает вокруг себя качества как собственного производства, так и постоянно заимствуемые от элементов, составляющих вселенную; и как наши владения не обязательно должны быть нами, так и эти качества не есть душа. Это лучше всего сравнивать с глазами, в которых в одно и то же время отражаются огромные участки земли, высокие горы и мили горизонта в море, а ведь глаза размером едва лишь больше дюйма. Такова и природа души, которая настолько мала, чтобы считаться одной среди бесчисленного количества душ, содержащихся во вселенной, и вместе с тем настолько велика, что может вмещать в себе всю вселенную.

Внешнее “я”, ум и тело составляют часть целого сознания. Это подобно линии, нарисованной на ткани и отделяющей часть от целого. Это еще похоже на то, как если бы мы взяли фонарик и подошли к занавеске так, чтобы свет от фонаря падал на нее и высвечивал в ней пятно. В похожей манере впечатления ума и тела отражаются на душе и отделяют ее от всего сознания. На душе отражается счастье или убожество, радость или печаль внешнего “я”; но сама по себе душа ни радуется, ни грустит. Душа не рождается, ни умирает; ни увеличивается, ни уменьшается; ни развивается, ни деградирует.

Если мы встанем перед зеркалом, одевшись в тряпье, зеркало покажет отражение нашего тряпья, но не нашего убожества. Если мы осыпем себя жемчугом и алмазами и встанем перед зеркалом, отражение нашего жемчуга и алмазов упадет на него, но само зеркало не превратится ни в алмазы ни в жемчуг. Так же и с душой — она ни грешна, ни добродетельна; ни бедна, ни богата. Все печали и радости жизни, взлеты и падения временно отражаются на занавеске души, а потом исчезают. Поэтому радость и печаль вчерашнего дня сегодня для нас ничего не значит.

Душа и тело имеют одну и ту же сущность. Душа формирует тело из себя. Душа — тоньше, тело — массивнее. То, что в душе можно назвать вибрацией, в теле становится атомом. Душа становится умом с целью получить больше опыта, она становится телом, чтобы получить опыт более конкретный; при этом ум является независимым от тела, а душа не зависит ни от тела, ни от ума.

Душа видит посредством ума и тела. Тело — это очки ума, а ум — это телескоп души. Видит именно душа, но мы приписываем зрение и слух нашим глазам и ушам. В отсутствие души ни тело ни ум видеть не могут. Когда человек мертв, глаза у него есть, но видеть они не могут; уши у него тоже есть, но они не слышат.

Работа души заключается в том, чтобы знать и видеть, а работа души и ума — быть увеличительным стеклом для нее. Хотя и они, в свою очередь, и видят и слышат то, что является для них внешним, так как и сознание работает через них. Душа видит игру мыслей в уме, ум постигает боль и ощущения тела, тело сознает жар, холод и прикосновение. Его

сознание можно увидеть, когда что-то внезапно на него сваливается; еще до того, как ум сможет разработать план спасения, затронутая часть тела немедленно попытается убежать.

Ум видит только тело, но душа видит и ум, и тело. Ни тело, ни ум не могут видеть душу. Душа привыкла видеть то, что есть перед ней, и поэтому она не может видеть себя. Наша душа всегда смотрела вовне и вот поэтому наши глаза, нос, уши и все наши органы восприятия тоже обращены вовне. Наш ум и наше тело — именно это и влечет наружу нашу душу. И так же как глазам, которые видят все, нужно зеркало, чтобы увидеть себя, так и душа не может увидеть себя без зеркала.

Когда глаза закрыты, думаете ли вы, что душа не видит ничего? Она видит. Когда уши закрыты, думаете ли вы, что душа не слышит ничего? Она слышит. И это доказывает то, что именно душа и видит, и слышит. В медитативной жизни с помощью мистических опытов Анвара и Анзара (яснослышание и ясновидение), суфий осознает, что есть вещи, которые душа может видеть без помощи глаз; и есть звуки, которые она может слышать без помощи ушей. Великий поэт Кабир сказал: “Что ж это за игра, что слепой читает Коран, глухой слушает Гиту, безрукий прилежно трудится, а безногий танцует?” Он говорил это о душе, которая может работать даже без инструментов, какими являются органы тела и способности ума.

Сон, несознательное состояние, — это изначальное состояние жизни, из которого пришло все. Душа не всегда спит в одно и то же время с умом и телом. Сон души чувствуют только мистики; они осознают этот опыт в себе и могут распознать его в других. Тело спит больше, чем ум, но душа спит гораздо меньше, чем ум или тело. Когда человек находится в глубоком сне, его душа не теряет контакт с телом. Если душа потеряет контакт с телом, человек умрет; если душа покинет ум, тогда ум станет рассеянным, мысли будут разбросанными; все будет подобно извержению вулкана.

Душа находит удовольствие в переживании чувств, в еде, в питье, во всем. Она упивается этим; и чем более она этим упивается, тем более она привязывается к нему. Все, что мы едим и пьем, содержит наркотик, — даже чистая вода. Поэтому после еды и питья на нас накатывает что-то вроде сна, душа чувствует некоторое облегчение, она чувствует себя скорее отделенной от тела. Душе от тела и ума освободиться не легко. Хотя ее истинная радость заключается в обретении покоя, освободившись от переживаний, она об этом забывает. “Преуспеет тот, кто очистит ее, и, воистину, пропадет тот, кто ее испортит.” Есть такие люди, что пьют крепкие напитки, курят гашиш, опиум, принимают наркотики и тому подобное. Из-за их влияния невзгоды тела ощущаются не так сильно, мысли расплываются, и душа чувствует высвобождение; но это эфемерное счастье, ибо оно зависит от материи вместо того, чтобы зависеть от духа.

Обычный человек знает, что после глубокого сна он будет чувствовать себя спокойным, отдохнувшим, и ощущения у него будут лучше, и мысли яснее. Состояние “Хал” или “Самадхи”, высшее состояние — это то же самое, что и глубокий сон, разница заключается лишь в том, что оно достигается волей. Совершенный человек отличается от обыкновенного лишь тем, что совершенный человек переживает сознательно то, что несовершенный человек переживает несознательно. Природа наделяет всех одним и тем же видом переживания, но большинство людей не сознает этого, в чем и состоит их минус.

Когда ум рассеян, на душе не остается ни одного впечатления, ничто не может удержать его, чтобы оно не растворилось в целом сознании.

Некоторые философы говорят, что мы есть части Бога. Это не так. Они говорят это, потому что видели физическое тело. Что еще может видеть интеллект? В физическом существовании каждый человек четко определен и поделен на части. Но за этим физическим существованием все есть одно, сознание тоже одно. Если бы это было не так, тогда мы не смогли бы узнавать друг друга, ни лицо, ни голос, ни язык на котором говорим. Когда мы совершенствуемся духовно, мы можем узнать, как дела у нашего друга, будь он даже в Японии или Аравии, а мы — здесь; мы можем узнать, болен ли он, счастлив или грустит, И не только состояние друзей, но и все становится известно развитой душе.

ГЛАВА II ПРОЯВЛЕНИЕ

Вначале, когда не было ни земли, ни неба, и не было никакой другой стадии существования, кроме вечного сознания, которое другими словами можно охарактеризовать как безмолвное, неактивное состояние жизни или непробужденного разума, который человек идеализирует как Бога, единственное Бытие.

На первой стадии проявления бессознательное существование становится “Ильм”, сознанием. Каждая душа — это луч сознания. Природа сознания такова, что оно испускает лучи. Они проходят через все планы (существования) до тех пор, пока не достигнут идеального проявления в человеке.

В Веданте душу называют тремя именами, обозначающими три ее аспекта. Это Атма, Махатма и Параматма. Атма — это душа, сознающая жизнь на поверхности. Махатма — это душа, сознающая также и жизнь внутри. Параматма — это сознание, которое является душой душ, сознающая Абсолют внутри и вовне, Бога знающих и Господа видящих.

На первой стадии проявления сознание не имеет никаких других знаний, кроме бытия, не зная во имя чего или чем оно живет. Следующий аспект сознания — это другой полюс его опыта, когда оно познает все, что оно видит и чувствует при помощи средств низшего мира, но этим оно и ограничено. Когда оно возвышается над этим опытом и получает опыт высшего мира, как высшего аспекта собственного бытия (как сказано выше), оно становится Махатмой, Святым Духом, объединяющим Параматму — Отца и Атму — Сына, если пользоваться терминологией христианства.

Это проявление состоит из двух аспектов сознания — силы и разума (в поэтических терминах — любви и света). Вся сила заключается в неразумном аспекте сознания, а мудрость Создателя, которую мы наблюдаем в создании — это явление интеллигентного аспекта сознания.

Все это создание не создается из ничего, отличного от сознания. Именно сознание само использовало часть себя в своем создании, а часть его осталась Создателем; так же как замерзшая вода превращается в лед, но вода все-таки остается внутри него, а лед сохраняется только то время, пока вода заморожена; когда на лед падает свет, он превращается в воду, свой изначальный элемент. То же происходит и с сознанием; все вещи были созданы из него, а когда заканчивается время их существования, все возвращается обратно и сливается с ним снова.

Сознание сделало четыре явных шага к проявлению, которые суфии называют: “Ильм, Ишк, Вуджуд, Шухуд”. “Ильм”, — это стадия на которой сознание действует как разум. “Ишк”, — это стадия, на которой деятельность лучей сознания усиливается и это вызывает смещение лучей и создает силу из разума, что на более простом языке и на языке поэзии называется любовью. Третий шаг сознания: “Вуджуд”, — это создание средств, таких как тело и ум, с помощью которых оно ощущает жизнь на поверхности. И четвертый шаг — это сознательное ощущение жизни, от самых низов до предельной высоты, которая называется Шухуд и является целью всего проявления.

Деление одного на многое происходит из-за света и тени, и если бы мы посмотрели внимательно в жизнь, внутри и снаружи, мы бы ясно поняли, что есть одна жизнь, один свет, который кажется разделенным из-за разных теней. Каждый светлый объект в тени менее светлого объекта становится отчасти темным, и это в искусстве называется тенью. Это секрет, скрытый под множеством вещей и существ.

Время и пространство есть причина всего создания и источник его многообразия. Время изменяет вещи и существа. Оно доводит их от “зеленого” состояния до зрелого, от юности до старости, от рождения до смерти. Время приносит взлеты и падения, а пространство дарует успех и неудачу. Человека в одном месте может ждать неудача, а в другом месте — успех, в одной стране он может подняться, в другой — опуститься. Если бы кто-нибудь посмотрел бы на жизнь пристально, он бы увидел, что все создание изменяется под влиянием времени и пространства, тогда как изменения собственно времени и пространства не происходит. В этом-

то и сокрыта тайна всего мира.(?)

Деятельность сознания имеет два аспекта, движение и покой, которые вызывают две четко определяемые вещи — выражаемая сила и способность реагировать. От самого низшего до самого высшего плана существования, в жизни всех предметов и существ мы видим непрестанную работу этих двух сил, каждой ради другой. И в опыте выражения и реакции лежит радость от них обоих, другими словами — удовлетворение сознания. Солнце выражает, луна реагирует; голос выражает, ухо реагирует. Все двуединые аспекты жизни, например, мужчина и женщина, обнаруживают именно эти два аспекта. Нет ни одной мысли, слова, действия, события, которое бы происходило без участия этих двух. Счастье и успех — в их гармонии; а каждое падение и неудача — в их нехватке. Рождение существа или предмета происходит, когда встречаются их взгляды, а смерть и разрушение есть результат их конфликта, — когда одно сливается с другим и они оба теряют свою силу.

Есть два различных способа, с помощью которых осуществляется создание от самого низкого до самого высокого уровня: намерение и случай. Первый показывает мудрость Создателя, который создает все и это все соответствует своему предназначению, а случай — это то, что являет собой утрату цели в живых существах и предметах. Все противоположное, например, добро и зло, грех и добродетель, правое и неверное, красота и уродство объясняются двумя этими склонностями Создателя, работающими на все создание.

Все создание происходит согласно закону притяжения и отторжения. Притяжение — это сходство, которое собирает и группирует атомы, вибрации, предметы и существа; это сила, а отторжение есть недостаток силы. Эти две ипостаси и поддерживают вселенную. Если бы одна из них прекратила существования, вся бы вселенная развалилась на куски.

Жизнь вселенной и все ее дела полностью зависят от закона тона и ритма.

Чистое сознание, оно, скажем так, постепенно все более ограничивает себя проникая во внешние средства (ум и тело) с целью осознания чего-нибудь, ибо радость от всего испытывается только при попытке осознания.

Первое проявление сознания имеет коллективную природу, другими словами, — дух вселенной, не индивидуальный. Есть одно изречение у дервишей: “Бог спал в царстве камней, грезил в царстве растений, проснулся в царстве животных, и проявил себя в роде человеческом”. Поэтому конечной целью вечного Сознания на пути к плану смертного является реализовать свое вечное бытие.

Каждое из названных царств произошло из ему предшествующего, а каждое предыдущее царство развилось в последующее. Если посмотреть внимательно на царство камней, можно увидеть, как скала превратилась в металл, а из металла — в более мягкую земную субстанцию, и так до тех пор, пока не стало растением. А можно увидеть и как развитие растений создает микробов и червей, что мы уже называем жизнью, и как из состояния микробов и червей вырастают насекомые, птицы и звери. Это все показывает, что природа постоянно работает на поднятие общего сознания жизни, и находит себе окончательное удовлетворение, когда завершает свое путешествие, поднявшись к естественному и нормальному состоянию бытия, то есть человеку.

* * *

Когда луч исходит от Духа вселенной, стремясь к проявлению, его называют “Dipak”, что означает “свет”, который в своем низшем проявлении превращается в “Cupid” — противоположность “Dipak” по написанию. По-арабски его называют “Нур”, свет; и от него происходит слово “Нар” — мужчина и “Нари” — женщины.

Очень трудно отличить лучи от света, а свет — от лучей. Все зависит от нашего понимания. Там, где лучи, свет отделить легче, — ибо свет сам по себе более собран, плотнее объединен. Но в то же самое время мы должны помнить, что истину нельзя выразить в словах. Все, что мы можем, — это попытаться сделать тайну жизни понятной для нашего ума. Уметь различать между светом, солнцем и лучами — это самое нужное, но его можно понять при помощи света интуиции, тогда все станет ясным. Возьмем, например, дождь, — почему это его капли должны

заботиться о ядовитых растениях? Почему они не падают только на злаки, фрукты и цветы? Но они падают везде, и так же поступают лучи, исходящие от солнца. Божественный свет падает везде, без различия -так же как и дождь.

Когда наука открыла тайну электричества, в тот же самый день наука открывала и тайну души. Ибо тайна души не так уж далека от тайны электричества. Электрический ток не обязательно должен быть таким же как и электричество. Электричество — это сила, которая скрыта в токе. То же самое происходит и с душой; душа привлекает атомы при помощи какого-либо тайного тока; и этот ток есть сама душа. Это как одна сфера поверх другой. Есть нечто внутри тела, но в то же самое время это все собирается в этом токе, и этот ток есть луч; это божественный поток.

В сфере ангелов душа привлекает атомы ангелов; у джиннов — атомы джиннов, а на земле — физические атомы. Таким образом, человечество одето в одежды ангелов, джиннов и собственно человеческие одежды. Только человек сам себя видит в одежде человека, а другую он не воспринимает. Он верит, что не является никем другим, кроме как человеком.

Душа, выходящая наружу, получает впечатления от душ, возвращающихся обратно, ибо они впитывают в себя, постигают, учат и перенимают все то, что дают им души, покидающие землю.

Однако на самом деле, единственное, что там происходит — это отражение; души, приходящие с небес, получают впечатление. Это то же самое, что отражение на фотопленке; когда они приходят на землю, эту пленку проявляют и закрепляют.

Примерно так происходит отражение двух встретившихся душ; однако есть разница в качестве этих душ. Есть такие души, которые получают впечатление сразу, а есть такие, у которых это занимает больше времени. Это определяется мощностью энергии и излучением, которое душа несет в себе.

Души на своем пути к земле знают, и в то же время не знают точно, что они находятся на этом пути, дабы получить опыт жизни здесь. У них есть импульс двигаться вперед и получить тот опыт, который они смогут получить. Это дает душе силу, чтобы двигаться вперед, и те из них, которые могут продвинуться вперед далеко, проявляются в виде человека.

Душа приносит на землю нечто вроде квартиры для ума (уже в довольно плачевном состоянии). Приносит она ее из мира джиннов — а именно оттуда и есть эта квартира. Потом, после пришествия на землю, душа получает тело, но “квартира” заполняется позже, когда уже душа проснется на земле. И именно здесь душа и будет все собирать. Например, один ребенок будет внимательно слушать музыку, а другой будет все время увиваться от нее. Это означает, что у последнего нет формы, в которую врезана музыка. Позже он научится ценить музыку, если будет ее слушать. А у первого такая форма уже была, и та музыка, что он слушает, будет отлично подходить к этой форме.

Душа, накапливая впечатления, сначала выстраивает астральное бытие, затем привлекает два разных пола к друг другу, являясь сначала к ним в эфире, то есть, чувстве; затем, в воздухе, то есть мысли; затем в огне, то есть, желании, а потом проявляясь у них в элементах воды и земли, собирая и группируя субстанции от обоих, выбирая наиболее пригодную глину для своего образования. Вообще, душа также выбирает место своего рождения и семью для себя. Душа наследует качества отца и форму матери (в других случаях наоборот), накапливая в себе наследственность как со стороны отца, так и матери, до тех пор пока не явится на землю ребенком.

Мать, видя как ее ребенок растет, говорит, что он набрал много фунтов веса. На самом деле он и потерял столько же, ибо душа ребенка произвела из своей бессмертной природы бессознательность смертного, и чем больше создается земной субстанции, тем больше теряется и небесного; тем слабее он становится и тем меньше остается всемогущей силы.

Пол определяется на каждом плане, где душа создает себе оболочку — сначала в плане сознания, где она обретает форму динамической силы или разума; затем — в плане абстрактном, в виде звука или света, что дает силу мужчине и мудрость — женщине. В мужчине это проявляется как влияние, а в женщине — как красота. В духовном плане она проявляется в виде выражения и реакции, и это дает мужчине чувство отцовства, а женщине —

материнства.

Когда и почему разница полов определяется в проявлении? Нельзя сказать, что сначала появилась женская душа или мужская, так как душа не является ни женской, ни мужской. Когда душа достигает точки, где создается разделение полов, то сначала она становится мужской; затем, если она желает стать тоньше, она становится женской. В ядрышке миндаля и других орехов можно увидеть, что там в одной скорлупе есть два зерна и что женская форма была создана из мужской.

Иногда про любящих друг друга мужчину и женщину говорят, что это две части одной души; но так можно говорить только в том смысле, что мы все — части одной души. Между мужчиной и женщиной могут быть сходства на уровне ангелов, джиннов, на физическом уровне; их притягивает друг к другу много различных связей и признаков.

Весь этот мир иллюзий мог появиться только из-за двойственности. На самом деле нет двух, есть одно. Чтобы создать этот мир, единому Бытию пришлось разделить Себя на два, и надо было, чтобы эти два отличались. У нас по два глаза, но зрение одно, два уха, но слух один, две ноздри, но одно дыхание. В зависимости от того, осуществляется ли дыхание через одну или другую ноздрю, оно обретает определенные качества и свойства; но дыхание остается одним и тем же.

Если мы выставим зеркало на солнечный свет и будем вертеть его, то одни блики будут сильнее, другие — слабее; какие-то позитивными, какие-то негативными. Таким же образом и лучи сознания отличаются друг от друга — по энергии с самого начала. Затем луч, в своем движении к проявлению, встречает душу мужчины или женщины и получает впечатление от нее. Он может иметь огромную творческую силу, но проявиться как женщина, именно в силу этого впечатления; или он может обладать женскими качествами, но проявиться как мужчина, ибо такое впечатление получил. Когда душа доходит до физического уровня, ее пол зависит от родителей, планет и времени.

Пол, который она выбирает во время образования, впоследствии не изменяется. У Гульманов и Пери пол также существует, хотя и в меньшей степени. Мы же прошли через уровень Гульманов и Пери, но ими мы не являемся. Мы же не становимся немцами, если, например, по пути в Россию проезжаем через Германию. Те, кто поселяются в мире Гульманов и Пери, ими же и становятся. У них нет намерения или энергии двигаться дальше.

Причиной всего проявления является то, что проявление есть природа Бога. С помощью этого он получает удовлетворение, когда выполняется цель всего создания. Но удовлетворение Бога — это не есть нечто, что Он только сознает; это нечто принадлежащее Ему, но доведенное до выполнения. Радость — это нечто, принадлежащее нам, но создаваемое определенными эмоциями, действиями. И так все создание, которое есть действие, приносит Богу удовлетворение, ради которого оно и было создано. Оно не приносит Богу ничего нового, оно только дает Ему осознать, кто Он.

Самое интересное здесь — это понять, как действие Бога находит себя в проявлении. Например, человек иногда начинает расхаживать по комнате или барабанить пальцами или смотреть то вверх, то вниз без всякой на то необходимости. Почему он делает так? Потому что отсутствие действия парализует деятельность ума, а когда отсутствие действия парализовало ум, душа начинает чувствовать себя одиноко и начинает интересоваться, а живет ли она вообще или нет. Но когда она начинает ходить, или заставлять остановиться, тогда она понимает, что живет, ибо тогда она живет во внешнем сознании жизни. Если мы будем больше задумываться об этом, нам откроется большое поле знаний.

Естественно, не все движение вызывается отсутствием покоя, ибо есть два состояния: слабость и сила. Когда человек слаб, если его заставить двигаться, он будет двигаться без всякого контроля; а другим аспектом является сила, и она значительно отличается.

Проявление происходит во времени и пространстве. У солнца, Луны и планет — у всех есть свое влияние. Утро, день, вечер, ночь и каждый час суток также обладает особым влиянием. Дети от одного отца и от одной матери очень отличаются друг от друга по росту, комплекции внешности, и во всем остальном — потому что родились в разное время. Если одному брату будет пятнадцать лет, а другому — пять, разница между ними будет очень велика. Близнецы

очень похожи друг на друга, потому что время их рождения почти одинаково. Ягнята все похожи друг на друга, потому что рождаются в один и тот же период; все рыбы одного вида выглядят почти одинаково, так как тысячами появляются на свет в один и тот же миг.

Это обуславливает многообразие, и в нем проявляется искусство Создателя. С самого начала мира не было такого, чтобы два лица были одинаковыми. Каждый художник будет рисовать те лица, которые похожи друг на друга; насколько же велико искусство Создателя, который сотворил все это многообразие.

Все проявление осуществляется за счет двух сил — случая и намерения, а также творческой силы и силы реакции. Мы можем видеть, как в нашей жизни действуют силы случая и намерения, — например, мы вознамерились пойти в парк прогуляться, но встретили друга, который сказал: “Вы должны зайти ко мне в гости”, и нас к себе в гости и повел. Хотя у нас было намерение идти в парк, но случай привел нас в дом к другу.

Все в мире имеет либо творческий либо реактивный характер. Когда кто-то говорит, он делает творческое дело, а те, кто слушает — те реагируют. Солнце и Луна, мужчина и женщина, плод и цветок, — все представляет собой творческие и реактивные силы природы.

А тогда разве не является Создатель повелителем и разве не может сделать так, чтобы все работало, как Он желает? Его мастерство находится там, но оно работает в соответствии с впечатлениями, которые приходят из внешнего мира.

Когда человек будет неподвижно сидеть какое-то время, он захочет подвигаться, потереть руки, ноги, — только для того, чтобы почувствовать, что живой. Если кому-то очень нравится общество своих друзей, а их сейчас нет рядом с ним, он захочет пойти к ним в гости. Не то чтобы он сам хотел увидеть друзей — просто, если его друзья не будут разговаривать с ним, если ему будет не доставать их деятельности, он не будет чувствовать себя живым.

Слепой скажет: “Я наполовину мертв. Этот внешний мир — ничто для меня”. Сам он жив, но так как он не может видеть деятельность мира, он чувствует себя мертвым. Если бы кто-нибудь подумал о том, какова бы была жизнь человека, если бы не было органов для ощущения внешнего мира; тогда человек мог бы осознать, что “Я есть” но ничего более. Несомненно, если человек ничего не делает, но смотрит себе на руки и на ноги, он понимает, что он жив; но если человек не сознает своего тела, тогда его ощущения были бы другими.

Те части создания, для которых не характерна деятельность, можно назвать живомертвыми. Камень не чувствует себя живым, так как его объем его деятельности невелик. Мы считаем насекомых, птиц и животных самыми живыми, так как их активность — наибольшая, и мы наиболее симпатизируем им.

Разрушение формы во время проявления не влияет на великое Дыхание Бога, так же как движение морских волн не влияет на прилив и отлив. Способ проявления один и тот же везде — от самого начала до самого конца, от Бога до самого маленького атома. Например, Бог дышит и мы дышим, и животные и птицы тоже дышат; и когда мы увидим тот акт дыхания, который происходит во время проявления — таким же способом, каким он был начат, — мы поймем, что есть только один закон, один способ, благодаря которому происходит все создание, и так будет до самого его конца.

Мы можем видеть, как минералы превращаются в растения, а растения — в животных. А есть камни, которые меняют свою форму каждые шесть месяцев или около того. Это они на пути к превращению в растения. А есть растения, которые очень близки камням, и они выглядят как камни, и их листья как камни, и цветы их как камни. Есть и растения, которые ловят и едят мух.

Растение в своем распаде производит микробов и насекомых. Каждый плод, если его не съедают, гниет и производит множество микробов и червей. Мы думаем, что плод пропал, потому что мы думаем о нем как о плоде, а он переходит в более высокую форму жизни, где больше деятельности и больше сознания.

Из насекомых, по мере того, как их деятельность увеличивается и по мере того, как они развиваются, появляются птицы. Те птицы, которые очень жадные и едят плоть, становятся тяжелыми и в воздухе не остаются. Те же, кто много не ест, летают. А те, кто ест много плоти, остаются на земле и их крылья превращаются в ноги. Затем появляются животные. У

некоторых птиц можно увидеть, что помимо перьев у них не шее и на других местах можно видеть коричневую шерсть. Это показывает, что они становятся животными. А животные развиваются до тех пор, пока не получается человек.

Кенгуру и обезьяны наиболее похожи на человека. У некоторых примитивных рас, которые пробыли людьми сравнительно недолгое время, можно наблюдать сходство с животными. Другие расы были людьми более долгое время, и поэтому они более похожи на людей.

Колесо эволюции работает так, что сознание постепенно проходит камень, дерево, животное и так — к человеку. В человеке оно становится уже достаточно развитым, чтобы искать свою дорогу обратно, к вечному состоянию своего бытия. Человек — это наиболее активное существо, ему приходится обращаться с огромным количеством вещей. Деятельность камня очень незначительна, и он живет долго. У дерева ее немножко больше, и жизнь дерева длится не так долго как жизнь камня. Есть и много животных, которые живут дольше человека. Человек обладает наивысшей активностью, и в нем сознание достигает высшей точки проявления. Если посмотреть на эволюцию человеческой расы, можно также увидеть, что лицо человека улучшалось с каждым периодом эволюции.

Если человек и животное созданы из одной и той же субстанции, почему тогда человек стоит выше животного? Человек и животное сделаны из одного и того же элемента, духовной субстанции, но человек — это венец творения; то есть человек был сделан с опытом предыдущего создания. Скульптор в процессе своей работы становится все более и более опытным. Его ранние работы не так совершенны как поздние. Поэт становится все более и более искусным в написании стихов. Его ранние поэмы, как правило, не так искусно написаны и они не так совершенны, по сравнению с поздними.

Когда было проявление человека, у Создателя уже был опыт Своих Предыдущих созданий, и те предыдущие создания были своего рода каркасом для человека, идеального создания. Создатель — это величайший идеалист. У человека могут быть свои ограниченные идеалы. Идеал Неограниченного гораздо больше, и этот идеал — человек.

Некоторые человеческие расы происходят прямо от Бога, другие — от царства камней, растений и животных. Примитивный человек есть результат этой эволюции. Человек в своем высшем развитии не проходит через эти стадии. Это напоминает работу скульптора в Индии, который желает создать модель статуи. Сначала он идет в джунгли за глиной; затем он месит ее, вымачивает, готовит. И вот когда все готово, он же не идет в джунгли обратно, не приносит свежей глины для каждой статуи. Она у него уже под рукой, причем всегда в процессе подготовки.

Разница в том, какие части Бога находят себе выражение в растениях, животных и человеке, обнаруживается в их телах и умах. Душа — это луч, а луч — он везде один и тот же. Но тело украшается тонкостью луча, который живет в нем, большей или меньшей долей разума. Поэтому растения и животные отличаются от человека, но среди людей тоже есть различия такого рода. У одних выражены качества растений, у других — животных, у третьих — человека, у некоторых — качества ангелов. У индуистов есть один обычай: когда пара задумывает брак их семьи несут к брамину свои гороскопы. Брамин может в них особо не смотреть, но брамин, как правило, — психолог, и он решает вопрос, к какой категории относится каждый человек — ангел ли, человек, животное или кто-то еще плотнее. Если он увидит, что между двумя категориями окажется значительная разница, он скажет этой паре, что жениться им не следует.

Сознание все время отбрасывает от себя искры. Они достигают разных точек эволюции, и когда они достигают человека, достигается идеальное создание. Тогда и начинается путешествие обратно. Только человек может вернуться к тому свету, к тому сознанию, из которого произошло все созданное. Этого света не достигнет ни лошадь, ни собака, ни кошка — только человек, который является семенем того божественного плода. Если бросить корку апельсина на землю, из него апельсиновое дерево не вырастет. Все низшее создание осуществлялось ради создания человека, идеального создания Бога. В человеке содержится все создание, и он один может вернуться к первоисточнику, то есть к Богу — откуда он и пришел.

Совершенство проявления Бога — это человек. Когда человек достигает совершенства, Его

проявление становится совершенным, а без совершенства человека, проявление Бога не было бы совершенным. А совершенство достигается тогда, когда человек становится действительно человеческим.

Здесь можно спросить, а не имеют ли растения, животные, горы и реки своего бытия или явного индивидуального существования на высшем плане, — как человеческая душа? Все, что существует на земле, имеет существование и на высшем плане также. Но только что такое индивидуальное? Каждое существо или объект, отделенный от других, можно назвать сущностью, однако то, что мы называем индивидуальным — это понятие нашего воображения; истинное значение его будет понято в тот день, когда окончательная истина прольет на жизнь свой свет. В тот день никто не будет говорить об индивидуальности, будут говорить лишь “Бог” и ничего больше.

Бытие многообразно, но в то же время бытие только одно, и это единственное Бытие. Поэтому такие объекты, как реки и горы, тоже живут, но, как представляется нашему внешнему зрению, они существуют отдельно. Когда у нас открывается зрение внутреннее, тогда это разделение выглядит как вуаль; а затем открывается только одно видение, и это имманентность Бога.

ГЛАВА III МИР АНГЕЛОВ

Материалисту трудно поверить, что есть такие существа, как ангелы. Он скажет: “Как это могут быть существа, которых мы никогда не видели, никогда не слышали и не знали?” И так как этот век — век материализма, даже религиозный человек будет сомневаться в их существовании.

На хинди ангелов называют “Дэва”; они — “Дэвата”, то есть бессмертные, тогда как других существ называют “Ракшаса”, то есть, смертные. На самом деле бессмертно все, но мы есть то, чем себя сами считаем.

Когда где-нибудь на природе нас охватывает чувство прекрасного и спокойного, говорят, что в том месте живет Дэва. Роль Дэвы в схеме жизни — это любовь, прощение, служение Богу и человечеству. Дэва — это божественная душа. Следы этого самого слова Дэва имеются в английских словах божественность (divine) и божественность (divinity). На фарси ангелов называют Фаришта, что означает “посланник”.

Отношение ангелов к человеческим существам подобно отношению ребенка к взрослым; они могут помочь людям так же как ребенок может помочь старшим.

Некоторые души остаются ангелами, и они обретают наивысшую славу; другие становятся джиннами или людьми в зависимости от силы, с которой заводили весь механизм (как у часов). Первый отблеск божественного Света — это ангел; некоторые, хотя не все, получают опыт жизни на последующих уровнях. Это как если бы тысяча птиц вылетела бы из Парижа в Англию. Некоторые долетели до Руана, да там и остались — понравилось им там, они и забыли про Англию. Некоторые добрались до Гавра и остались там. Некоторые пересекли Ла-Манш и прибыли в Англию. Те, что остались в Руане — им не пришлось долго лететь обратно к Парижу. Но тем, которые достигли Англии — обратно им пришлось лететь гораздо дальше.

На небе ангелов существует чистота, но не совершенство, так как совершенство может быть только одно, и это совершенство — Бог. Не может быть совершенства там, где есть двойственность. Несовершенству не учатся; это состояние бытия, это ограниченность. Ограниченность — это условие жизни. Каким бы человек ни был чистым, великим, добродетельным и сильным, все равно есть несовершенство, стремящееся к совершенству. Весь интерес состоит в движении вперед, если бы мы были совершенными, у нас не было бы радости в жизни.

Слово “ангел” состоит из двух: “ан” — без и “гел” — смерть. Ангелы — это души, которые, выйдя из сознания, достигли мира ангелов и остались там. Каждый ангел имеет предел, дальше

которого он продвигаться не может. Когда он достигает уровня человека, тогда вследствие больших затрат на путешествие и активности человеческой жизни, его импульс иссякает.

Ангелы не переживают рождения и смерти в том смысле, как это понимаем мы; хотя над жизнью и смертью возвышается только одно Бытие и Бытие это — Бог, все остальное закону рождения и смерти подчиняется. Различие между уровнем земли и уровнем ангелов очень велико, но везде есть время юности и время старости; время, когда плод зелен, и когда он созрел — и так же обстоит дело с ангелами, хотя сравнивать жизнь ангелов и жизнь человека невозможно, человеческая жизнь слишком ограничена.

Так же как в нашей жизни есть время, когда мы становимся выше, крупнее, сильнее, и все в нас растет. А затем, когда мы достигаем предела, рост прекращается и мы слабеем с каждым днем. Так же и с ангелами. Только жизнь ангелов гораздо длиннее жизни человека. Их жизнь — жизнь просвещения и хвалы; они гораздо ближе к универсальному, вечному звуку, вечному свету, гораздо ближе к Богу, чем мы. Их тело сияет и оно так же твердо как и свет, который мы видим. Их скорость движения по небу тоже гораздо выше, и ее не сравнить со скоростью низшего мира, она самая высокая на небе ангелов.

Возникает вопрос: есть ли у ангелов лицо, форма? На этот вопрос очень трудно ответить вербально. Причина здесь в том, что каждый объект или существо, имеющее имя, имеет и форму или лицо. Но мы привыкли давать имя чему-либо только тогда, когда можем различить форму; а то, что наш глаз видеть не может, мы формой не называем. Можно, пожалуй, спросить, есть ли лицо у нашего воображения. Наше воображение имеет лица, которыми мы его наделяем, и по которым мы отличаем одно от другого. Наши чувства, тоже имеют лица, которые мы им присваиваем, и эти лица отличают одно чувство от другого. Однако лицо ангела не так конкретно, как эта наша физическая форма, которую мы называем “Я сам”, “я”; однако, чтобы понять, нарисовать форму или лицо ангела, необходимо самому стать ангелом. Мы привыкли считать, что каждая форма похожа на нашу, поэтому, когда мы изображаем ангелов, фей или призраков, мы делаем их похожими на себя. Китайские феи выглядят как китайки, а у русских фей носят русские шапки. Та форма, которую мы воображаем и покрывает форму ангелов.

Про каждый атом проявления можно сказать, что у него есть душа, потому как все проявление произошло из небесного источника, божественных сфер; каждый атом происходит из этого источника и не может существовать без небесного излучения. У каждого атома есть излучение, даже у атома пыли; мы его видим, потому что в нем есть свет. Это его собственный свет, и он показывает его нам. И этот свет есть его душа. Многие из того, что кажется нам лишенным разума, на самом деле им обладает. В сердце сокрыт только разум, он проецируется на что-нибудь и его скрывает то, что заставляет его проецироваться; и однажды он должен проснуться.

Это можно заметить на примере звезд и планет, молний и извержений вулканов, — когда то, что сокрыто, желает вырваться наружу. Но самый большой шанс для этого дается в человеческой жизни и, таким образом, духовность — это единственный объект завершения человеческой эволюции.

Не только у ангелов, джиннов и человеческих существ, но даже у животных, птиц, насекомых, деревьев и растений — у всех в жизни есть духовное развитие. Ни одно создание, когда-либо рождавшееся на земле, не было совершенно лишено духовной радости, каким бы плохим и нескладным его не видели. Это вопрос времени и прогресса. У каждого человека бывает момент, день, когда они прикасаются к духовному блаженству; и так же у каждого другого существа бывает миг обещания, и это обещание состоит в выполнении цели их жизни. В этом мире без цели ничего не бывает, и хотя наше положение в схеме жизни может быть разным, все-таки в общем итоге мы и все низшие создания, вместе с ангелами и джиннами — у нас у всех есть цель. И этой целью является осознание истины, и это осознание приходит к нам в форме блаженства.

Есть ли сходство между телами ангела, джинна и человека? Нельзя точно охарактеризовать сходство между этими телами, но все они развиваются по направлению к образу человека. Физическое тело наиболее четко определено и оно наиболее явственно; в теле джинна

явственности меньше, оно более сходно с фантомом; еще ее меньше в теле ангела, и тем более размытым оно представляется глазам человека. Поэтому нельзя сравнивать земные сущности с сущностями других сфер. Если там и есть какое-то сходство, то только потому, что все создание — это движение по направлению к человеческому образу.

Есть одно и есть многое; многое — в проявлении, одно — в истине, есть например, взлет и падение нации, процветание и упадок расы, есть также рождение и смерть мира; и, в то же самое время, даже низшее создание индивидуально. У каждого животного, зверя или птицы, у каждого дерева или растения есть своя душа и свой дух; если кто-то говорит, что у животных души коллективные, то так же обстоит дело и у людей. Наше тело едино, но тем не менее каждый орган в нем сам по себе. И если мы будем глубже исследовать этот вопрос, мы откроем чудесные явления жизни, и мы достигнем того места, где раскроет себя вся природа бытия, и тогда мы сможем сказать, что нет ничего, кроме Бога.

Каждая душа прошла через мир ангелов; и у каждой души имеются качества ангелов и связь с их миром. Иногда в очень плохом человеке обнаруживаются хорошие черты. Мы говорим, что это происходит благодаря определенному влиянию, определенной ситуации. Отчасти это так, но в основном это происходит из-за влияния ангелов. А иногда очень хороший человек делает что-то плохое. Это тоже влияние ангелов.

Мусульмане говорят, что когда человек совершает Вузу, омовение перед молитвой, то из каждой капли воды, что падает с его рук, получается ангел. Значение этого заключается в том, что этим благородным делом, к которому он себя приготавливает, создаются ангелы и создать ангела значит — привлечь ангела, так чтобы он смог с ним общаться.

Коран различает пять главных ангелов, и главным у них был Азазил — он был самым сильным, любимцем Аллаха. Коран говорит, что Аллах создал форму, сделанную из земли. И повелел он ангелам принести вещество для этой формы. Из формы сделали человека, Ашрафа Аль-Махлуката, Калифа создания. И Аллах приказал всем ангелам поклониться этому человеку, но когда все ангелы простерлись перед ним, только Азазил воспротивился и сказал: “Я ведь главный из ангелов. Я никогда не склонюсь перед этим существом, созданным из земли. Это была гордыня, это была надменность, это была ненависть — и все это заставила Азазила взбунтоваться, и тогда его сбросили вниз, и отдалили от Бога и назвали Шайтаном (Сатаной).

Имена тех пяти наиболее важных ангелов такие: Джебраил, Исраил, Исафил, Азазил и Азраил.

Джебраил, которого в Библии называют Гавриилом, — это тот, кто побуждает; дух, который движет людей к Аллаху, который побуждает их что-то сделать для Аллаха. Он приходил к пророкам, он приходит к тем, кто отринул все, — все желания, все интересы мира, ради Бога.

Исраил приходит как вдохновитель. Одни говорят, что он приносит вдохновение, другие называют это прозрением. Оно приходит к музыкантам и поэтам, которые чисты сердцем.

Исафил — это дальнейшее откровение, объяснение того предыдущего откровения. Например, если вам приходит откровение, что скоро к вам придет друг, то следующее откровение расскажет вам, почему он приезжает. Объясняется причина всего. В сочетании этих двух влияний, всю метафизику, всю философию, которую кто-то пытается усвоить в учении, можно постичь сразу за счет вдохновения, без всякой учебы.

Азазил — это дух, который ведет во тьму, к несправедным делам, ко злу. Ненависть — это извращенный вид привязанности. Своими злыми делами человек привлекает этого духа. Когда человек сбивается с пути, он привлекает к себе это влияние, единение с этим духом.

Азраил — это дух смерти. Когда он приходит, наступает смерть всего, разрушение.

ГЛАВА IV ОПЫТ ДУШИ

Состояние обычной души, когда она первый раз покидает тело, называется смятением; ибо

до смерти она понимала, что умирает, а только после смерти узнает, что жива. Это как если бы человек, будучи живым, думал, что он мертв. Как только это состояние устанавливается, душа дальше продвигаться не будет, и это состояние называется чистилищем. Когда душа осознает саму себя, когда понимает, что все еще жива, тогда облака смятения рассеиваются и душа себя находит, — вместе с той атмосферой, которая принадлежит ей.

Все души возвращаются к Богу, некоторые с открытыми глазами, некоторые — слепо. Каждый миг нашей жизни — это возможность, и ценность ее настолько велика, что все боли, все неприятности, все печали существования, оказываются слишком малой ценой даже за один миг жизни. Это как если бы Бог бросал дротики. Некоторые попадают туда, куда они были наведены, другие просто не долетают, а третьи пролетают гораздо дальше того уровня, на котором сейчас человек.

Бытие Бога — это совершенное бытие. Богатства, что души приносят с земли, своим знанием или чем-либо еще, не являются дополнением к Богу; для Бога это только означает, что нечто бывшее в руке, перешло в локоть. В чем здесь разница? Все одно и то же. Хотя лучше, чтобы вещи руки в руке и оставались, а не переходили в локоть. Все, что известно на земле и на небе, принадлежит Богу; оно уже существует и уже есть в Нем, в совершенном Бытии.

Ни одна душа не тянется к тому, что мы называем Сатаной или дьяволом. Нашей душе не нравится, если мы делаем что-то неверное для нас. Нашей душе не нравится, когда мы не добры. Каждая душа хранит в себе высшие свойства и склоняется к свету, к пробуждению. Если бы этого не было, то тому причины следующие. Либо душа собирает вокруг себя вибрации, которые нежелательны, либо она не прошла через нужный канал проявления, и поэтому слаба; или она цепляется за нежелательные привычки и идеи, она не отпускает их от себя. Состояние души может превратить в рай любое место. Не только землю, но даже ад можно превратить в рай, если только душа достигнет совершенства, что является ее единственной целью.

В своем возвращении душа проходит через те же уровни и состояния, которые она проходит на своем пути к проявлению, но уже со всем тем опытом, который она приобрела во время жизни на земле. Когда она прибывает, она пуста; когда она уходит, она забирает с собой опыт, который накопила. Души сохраняют свою индивидуальность после смерти, ибо индивидуальность не создается физическим телом, индивидуальность только им покрывается. Когда оболочка исчезает, индивидуальность остается.

Все, что душа позаимствовала во время проявления, все она возвращает к своему источнику. Вполне естественно, что человеческое тело должно отойти земле. И когда оно возвращается в землю это становится похоже, как если бы ребенка передали бы в руки матери. Это самый естественный процесс. Душа не истлевает и не стирается, — а истлевает и стирается все то, что она собрала вокруг себя на земле; все, чем она себя воображала; все, что она взяла с нижнего уровня, то есть не настоящее “я”, но фальшивое “я” души.

Тот, кто не пришел к осознанию Бога в этой жизни, придет к нему по мере продвижения к единственной цели. Возможно, там это будет легче, однако лучше сделать все, что возможно, на земле. Ничто из того, что мы действительно ценим, нельзя откладывать до завтра, то, что человек откладывает, это ценит он недостаточно.

Души умерших, с одной стороны ближе к нам, чем души живущих на земле, однако с другой стороны они дальше. Они ближе в том плане, что если бы они захотели войти в контакт с нами, или мы — с ними, это было бы легче осуществить, чем с душами на земле. Но если мы посмотрим на разницу между уровнем, на котором они живут, и на котором живем мы, они будут от нас дальше чем души земные, так как здесь задействуется больше средств связи.

Души умерших заняты тем же, что они и делали раньше. Их мир прекраснее природы земли, ибо ум — это тоже природа; ум — это улучшение природы, и это в тоже время часть природы. Например, идея рая — это и есть улучшение природы, и если рай на земле есть лишь в воображении, то после смерти тот же самый рай станет реальностью. И чтобы создать счастье для себя и для других, в нем будет лежать вся философия и вся религия. Некоторые, покинув этот мир, будут оставаться под впечатлением смерти долгое время, однако нельзя сравнивать время в нашем мире со временем в других мирах. Время следующего мира гораздо длиннее, чем время этого. Чем глубже будут эти впечатления, тем дольше придется оставаться в

чистилище. Мудрецы, пророки выказывали свое духовное развитие в момент своей смерти. Это время, когда истина выходит наружу, когда не может быть фальши, и когда у человека не остается ни единой возможности лицедействовать. Когда его душа покидает землю, то сразу видно, где было его сердце — на земле или на небе. Кроме того, человек, обретший покой во время своей жизни, в этот момент выказывает все свое богатство — он отходит спокойно, с желанием встретить то, что ждет его в жизни там.

Душа на своем пути обратно к сознанию будет проходить через мир джиннов, до тех пор пока, наконец, не достигнет своей великой цели, — когда душа перестает быть индивидуальной. У нее все-таки сохраняется легкое ощущение “я”. Она не различает между моим и твоим, но если человек думает о себе всю свою жизнь как “я”, легкое чувство “я” в нем сохранится.

Душе, в ее движении вперед, мешают медиумы и опечаленные друзья, призывающие ее обратно к земле. Вот пойдет человек куда-нибудь, а ему люди в то же самое время будут кричать: “Пожалуйста, постой! Ты нам нужен!” — и так он никогда не сможет добраться до места своего назначения, ибо цели, к которой он стремится, мешают. Призывать душу обратно значило бы поступать против самой природы. Лучше помочь душе вперед двигаться, а это можно сделать посылая мысли любви.

Встреча души, идущей к проявлению, и души, возвращающейся оттуда, может быть неосознанной. Также и душа, стремящаяся к земле, не может попросить совета или помощи у души возвращающейся, ибо ее ум еще не уподобился уму человека и находится в пассивном состоянии. Все то, что она получает, приходит к ней без ее просьбы — так же как младенец, который тоже ничего не просит; он просто хочет это получить. Так же как человек, как правило, не знает ангелов или джиннов, так и ангелы не знают джиннов, а джинны все как один не знают ангелов, за исключением некоторых. Душа может обратиться к джинну с просьбой помочь ей что-то сделать на земле. Джинну, на самом деле, неинтересно делать что-либо на земле, но когда он видит, что там происходит, это может его заинтересовать. Человеку, не выходящему из города, не интересно то, что происходит за городом, но когда он выедет в деревню, у него этот интерес просыпается.

Можно спросить, не выглядит ли джинн, посланный на землю, как человек. Джинн, если он находится на уровне джиннов, определенно выглядит как джинн, но когда душа, получившая на уровне джиннов очень большое впечатление, спускается на землю, в ней обнаружится что-то — даже в фигуре и в чертах лица.

Души возвращаются обратно через мир джиннов и мир ангелов тем же путем, которым они пришли. Однако те, кто осознал Бога на земле, там не останавливаются; они идут к Богу уже на земле.. Нет такого состояния, чтобы идти к Богу через внешнюю смерть; состояние, которое суфии зовут “Фана”, — это не распятие на кресте, ибо Бог ближе к ним, чем что-либо другое. Для джинна мир — это один шаг, мир для ангела — это два шага. Но Богу никаких шагов делать не нужно — он уже там.

Радость жизни — это радость путешествия. Если бы кто-нибудь закрыл глаза и тут же бы оказался на вершине Гималаев, он бы не так радовался как тот, кто взбирался на них, с одного пика на другой; видел разные картины, встречал по дороге разных людей. Вся радость — в путешествии.

Есть много душ, которые, после того как покинули этот мир, пытаются общаться с людьми на земле, но мы, как правило, получаем их информацию в нечетком виде. Тем не менее, неосознанно мы ее получаем, и очень часто ошибаемся, думая, что те, кто отошел в мир иной, делают это только потому что сами этого хотят. Чтобы убедить человека в существовании мира духов...зачем должен дух стараться? Почему человек сам не развивает свою веру? А если человек настолько упрям, чтобы развиваться самому здесь, он будет уклоняться от развития даже в мире духов. Ибо в человеке есть возможность веры, и джинн здесь в качестве посредника не обязателен.

Дети и младенцы, которые умирают, также приходят к духовной зрелости — часто на уровне джиннов, и иногда — ангелов. Все зависит от качеств души и цели, которых она предполагает достичь.

Души, находящиеся в разладе, в таком же виде попадут и на небо ангелов; даже в раю, на небе покоя нет (не будет?). Негармоничные люди следуют за негармоничными даже там. Одна душа более гармонична, чем другая, но они все вписываются в музыку небес; так же как и в нашей музыке — мы ведь не хотим, чтобы все в ней было одинаково. У душ, которые выпали из ритма, все еще остается возможность стать гармоничными, ибо выбор есть всегда, на небесах — тоже. Жизнь прогрессивна, и поэтому всегда остается надежда на улучшение.

Если существует связь симпатии, тогда свет тех, кто желает нам добра — либо на уровне джиннов, либо на уровне ангелов, однозначно отразится на земле. Их любовь, нежность и доброта — свет от этого идет к людям на землю, так же как любовь, нежность и доброта родителей идет к их детям. Короче говоря, просвещенные души, в какой бы сфере они ни находились, всегда светить будут.

Душа постоянно движется к самоулучшению. Поэтому даже в мире ангелов душа не совершенна. Совершенство есть в цели, а не в душе.

Есть некая разница в степени и ощущении счастья у души, идущей к проявлению, и души возвращающейся, и эта разница подобна разнице нот в музыке. Это особенно заметно у душ, возвращающихся к цели, которые приобрели что-то на земле, или что-то — у джиннов, и это повлияло на тон и ритм их бытия; и поэтому они, так сказать, рассказывают легенду о своем прошлом в музыке, что пишут на небе ангелов.

Между телами душ на разных уровнях существует связь, ибо они “берут займы” глину для своих тел на тех уровнях, где находятся. И так получается связь, созданная глиной или веществом того уровня.

Душа, как поток, имеет два вида атомов: атомы физические и атомы ментальные. Если одну одежду выбрасывают, то другая одежда от индивидуальности не освобождается. Она продолжает жить, и живет дольше, чем физическое тело. Жизнь ограничена по той причине, что субстанция ограничена. У ума и чувства — собственная жизнь, они относятся не к мозгу, но к изначальному состоянию; именно поэтому ум живет больше, чем тело. Жизнь после смерти означает жизнь во внутренней оболочке. И человек продолжает жить после смерти, ибо его душа сознает себя.

Высшее тело души создается из низшего тела той же самой души, и здесь разрыва нет. Это продолжение. Что-то используется, хотя пользоваться может не все.

В мире джиннов царит молчание. Молчание так же необходимо, как сон необходим для отдыха; но, в то же самое время, там идет действие, и скорость его несравнимо выше, чем скорость действия на Земле. Духи на уровне джиннов получают все виды опыта, так же как и на Земле — они даже могут попасть в аварию, или их могут убить. Однако на уровне джиннов нам легче видеть нашу цель, ибо возможностей больше, а ограничений меньше.

Бывает, что джиннов посылают на Землю с миссией, так же как ангелов. Джинны могут понять, что их воображение — это воображение; их ум яснее, чем у человека.

Джинны способны общаться с духами, возвращающимися с земли; но это у них происходит так же, как у жителей одной страны, которые слышали о каких-то других странах, но при том гораздо более счастливы в своей собственной стране, довольны своим образом жизни и когда кто-то выезжает “за границу” и привозит сведения о других странах, их могут не признать те, кто остался дома.

Путь джинна — это путь красоты. Путь каждой души — это путь красоты, и каждая душа, плохая ли, хорошая, стремится к красоте... Когда она отступает от пути, мы называем это злом, а когда она идет верной дорогой красоты, мы называем это победой.

Внешний вид мира джиннов сам по себе примечателен. Это негатив того, что было позитивом в этом мире, но там более красоты, чем можно найти на земле. В какой-то степени они проникают друг в друга, но в то же самое время у мира джиннов есть свои особенности, которые нельзя сравнивать с красотой Земли. Причина здесь заключается в том, что проявлению на этом плане свойственны ограничения, вследствие его жесткости. Чем выше мир, тем меньше там встречается ограничений.

Не бывает ли болезней или впечатлений болезни на уровне джинов? Бывает. Если есть болезнь на уровне земли, то и на других уровнях бывает определенный дискомфорт. Однако

исцеляющая сила души такова, что даже на земле она может вылечить тело, в котором она находится. Болезни, что душа “прихватывает” с земли, она будет лечить после смерти. Там бороться с ними легче, однако некоторый дискомфорт на том уровне останется, ибо жизнь — это постоянная борьба.

Часто так бывает, что душа, которая думала идти к физическому уровню, уже на уровне джиннов остается без любви, предназначенной душе. Кого-то любовь движет вперед, кого-то назад. Разница в том, что движет вперед высшая любовь, а низшая — тянет обратно. Когда душа обретает индивидуальность на каком-либо уровне, она становится жильцом этого уровня; вперед она не идет.

ГЛАВА V ЗАКОН НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

О наследственности много думали все народы все времена. Если посмотреть на царство животных, мы увидим, что детеныш льва никогда не будет отпрыском змеи, а жабе никогда не выплутиться из голубинового яйца; дуб не будет приносить финики, а розы — расти из репейника.

Мы, на Востоке, знаем, что из всех пород лошадей арабская — наилучшая. Одно легкое прикосновение хлыста заставляет ее преодолевать любые препятствия, любое расстояние, тогда как другие лошади бывают подобны ослам — дай сотню кнутов, они сделают шаг вперед и остановятся; дай им еще два десятка, тогда они еще на шаг вперед продвинутся. Арабы ценят своих лошадей так высоко, что соблюдают породу и никогда не позволяют ее смешивать с другой. Среди собак есть такие, что будут следовать за кем угодно. Кто даст им кость, тот и будет им хозяином. А если кто-нибудь бросит им мясо, они оставят того, первого, и побегут за ним. А есть такие собаки, которые будут следовать только за одним хозяином. Она зависит от породы, эта наследственность.

На Востоке вопрос наследственности изучали очень тщательно и придавали ему огромную значимость. Сын поэта всегда должен быть поэтом, сын музыканта должен, скорее всего, стать музыкантом. Если человек носил оружие, его спрашивали: “Ты что, сын солдата?” Сын шахтера никогда не будет работать пастухом, а сын пастуха никогда не будет работать шахтером. Великое множество ругательных слов более связано с родителями человека, чем нежели с самим человеком, которому они предназначаются; и огромное количество слов похвалы также связано с предками, а не с человеком, которому они сказаны.

В Индии, в Раджпутане живет семья поэтов, чьи предки были поэтами десять или пятнадцать поколений, и все они были поэтами великими и замечательными. Их называли “Шингракави”, импровизаторы, и назначали ко дворам махараджей. Их работа была стоять перед собранием (по какому-нибудь случаю) и читать стихи, соблюдая ритм и метр, причем так, чтобы это подходило к случаю и присутствующей публике.

В древние времена, когда сыновья царей и великие люди вынуждены были покидать родные края и странствовать в неизвестности по другим землям, то были такие испытания, по которым всегда можно было узнать их качества. В мировой истории случалось так, что рабы становились царями, но все-таки не могли удержаться от того, чтобы показать на троне, через свое великолепие, проблески своей рабской натуры.

Качества — передает ли их душа, или ум, или тело? Этот вопрос можно трактовать широко. Прежде, чем начать объяснение, я замечу по поводу слова “душа”, что некоторые люди называют душой те качества, которые составляют индивидуальность. Это не душа, это ум. У души нет качеств, это чистое сознание и потому оно не передает никаких качеств.

Когда душа начинает свой путь из первоначальной точки, она сначала приходит в мир Фаришта, ангелов, и получает впечатления в виде качеств ангелов. Ангелы озабочены голодом до красоты и жаждой до песни. Они не различают ни плохое, ни хорошее, ни низкое, ни высокое. Младенец, представляющий ангелов на земле, всегда поворачивается к тому, что кажется ему красивым и блестящим. Есть два вида ангелов — те, которые никогда не

проявляются в виде людей, и те духи, которые на своем пути обратно к великой бесконечности, достигли мира ангелов. Любовь, свет и лирика — это атрибуты последних, от них душа и получает впечатления. Служение богу и благочестие — это атрибуты первых. Ангелы бывают мужского и женского рода; первых называют Малайками, а вторых — Гуриями.

В мире ангелов душа годами наслаждается этим опытом. Когда приходит желание получить больший опыт, она идет дальше и оказывается в мире джиннов, который является астральным уровнем. В Библии мы читаем, что Адама изгнали из рая: это означает, что желание большего опыта заставило душу покинуть мир ангелов, и пойти к астральному уровню и к уровню физическому.

Работа джиннов — это воображать, аргументировать, думать. Джинны бывают двух видов: те, которые никогда не проявляются физически; и те духи, которые покинули землю с грузом своих дел и опыта. Джинны бывают мужского и женского рода, и их называют Гульманами и Пери. От тех джиннов, что не проявляются физически, душа получает впечатление воображения и мысли. Душа, покидающая землю, может взять с собой в мир ангелов только любовь, добрые чувства и вообще всю доброту, что у нее есть. Но даже эту любовь и эту доброту она не сможет пронести выше мира ангелов, ибо для еще более высшего плана, они оказываются слишком тяжелыми. Ибо есть этот высший план, а на нем нет индивидуальности, только бесконечное сознание. Все остальное душа должна оставить на астральном плане, и до тех пор, пока она не оставит все зло, что накопила, она должна оставаться на нем, ибо еще слишком тяжела, чтобы подниматься выше. Это как если бы молоко поставили на огонь: когда испаряется вода, главная часть, самая лучшая молока, — сливки, — остается. Этот уровень похож на улицу, по которой кто-то гуляет со свертком в руках. Вот он говорит душе: “Возьмешь ты с собой этот сверток?” А душа неопытная, она и отвечает: Да, а это хороший сверток? Хорошо ли он пахнет? Или, может быть, он приятно звенит?” Она берет с собой этот сверток и получает все впечатления, которые прилагаются к нему.

Каждая душа обладает наилучшими качествами. Каким бы плохим ни был человек, будьте уверены, в его душе есть наилучшие качества, — это как особая наследственность, хотя бы и скрытая всем тем, что накопилось с течением времени. И для каждой души всегда остается возможность духовного прогресса, даже для самой черной.

Душа, на своем пути из мира невидимого в видимый, получает впечатления от душ, двигающихся обратно — из видимого мира в невидимый. Так душа накапливает первые достижения и качества. И именно это и формирует для души курс, которому следовать; и именно этот курс ведет ее к родителям, от которых душа наследует свои более поздние атрибуты. Душа получает впечатления от другой души, если она звучит в унисон с той душой. Например, душа, встретившаяся с душой Бетховена, получает впечатление музыки Бетховена и затем рождается с музыкальными качествами Бетховена. Приверженцы теории реинкарнации говорят, что она является воплощением Бетховена; суфий скажет, что, если они имеют в виду ум Бетховена, то, может быть, оно и так, но так как сам дух приходит из безграничного, то не обязательно его считать чьим-то воплощением. Поэтому и человек с поэтическим даром может родиться в семье чиновника, в которой раньше поэтов не было.

Душа святого или муршида надолго остается в мире ангелов, и, получив там много впечатлений, несет с собой ангельские качества того мира.

Если в Библии говорится о “сыне Божьем” и “сыне человеческого”, это означает, что сын Божий — тот, кто признал вечный дух своим родителем; а сын человеческий — тот, кто признает себя сыном своих родителей, которые так же ограничены, как и он. Мы признаем отца и мать как свое начало. И родители утверждают, что ребенок — их собственный и тем самым вводят себя в заблуждение. Начало — это универсальный дух, и в нем мы все — братья и сестры, не различая, кто выше, кто ниже, кто какой расы, касты или вероисповедания.

Каждая душа подобна лучу солнца или любого другого светила. И ее работа — пролететь так далеко, как только сможет. Она обладает способностью к творчеству и способностью реагировать. Она создает свои средства, свое впечатление, и она получает впечатления от всего, что есть перед ней — пропорционально своему интересу к этому. Душа всегда стремится к тому, что кажется ей красивым и блестящим. И вот она так идет по направлению к этому

блестящему, и находит различные качества, различные ощущения и собирает их вокруг себя — и так до тех пор, пока не оказывается в утробе матери.

Ребенок может унаследовать качества и дефекты своих родителей, а может и нет. Если впечатления, ранее полученные душой оказываются сильнее, то он их не унаследует. У весьма зловредных родителей, ребенок может быть святым, а у хороших родителей может появиться плохой ребенок.

Умственные качества родителей наследуются благодаря впечатлению на ментальном плане. Мысли, чувства родителей, передаются ребенку как качества. Если отец постоянно бывает мысли “Я должен построить приют для сирот”, у ребенка будут филантропические наклонности. А если отец думает: “Вот этот человек — мой враг, и я должен отомстить ему”, тогда ребенок будет мстительным. Если матери что-то очень сильно нравится, например, цветы, то и ребенка в характере появится любовь к красоте. Также качества и черты родственников или других людей, о ком думает кто-то из родителей, накладываются в виде впечатлений на ребенка. Отношение между наследственностью и окружением можно объяснить, сказав, что наследственность — это фундамент, а окружение — это само здание, и из этого можно сделать вывод, что более важно.

Часто ребенок бывает похож на дядю или на тетю отца или матери — почему бывает так? Здесь есть два фактора: либо отец или мать имеют качества этого родственника, хотя у них они развиты не полностью, и тогда эти качества развиваются в ребенке. Или может быть так, что дедушка или бабушка или кто-то еще из родни, настолько привязан к своим потомкам, что его дух следит за ребенком, который рождается в семье, и наделяет его своими качествами. Наследственность — это действие вибраций. И в количестве вибраций должна быть гармония — так же как и звук и цвет создаются гармонией вибраций. И вот так человек может быть более похожим на своего деда, чем нежеле на отца. Если дед был поэтом, то, если количество вибраций совпадет, и внук может быть поэтом, даже если он не один ребенок в семье.

Гений передается по наследственности — это правда, — и он развивается постепенно. Однако, иногда бывает так, что дитя великого человека оказывается весьма заурядным; а иногда ребенок весьма достойного человека оказывается самым что ни на есть недостойным. Это можно объяснить следующим образом — каждое проявление гения проходит три стадии, Урудж, Кемаль и Зеваль, то есть взлет, максимум и спад. Когда гений только готовится взлететь, он все более и более развивается в каждом поколении; когда он достигает максимума, он превосходит все предыдущие проявления гения в семье; а на стадии спада постепенно обнаруживается недостаток или утрата гения. И так происходит с семьями, народами и расами.

То, что находится снаружи, в гораздо большей степени передается в наследие, чем внутренне. Человек может отличаться от своего отца внешне или внутренне, но все-таки он наследует его собственность; и государство передает его собственность сыну. Она наследуется потому, что она — внешняя, качества тела наследуются в большей степени, чем качества ума, ибо они более внешни.

Каждый физический атом родителей обладает способностью к излучению, и его качества передаются ребенку. Если, например, отец любит выпить, ребенок, конечно, рождается без склонности к употреблению крепких напитков, но по мере того, как он растет и развивается, клетки его тела, будучи такими же как клетки его отца, могут обнаружить ту же самую потребность в алкоголе. И так же обстоит дело со всеми пороками, хотя родители никогда не пожелали бы передать их своим детям, все-таки неосознанно они это делают — своей слабостью или небрежением.

Человек часто бывает настолько озабочен своим потомством, что зарабатывает деньги и накапливает их во множестве, не тратя их на себя, с тем, чтобы они достались его детям. Он даже кладет свою жизнь на поле битвы, чтобы его дети наслаждались плодами победы. Но если бы он знал, какое влияние на его потомство оказывает жизнь, которую он ведет, он бы счел, что более ценным было бы вести жизнь чистую и возвышенную, как в плане здоровья, так и ума — для того, чтобы дети унаследовали богатство человечности, а оно гораздо более ценно, чем земные богатства и владения.

Теперь, переходя к вопросу, от кого — от отца или от матери — наследуется более качеств,

я скажу, что качества, унаследованные от отца — они более в глубине, а те, что наследуются от матери, могут быть более явными, заметными, ибо наследие отца — это сама субстанция, тогда как наследие матери — это форма. В душе имеется много атрибутов отца, ибо они являются фундаментальными, изначальными атрибутами; а атрибуты матери к ним добавляются, это более поздние атрибуты. Человеку могут не нравиться качества его отца, и он может скрывать их. У маленького ребенка может быть такое же лицо, как и у его матери. Но через какой-то период времени он вырастет и станет настолько похожим на своего отца, что просто удивительно. Трус в компании храбрых людей, может стать храбрым; он может пойти на войну. Но когда он услышит пушки, его трусость, которая была изначальным атрибутом его души, себя проявит. Хотя качества отца сильнее, ответственность матери гораздо значительнее. Именно она есть “форма” для ребенка. У матери ответственности в сотни, в тысячи раз больше, чем у отца. Поэтому знание мистики женщинам особенно необходимо. На этом этапе цивилизации его не следует отнимать у них. Контроль ума очень важен для женщин.

Именно страх матери дает страх ребенку; ее гнев дает гнев ему, ее соблазн передает ему соблазны. Ее плохое окружение и впечатления дают плохие впечатления ребенку; ее добрые и благожелательные впечатления дают такие же впечатления ребенку. Именно она и формирует род человеческий. От нее рождаются пророки и муршиды. Почтение ко всем добрым и великим людям, относится к ней. Но, в то же время, дети часто рождаются слабыми и неполноценными вследствие ее желания власти и дурости. Если бросить в огонь слишком много угля, огонь может задохнуться и наружу не выйти.

Кришну часто изображают вместе с его матерью Деваки, а Христа — с девой Марией. Такое — величайшая слава и заслуга женщины. В Гайян сказано: “Мать была лестницей для Иисуса, приведшей его ко Христу”. Это означает, что человеческая натура такова, что человек часто забывает, видя великое сияние Властителя, ту скромную пришедшую во время нужды помощь, благодаря которой Властитель и смог выказать свою божественную славу. Душа, которой суждено было стать Христом, смогла прийти на землю при помощи матери, и именно потому всегда важно думать о матери и воздавать ей должное. Даже Иисус Христос, проявление Всемогущего Бога, в своем проявлении зависел от матери.

Ребенок внешне может быть очень похожим на мать, но качествами — на отца. Например, если отец — великодушен, а мать — тонкая натура, то и ребенок может быть и великодушным и утонченным. Так и происходит эволюция мира — перемешиванием народов и рас. Семьи, которые держатся изолированно от других, в конце концов становятся слабыми и очень глупыми. По этой-то причине Пророк в Исламе разрешил браки между всеми кастами и народами, ибо человеческой расе пришло время развиваться таким образом. Если ребенок отличается и от матери, и от отца, то это происходит частично из-за его наследия от предков с каждой стороны, но также и из-за его астральных впечатлений. Кроме того, ребенка “образовывает” каждая мысль, каждое слово и каждое дело с момента его рождения на земле. Именно по этой причине между отцом и сыном может быть такая разница, хотя между блохами или комарами — что на Востоке, что на Западе — разницы нет.

Если мы наследуем атрибуты отца, матери, деда и прадедов, приобретаем атрибуты джиннов и ангелов, как мы можем помочь тому, что из себя представляет наш характер? Человек может сказать: “У меня резкий характер, потому что и у моего отца резкий характер. У меня быстро меняется настроение, потому что так у всех в нашей семье, таков мой характер.” Отчасти это верно, но развивается это, потому что человек верит в это. Душа в течение всей жизни приобретает и отбраковывает качества и атрибуты. Трус, записавшийся в армию, — благодаря тому, что всегда будет слышать о храбрости, будет жить вместе с солдатами, — со временем может захотеть пойти на войну и воевать. Жизнерадостный человек будучи в обществе серьезных людей, может стать серьезным; а грустный человек, будучи в обществе веселых людей, сам может стать веселым. Душа приобретает только те качества, в которых она заинтересована, она никогда не возьмет себе то, к чему у нее нет интереса. И душа будет сохранять только те качества, в которых она заинтересована, — те, к которым у нее нет интереса, она потеряет. Каким бы плохим ни был человек, сколько бы нежелательных качеств он ни унаследовал, усилием воли он сможет их всех отбросить от себя, если перестанет любить

их.

Однако можем ли мы изменить наше физическое тело, наше лицо? Да, можем. Люди становятся похожими на тех, о ком они много думают, или с кем они близко связаны. Я видел пастухов, которые лицом очень походили на коров и овец, с которыми жили рядом. Нашу внешность меняют наши мысли и чувства; если мы будем их контролировать, мы создадим себе такую внешность, которую желаем создать.

Если посмотреть на портреты Христа, Зароастра, Моисея и всех других пророков, можно заметить, что они похожи друг на друга. Ведь эти портреты созданы воображением, художники не видели самих персонажей. И разве они выглядят безжизненными? Да как раз нет, ибо ум гораздо сильнее, чем фотокамера. Есть и портреты суфийских муршидов, начиная с Кваджи Мойнуддина Чишти, и эти портреты десяти или двенадцати муршидов и их мюридов очень похожи. Если бы это было в силу воображения, почему оно не породило разные картины, ведь природа воображения такова, что оно более склонно к различному, чем к объединяющему?

Но для тех, кто идет по пути истины, наследственности не существует. Осознав свое божественное происхождение, они освобождаются от земной наследственности. Христос сказал: “Мой отец на небесах”, и так же они осознавали, что происходят от духа; и благодаря своей медитации и концентрации они могут создавать себе все хорошие качества, которые желают, и стереть со своей души все влияние, которым обладать не хотят.

ГЛАВА VI РЕИНКАРНАЦИЯ

Когда мы изучаем религии, сравниваем их, мы обнаруживаем, что часть мира верит в реинкарнацию, однако большая его часть этого верования не придерживается. Кришна, Шива и Будда, как говорят, учили доктрине реинкарнации. Моисей, Христос и Мухаммад ничего об этом не говорили. Это разделяет религии на две группы. Однако если мы изучим этот вопрос поглубже, мы сможем эти две группы объединить, ибо у суфиев принято более объединять, чем разделять.

Существует четыре широко распространенных религии, оказавшие огромное влияние на человечество: брахманизм, буддизм, христианство и ислам. Давайте спросим у каждой, что они могут сказать по этому поводу.

Ислам будет молчать. Христианство ничего не скажет. В их священных книгах едва ли найдется хотя бы один стих, который поддержит эту идею, — там найдется десять стихов, чтобы ее опровергнуть.

Давайте теперь обратимся к брахманизму. У браминов есть четыре класса: Брахмачари, Грихаста, Ванапрасти и Саньяси. Три низших касты, возможно скажут: “Да, реинкарнация существует, но она зависит от нашей кармы, наших поступков. Если мы, будучи людьми, будем вести себя как животные, мы снова можем стать животными. Мы можем стать коровой, собакой или кошкой, или человеком из еще более низшей касты, чем мы есть сейчас; а если мы будем жить праведно, то в следующем воплощении мы окажемся в лучшем состоянии”. А если мы спросим у тех, кто обладает высшей властью у индуистов, Саньяси, тот ответит: “Ты, может быть, и чье-нибудь воплощение, а я нет. Я — Дживан Мукта, я свободен. Я нахожусь над циклом рождения и смерти.”

А что буддизм скажет о реинкарнации: Он говорит, что так как мир эволюционирует, мы никогда не станем животными, но будем развиваться в более высших воплощениях, до тех пор пока не преодолеем все слабости и не достигнем нирваны, совершенства, и оттуда мы уже не вернемся.

Из всего этого мы видим, что есть только два лагеря верующих в реинкарнацию, и то у обоих у них верования противоположны.

В Библии мы читаем (Иоанн, XIV, 3) “Я приду снова и ты будешь подобен мне” и (Деяния I, 11) “Тот же самый Иисус, которого взяли на небо, так же и придет обратно как и на небо

уходил.” Это относится не к личности самого Христа, но к внутреннему бытию Учителя, которое на самом деле и было Бытием Бога. Если бы это относилось собственно к нему (к Христу), то он бы сказал: “Я вернусь, и ты тоже вернешься — либо в лучшем, либо в худшем состоянии бытия”. Но ничего подобного этому сказано не было. Кто-то, пожалуй, спросит: “А почему же Учитель сказал “Я”? Почему он просто не сказал “Бог”? Ответ здесь заключается в том, что божественная личность — это утрата мысли ограниченного себя, абсолютное единение с божественной и единственной личностью; когда эго становится божественным эго. Когда “Я” не обозначает ограниченную личность, но обозначает личность Бога. Когда Христос говорил “Я” он имел в виду Бога.

То же самое можно прочесть в Месневи Джелал-ад-Дина Руми: “Семьдесят две одежды я износил и снова пришел смотреть на один и тот же источник вечных перемен.” Это также относится к Божественному Сознанию, которое одевается в различные одежды и приходит наблюдать за этим миром перемен; конечно, речь не идет о семидесяти двух пришествиях самого Мевляны Руми. Семьдесят два — это символ, обозначающий “много”, иначе бы это обозначало, что с момента создания человека Божественное Сознание посещало землю только семьдесят два раза, а это очень мало для такого большого периода времени.

В Коране есть много высказываний, подобных следующему: “Некоторые лица в тот день будут сброшены вниз,” — так говорится о грешниках, и “Они будут подобны обезьянам — их будут презирать и ненавидеть”. Настоящее значение первого высказывания таково: “Мы покажем яркое, или счастье, когда спадет их личина и свет прольется на их скрытые преступления, которые до настоящего времени позволяли им чувствовать себя счастливыми”. Второе же означает: “Тех, кто подражали тому, чем они не являлись, примут за тех, кто они есть на самом деле, а не за тех, кем они себя воображали”. Другими словами: “Мы покажем, насколько смешон обман обманывающихся.”

В Евангелии (Иоанн, IX, 1-3) мы читаем: “И когда Иисус проходил мимо, он увидел человека, который был слепым от рождения. И его ученики стали спрашивать его: “Учитель, кто же совершил этот грех, что он родился слепым — сам он или его родители?” Иисус ответил: “Ни этот человек, ни родители его: но те деяния Бога, которые должны быть сделаны, проявляются в нем.” Это интерпретировать не надо; здесь явно сказано, что слепота того человека не была наказанием за его прошлые грехи.

В Коране написано: “Это Он, кто размножил вас на земле и к Нему вы все соберетесь”. Эти слова отрицают возвращение на землю. Однако к той суре упоминается и о другой жизни. “Каждая душа должна попробовать смерти, и вы получите сполна свое вознаграждение в день Воскресения”. Здесь говорится о воскресении как об оживлении душ без участия физического тела, и также явно говорится, что это существование будет таким же ясным и определенным, как наша жизнь на земле.

Так как мир движется вперед в интеллектуальном развитии, его все больше и больше интересует новое; все новое берется на вооружение и новую идею часто принимают и следуют ей. Идея реинкарнации производит огромное впечатление в наше время, потому как она удовлетворяет и научным кругам и разумным натурам, также она приятна и тем, кто желает сохранить свою индивидуальность.

Я помню, мне было мало лет, и я тогда впервые узнал о смерти. Я часами сидел в печали и думал: “Вот это, мое тело, единственное средство познания жизни, однажды окажется в могиле. А я буду далеко от всего, что на сегодня определяет мой интерес к жизни. Вот это все окружение, которое интересует меня, и которым я целый день занят, однажды превратится в туман. И я уже никого не увижу, и никто меня не увидит; и все, кого я люблю, однажды окажутся далеко от меня”. Теперь мой опыт, который я получил в прошлом, ясно говорит мне, что другие должны чувствовать при мысли о превращении в кажущееся ничто после того, как были чем-то. Это как если бы мы видели сон, который бы заинтересовал нас так, что мы, проснувшись в середине его и поняв, что это нам все снилось, тут же хотим снова закрыть глаза и продолжить наслаждение этим опытом. Таково состояние тех, кто настолько заинтересован сном жизни, что идея смерти, которая является более реальным состоянием бытия, кажется им ужасной. Они бы лучше жили нереальной жизнью, но индивидуальной, чем жизнью реальной,

но неосознанной.

Идея реинкарнации часто импонирует тем, кто считает, что еще слишком рано отказываться от удовольствий жизни ради единения с Богом. “Возможно”, — говорят они, — “в следующей жизни на земле мы достигнем того, чего не достигли в этой.” Она приносит утешение и тем, кто потерял своих любимых, ибо они думают, что расстались не навсегда, что они встретятся снова; и часто они ищут их всякий раз, когда у их знакомых рождается ребенок. Она утешает и тех людей, кто не вкусил плодов своих желаний в этой жизни и всегда хотел и стремился к тому, чего получить никак не мог — тогда такие люди все свои надежды на получение желаемого возлагают на свое следующее воплощение.

Эта идея часто становится большим препятствием на пути к реальному духовному прогрессу, хотя она и помогает людям, недовольным собственной жизнью, страдающим от боли, бедности или болезни, а также тем, кто думает, что так страдать — это их карма, и когда он выплатит все до последнего фардинга, его состояние улучшится. Тогда ему жаловаться не на что; хотя он знает, что в этой жизни он не совершил грехов, за которых дается такое наказание, но все таки он думает, что это справедливо, так как он, возможно, согрешил в прошлой жизни. Эта идея кажется разумной, — особенно тем, кто смотрит на жизнь с практической точки зрения. Каждый человек взвешивает мир на своих собственных весах. А мысль о реинкарнации оказывается еще более полезной для тех, кто не верит в Бога или не знает о том, что он есть; а также и тем, кто не верит в вечную жизнь и тем, кто не может понять ее. Некоторых людей очень успокаивает, когда они думают, что будут приходить на этот земной уровень снова и снова под действием своей кармы, чем нежелали они бы считали (как многие материалисты), что когда мы умрем, мы исчезнем навсегда.

Причина, почему доктрине реинкарнации учат у индуистов и буддистов, должно быть, заключается в том, что к тому времени народ в Индии был очень высоко развит в плане интеллекта, философии, науки, логики, естествознания и верил более в закон, чем в любовь.

В наше время, особенно на Западе, люди пытаются найти истину при помощи света науки и логики, — как делали индуисты в эпоху Вед. Народы Индии развивались по той же схеме еще на заре Брахманизма, а во время Буддизма — еще более.

Тогда, особенно среди монголов, люди, наиболее развитые в науках и искусствах, просвещенные люди строго придерживались логики и науки и были не очень склонны почитать бога; а у масс было бесчисленное количество объектов поклонения. Обычный человек не мог понять идеи души, жизни после смерти, идеи Бога — в том виде, как ее пропагандировали иудейские пророки в другой части Востока, — так что теория реинкарнации была наилучшим средством немедленного обращения к их разуму с тем, чтобы поломать их прежние воззрения. Но так как почитать кого-нибудь свойственно натуре человека, естественно, объектом их поклонения стал Будда.

Весьма вероятно, что эта идея изначально пошла от Деват, посланников божества, рожденных среди индуистов. Каждый из них заявлял, что он есть воплощение Брахмы, Бога. И каждый, в свою очередь, объявлял себя воплощением предыдущего Девы, преемником которого он и являлся. Объявляя себя воплощением Брахмы или Девы, на смену которому они пришли, они не имели в виду, что в их обличье был рожден Бог или их предшественник. Они имели в виду то, что они осознали Бога, или получили те же самые знания и миссию, что и их предшественник. Когда же их спрашивали другие: “А мы чьим воплощением являемся?”, им приходилось давать объяснения на этот счет, и тогда они говорили каждому то, чем казалось им его состояние жизни.

Когда в Индии появились четыре варны или касты, то есть брамины, кшатрии, вайшьи и шудры, это были, по сути дела, не касты, но классы. Все управление осуществлялось таким образом: Брамины — изучают, медитируют и им поклоняются; Кшатрии — воюют и защищают страну; Вайшьи — торгуют; Шудры — работают и служат. Ни у кого, кроме браминов не было “Адхикар” — права изучать Веды, книги по мистицизму и философии. Даже кшатрии и вайшьи должны были удовлетворяться поклонением браминам и пуранами — религией, которую учили в легендах; шудрам — рабочему классу — не позволялось даже этого.

У сильных и умственно более развитых людей есть склонность принижать людей слабых и

простых. Из-за склонности высшей касты сохранять свою чистоту и не допускать примеси низших классов был создан религиозный принцип, утверждавший что шудра (самый низший) не мог стать вайшья; вайшья не мог стать кшатрием, а кшатрий не мог стать брамином — высшим классом того времени, разве что только если, благодаря своим добрым делам, родится в следующем воплощении в семье, принадлежащей к высшей касте. Идея реинкарнации, как общепринятое верование, составила фундамент индуистской религии, на котором было воздвигнуто целое здание брахманизма. Но каждому в этом мире свойственно поднимать голову и вскарабкаться, если сможет, выше того уровня, на который его поставила жизнь. Воистину, свет правды, красоту натуры, желание свободы, идею единства невозможно скрыть — рано или поздно свет прорывается наружу.

Закон кармы или действия является философией, которой придерживается рассудительный ум, дабы поддержать идею реинкарнации. Он говорит: "Если кто вмешивается в дела нашей жизни, то это как раз не та сущность, что называется Богом; это мы своими действиями получаем такие результаты, которые и напоминают наши действия. Существует всевластный закон причины и следствия, и потому все, что происходит в жизни, должно ему соответствовать. Если мы не получаем результатов наших добрых и злых дел сразу, то это потому что им требуется время, чтобы созреть для этого; если они не совершают этого в настоящей жизни, тогда этот закон заставляет родиться нас снова, — уже в другом воплощении с тем, чтобы мы почувствовали в нем результаты наших действий.

Рассматривая колесо эволюции, мы замечаем, что мы не всегда идем вверх, мы также и падаем; мы не всегда становимся лучше, иногда человек становится хуже, чем он был. Природа эволюции подобна колесу, вращающемуся по кругу, а оно не всегда идет вверх. Это позволяет нам усомниться, насколько буддистская теория все лучших и лучших воплощений может быть логичной.

В поддержку идеи реинкарнации рассказывают одну историю про двух друзей, которые как-то вышли в праздник прогуляться. Один сказал: "Давай зайдем в храм. Там мы услышим имя Бога, и это возвысит нас." Другой ответил: "Ну ты всегда такой меланхолик, ты вечно находишь себе такие скучные занятия. Не пойдем мы в храм, — мы пойдем туда, где будем развлекаться; пойдем по Веселым Местам." Первый тогда сказал: "Не нравится мне эта идея. Не пойду я с тобой". Так они и пошли каждый в свою сторону. С тем, кто пошел в храм, случился несчастный случай — по пути на него наехала повозка и разбила ему ноги. Он подумал: "Как хорошо, что мой друг не пошел со мной, иначе бы мы пострадали оба". А тому, что пошел по веселым местам, здорово повезло — он нашел кошелек, полный золотых монет. И тот подумал: "Слава Богу! Если бы со мной был мой друг, мне бы пришлось с ним делиться".

Когда одному из них стало немного лучше, он пошел к брамину и спросил его: "Какова же была причина того, что мне так не повезло по пути к храму, и мне разбила ногу; а моему другу, когда он направлялся к веселым местам, так повезло и он нашел кошелек с золотом?" Брамин ответил: "Причина здесь в том, что ты в своей предыдущей жизни сделал что-то очень плохое, и тебя должны были убить. Причем не просто убить, а повесить, чтоб каждый видел. Однако случилось так, что тебе просто разбила ногу. А твой друг в своей прошлой жизни сделал что-то очень хорошее и должен был стать царем, но из-за его теперешних грехов случилось так, что он лишь нашел кошелек с золотыми".

Если мы будем верить в эту идею, то мы должны прежде всего понять, где кончается плохое и начинается доброе. Даже глубокому мыслителю никогда не удавалось провести черту между добром и злом. Какие же различия, с точки зрения этой идеи, найдем мы между добром и злом, если посмотрим на них пристальнее? Никаких, кроме различия в степени и в точке зрения. То, что кажется добром одному человеку, другому им не кажется; и со злом дело обстоит также. Да и всякое зло, на взгляд видящего, покажется меньшим добром, которое, если сравнить его с добром большим, будет от него отличаться и потому называться злом.

А если бы колесо рождения и смерти зависело от причины и следствия, то тогда, я бы сказал, что должно было бы двигаться вечно, и конца бы ему не было видно. Согласно такой доктрине, нас бы тянуло на землю не только наказание за наши грехи, но и награда за все то добро, которое мы сделали. Даже если бы мы и не желали себе награды, мы не могли бы

остановить это колесо, ибо у нас не было бы сил идти против закона природы. Какое это беспомощное состояние! И ни Бог бы не мог вмешаться в наши дела так, чтобы остановить его своей всемогущей властью, ни мы бы, беспомощные существа, не смогли, повинувшись закону причины и следствия.

Опять же, мы видим, что все существующее может быть уничтожено каким-либо другим предметом или субстанцией. Нет такой ржавчины, которую нельзя было бы удалить каким-нибудь химическим раствором. Нет такой записи, которую нельзя было бы стереть с бумаги — даже если бы она была вырезана на камне, ее стереть можно. Человек, повелитель всего создания, открыл средства для уничтожения всего, и весьма удивительно, что он не смог бы найти способа, как вытереть деяния жизни, впечатления кармы так, чтобы избежать колеса рождения и смерти — если он заявляет, что ему известно все на земле; и утверждает, что разрешил все тайны небес.

Некоторые верующие говорят в поддержку идеи реинкарнации: "Бог справедлив. Есть много таких, кто хром, слеп или несчастлив в жизни, и это — их наказание за проступки, которые они совершили ранее, в предыдущем воплощении. Если бы это было не так, тогда бы это было несправедливо со стороны Бога". Это делает Бога только "счетчиком", а не Любящим; и это ограничивает Его в Его справедливости так же, как судью связывает закон. Судья — это раб закона; прощающий — это его повелитель. По сути дела, в нас самих, ограниченных как мы есть, заключено милосердие — за тем, если бы кто-нибудь сделал бы что-нибудь против нас, мы бы могли это простить. Если этот кто-нибудь склоняется перед нами, мы говорим: "Он унизил себя, я прощу его". Даже если бы сын причинил матери много горя, окажись он в беде, ему всего лишь нужно будет сказать: "Мама, я поступил так, но ты единственный человек, к которому я могу прийти за сочувствием, и она тогда скажет: "Дитя мое, я прощаю тебя, хотя в свое время ты огорчил меня". Если в нас, — а в нас полно неблагоприятных поступков и ошибок, — имеется эта маленькая искорка милосердия, унаследованная от Бога, и мы можем прощать, как же мы можем думать, что Бог, Самый Милосердный, будет подсчитывать наши преступления словно судья? Мы ведь как маленькие дети перед Ним. Рассматривая Бога как личность, как можем мы думать, что Он, чья сущность — любовь, чье дело — любовь, и кто сам есть любовь, может взвешивать наши действия подобно судье?

Судья, если перед ним предстанет кто-нибудь, посмотрит в дело и скажет: "Я рассмотрел твое дело и говорю, что ты виновен. Я даю тебе шесть месяцев тюрьмы (или пять лет, или десять лет). Твое преступление очень тяжело и ты должен усвоить соответствующий урок, дабы не совершить преступления снова". Но если мы подойдем к слепым и хромым и спросим их: "Вас что, так наказали? Вам кто-то сказал это?" — они ответят: "Нет. Никто нам ничего не говорил." И тогда как мы можем представить, что Бог мог быть настолько несправедлив, что наказал их, не сказав ничего им об их преступлении?

Если бы мы возвращались, то тогда бы каждый появляющийся на свет ребенок, должен был бы знать, кем он был раньше. Если некоторые в исключительных случаях вроде бы чувствуют, кем они были раньше, в предыдущей жизни, то это, возможно, обман, иллюзия или способ приобрести известность, заявляя, что тебе известно то, что не ведают другие.

Если Бог — самый милосердный, то как бы мог Он управлять нами при помощи закона, лишённого любви и сострадания, когда даже мы, люди, забываем и прощаем чужую вину, невзирая на закон, разум и логику, будучи движимы любовью, нашим божественным наследием? Бог — это любовь, а не закон. Любовь в своем низшем проявлении превращается в закон, образуя привычки, хотя это не закон управляет любовью, но любовь управляет законом.

Идея прощения есть результат нашей идеализации Бога. Насколько мы Бога идеализируем, таким он и оказывается. Иногда грехи всей жизни возможно смыть в одно мгновение; а иногда из-за одного греха можно потерять всю добродетельность и набожность всей жизни.

Рассказывают, что Моисей, когда он шел к горе Синай, встретил очень благочестивого человека, и тот сказал ему: "Моисей, расскажи Богу обо мне. Всю свою жизнь я был благочестивым, и добродетельным, и молился Богу и не получил ничего, кроме бед и неудач." Несколько позже Моисей встретил на дороге еще одного человека. Тот сидел с бутылкой вина. И крикнул он ему: "Куда ты идешь, Моисей?" "К горе Синай" — был ответ. Тогда тот человек

выкрикнул, ибо был пьян: "К горе Синай? Тогда Расскажи Богу обо мне!"

Моисей пришел на гору Синай и рассказал Богу о благочестивом человеке, которого встретил по пути. Бог сказал: "Для него есть место в раю". Затем он рассказал Богу о пьянице, и Бог ответил: "Он будет отправлен в самый, что ни на есть, наихудший уголок ада".

Моисей пошел обратно и встретил сначала пьяницу. Он сказал ему: "Бог говорит, что тебя отправят в самый, что ни на есть, наихудший уголок ада". Пьяница сказал: "Бог говорил обо мне?" и это его так обрадовало, что он не мог удержаться и начал танцевать — как если бы бедняк обрадовался, если бы услышал, что царь говорил о нем пусть даже ничего хорошего. Тогда он сказал: "Как счастлив я, что Он, Создатель и Повелитель вселенной, знает меня, великого грешника!" Затем Моисей передал благочестивому, что ему рассказал Бог. И тот ответил: "Почему нет? Я провел всю свою жизнь в поклонении Богу и благочестии, я жертвовал всем в жизни и потому я должен получить то, что сказал Он."

Когда умер и пьяница, и благочестивый, Моисею захотелось узнать, что с ними случилось. Он пошел на гору Синай и спросил Бога о них. Бог ответил: "Благочестивый — в аду, а пьяница — в раю". Моисей подумал: "Разве может Бог нарушить свое слово?" Бог ответил: "Радость пьяницы от того, что Мы говорили о нем, стерла его грехи. А добродетель благочестивого ничего не стоила. Почему он не мог удовлетвориться тем, что Мы заставляли солнце светить и посылали на землю дождь?"

Если бы кому-нибудь случилось сравнить свои праведные дела против мириад милостей Божьих, то все эти праведные дела каждого мига его жизни были бы несравнимы с одним моментом милости Божьей. Поэтому поклоняющийся Богу забывает о своих праведных делах, наблюдая только милость Бога. Как говорил Амир: "Когда благочестивый искал возлюбленного Бога среди правоверных, Его милость крикнула: "Поди сюда. Я занят у грешников, прощая им их грехи".

ГЛАВА VII ЧЕЛОВЕК, СЕМЯ БОГА

Человека можно справедливо назвать семенем Божьим. Бог великий и бесконечный, самый сознающий внутри Себя, охватывает собственную природу во всем многообразии, и таким образом Он есть един, и Он есть все. Само проявление подобно деревцу, проросшему из божественного корня. Натура — это его ствол, а все аспекты натуры — это ветви, листья, плоды и цветы; а от этого дерева опять происходит то же семя, — человеческая душа, которая и была первопричиной этого дерева. Это семя есть дух человеческий, и так же как Бог содержит всю вселенную в себе, будучи одним, так и человек содержит в себе всю вселенную как Его миниатюру. В Коране сказано: "По нашему подобию мы создали человека". Поэтому ни Бог не может быть никем другим, кроме того, кто Он есть (по той самой причине, что Он есть един, и в то же время Он есть все), ни человек не может быть никем, кроме человека; ни человек не может заново воплотиться и ни Бог.

Современные ученые признали тот факт, что у человека с течением многих лет меняется вся кожа; они также сумели открыть, что каждый атом в конституции человека меняется много раз, обновляя при этом тело. Если тело может меняться, то это может и ум, и именно благодаря этому определяется человеческая личность. Опять же в нашей пище и питии (благодаря которым живем мы) есть столько малых жизней. А сколько жизней живет благодаря нам, — в нашей крови, венах, жилах и коже, — и все это составляет нам индивидуальность. И каждая мысль и чувство в нашем уме жива настолько же, насколько живы и мы. И даже такие существа как элементарии, демоны и ангелы, которые созданы внутри нас, благодаря нам и из нас — их можно так же считать личностями, как и нас. Так что в конце этого исследования человеку будет трудно понять, существует ли он как нечто одно или как нечто множественное.

В наших снах все обитатели нашего ума воскресают, создавая мир внутри себя. Мы видим во сне предметы и существа, друзей, врагов, животных, птиц, и они приходят из ниоткуда, но

создаются из нас самих. Это показывает, что ум личности строит мир в себе, и он создается и уничтожается сознательным или несознательным действием воли, у которой есть два аспекта: намерение и случай. Мы получаем опыт из этого мира ума даже тогда, когда мы бодрствуем, однако контраст между миром внутри и миром снаружи делает последнего конкретным, а первого — абстрактным.

Кто-то, пожалуй, спросит: "Если все то, что мы видим во сне, это мы сами, тогда почему мы даже во сне видим себя как сущность, отделенную от всех остальных предметов?" Ответ здесь заключается в том, что душа обманута нашей внешней формой, и ее она и принимает за "я"; все другие образы и формы, которые проявляются перед ней во сне, находятся в контрасте по отношению к ней, и потому душа признает их как нечто отдельное от "я".

Но ведь если индивидуальное воплощается заново, следует ли нам считать, что наше изменяемое тело — индивидуально? Или ум? Ведь они оба представляются как нечто одно, но в то же время и множественное. Можно спросить у какого-нибудь Джека: "Какая часть тебя является Джеком? Глаз? Нос? Ухо? Или рука или нога — если у всего этого уже есть свое собственное имя? А может быть Джек — это твои мысли и чувства? Их много, они меняются, они разнообразны, и ты называешь их таким-то воображением, таким-то чувством." Это доказывает то, что Джек находится несколько выше, будучи владельцем всех тонких и масштабных качеств, которые сгруппировались и создали перед ним иллюзию, которая, отразившись на душе, заставляет его говорить "я", "Джек". Он — владелец всего, что он распознает вокруг себя и все-таки каждый атом и вибрация, которая составила его иллюзорное "я" должна меняться, и у каждого из них есть своя отдельная жизнь и смерть.

Душа на своем пути к великому и бесконечному не может вернуться с полдороги; когда она достигает своей цели, она ощущает только свет, мудрость и любовь Бога. Она также теряет две вещи: она теряет все знаки опыта и мыслей своего проявления, и постепенно она теряет свою индивидуальность и растворяется в бесконечном божественном Сознании.

Если какой-нибудь предмет из глины бросить в воду, он пойдет ко дну — к своему собственному элементу. Если вода встречается с огнем и становится паром, то водная часть этого пара все равно уйдет вниз. Когда огонь соприкасается с воздухом, его дым поднимается на какое-то расстояние, но в своих высших сферах воздух от огня избавляется. Когда эфир становится духом, он теряет контакт с элементом воздуха. Так происходит и с душой: на своем пути обратно она отдает все те качества тем источникам, откуда они были взяты, тем самым облегчая себя на пути к своему собственному элементу. Земное тело идет к земле, часть, относящаяся к воде, — к миру вод; ее тепло — к царству тепла, воздух — к сферам воздуха, эфир — к области эфира. Ее впечатления, мысли, ощущения, заслуги идут настолько далеко, насколько могут и остаются там, где они должны быть. Тогда душа, в своей изначальной субстанции, становится единственным, что остается от всего этого, растворяясь в океане сознания, в котором не остается ничего от ее предыдущих качеств.

Наша личность подобна пузырю в воде. Едва ли возможно, чтобы пузырь, растворившись в море, опять бы там появился причем в той же воде, что и раньше; так же маловероятно, чтобы душа, однажды растворившись в океане сознания вышла бы опять наружу созданной из той же самой части сознания (что и раньше — прим. перев.). Пузырь может объявиться в том же самом месте в той же самой воде, или в другой. Но там, во втором пузыре, может оказаться лишь половина первой капли той воды, может быть, лишь небольшая часть, а может быть, к ней и другая вода добавится.

Вот появится один пузырь, и мы назовем его Джоном, а другого назовем Джейкобом, а третьего — Генри, все-таки они будут их одной и той же воды; а если мы назовем эту воду Джоном, то все они будут из этого самого Джона. Все — это один и тот же дух, одна и та же жизнь, принимающая на себя все формы и все имена. С такой точки зрения, в свете реальности не существует ни "я", ни "ты", ни "он", ни "она", ни "оно" — лишь только разница мгновений.

Каждый пузырь теряет как отражения, так и все качества, которые были у него, как только он растворяется в воде. И даже если бы ему случилось в одном случае из тысячи выйти из той же воды, он бы не сохранил своих предыдущих свойств. Также, предположив (чисто умозрительно), что одна и та же частичка сознания, которая уж в любом случае не является

настолько стабильной и вещественной как вода, могла бы снова оказаться на поверхности, не претерпев никаких дополнений или изменений, никак не возможно, чтобы она все еще сохраняла свои предыдущие качества и впечатления, ибо она очищается абсолютно, погружившись в сознание. Если даже капля чернил утратит в море свои качества, почему океан сознания не может очистить свою собственную стихию от инородных элементов?

Если индуизм учит, что купание в Сангаме (?) в месте слияния двух рек может смыть с человека все грехи его жизни, то как он может отрицать, что купание души (даже однократное) в сознании может очистить душу от всех качеств, которые она накопила за время своей предыдущей жизни? Ведь сама природа явления поглощения Духом — это уже само по себе очищение от материального состояния бытия, а в самой природе проявления заключено, что душа должна прийти на место новой и чистой.

Допустим, что сливки — это воплощение молока, а масло — это его третье воплощение, а четвертое его воплощение назовем топленным маслом. Тогда возникает вопрос, а воплощением чего является молоко? Молоко состоит из нескольких химических веществ, и его химический состав меняет его название, вкус, запах и воздействие. Масло нельзя назвать молоком, и сливки тоже. Если и есть что-то, что может существовать во всех проявлениях молока, то это некий внутренний управляющий поток, который группирует и разъединяет атомы, заставляя их меняться, и который можно уподобить душе.

Также если бы Джек воплотился в Джона, или Джон воплотился в Джека, то кем были они в самом начале? Их бы было двое или один? Если один стал двумя, то один мог стать и тысячей, и миллионом, и при этом все-таки оставался одним.

Когда душа устремляется из сознания, ее можно обозначить как стрелу. Стрела, устремившаяся в воздух, летит вверх настолько, насколько ей определили воля и сила лучника. Когда она достигает максимальной высоты, она начинает возвращаться. Смерть физического и есть возвращение той стрелы. Конечно, по пути обратно она может где-нибудь задержаться, так же как и стрела иногда застревает в ветвях деревьев, однако в тот или иной день она возвращается на землю, к своему собственному элементу. И вверх от нее она теперь уж точно не полетит. Так же и с человеческой душой, когда она, закончив свой путь на земле, возвращается к своему началу, притягиваемая его силой.

Если мы посмотрим на мир, мы увидим, что все образует круг. Растение вырастает из семечка до тех пор пока полностью не разовьется, а потом возвращается в прах. Человек растет — с детства до юности, до зрелости, до пожилого возраста, и это, так сказать, аргумент в пользу того, что мы проходим через много жизней. Но это не тот круг, который движется сам — это точка, которая, двигаясь, образует круг и возвращается на то место, откуда двигаться начала. Это сознание совершает движение, а не отдельная душа.

Капли воды в фонтане летят вверх, — некоторые выше, некоторые ниже; некоторые летят очень недалеко, некоторые довольно высоко поднимаются. Когда каждая капля падает, она тонет в потоке и утекает вместе с ним, и ввысь снова не взлетит, хотя сама вода в том самом потоке может в виде капель взлетать и падать снова. И это служит доказательством в пользу того факта, что взлетает и падает вода, а как раз не капли; хотя внешне она взлетает и падает каплями, вода в каждой капле всегда другая.

Сторонники реинкарнации приводят еще один аргумент в поддержку своей доктрины — иногда необычные гений или дарование обнаруживаются в ребенке, который едва ли мог унаследовать их от своих предков и не мог приобрести их в своем окружении. Иногда в трущобах рождается ребенок, обладающий великим поэтическим гением, следы которого невозможно обнаружить ни у его отца, ни у его матери, ни у его предков; или он показывает изрядное музыкальное дарование, которого не было ни у его отца, ни у деда, ни у предков.

Душа, перед тем как явиться на поверхность земли, на своем пути к проявлению довольно долгое время собирает впечатления от душ, которые встречаются ей по дороге и перенимает их атрибуты. Таким образом, атрибуты ушедших душ проявляются снова. Душа может получать впечатления от одной души, или от нескольких, или от многих душ.

Душа на своем пути к проявлению может встретиться с душой гения поэзии или музыки и взять с собой эти впечатления. Когда умирает великий человек, или очень добрый человек,

филантроп, вы обнаруживаете, что вскоре после этого рождается ребенок с похожими качествами, дабы восстановить баланс в мире. Ребенок может родиться с качествами Александра Македонского. Это происходит потому, что новая душа по дороге к проявлению встретила с душой Александра и в виде впечатлений получила от нее все его качества или часть его качеств. Таким образом кто-то может заявить: "Я — воплощение Александра". Но сама душа Александра не возвратится. Если бы так было, тогда каждой душе, покидавшей эту жизнь, было бы известно о своих предыдущих жизнях.

Большинство различий в понимании обусловлено различием в словах. Если кто-то говорит, что душа — это мир впечатлений, которые сознание удерживает перед ней, а дух — это сознание, тогда этот кто-то может говорить, что душа возвращается.

Если у непозитивных родителей ребенок начинает петь и сочинять слова к песням, это говорит о том, что он получил впечатление от какой-то поэтической души. Душа, которая появляется на земле, более реактивная, чем нежная творческая. Она не творит, потому что ей отдавать нечего. Творческой душе становится на своем пути обратно, там она и делится своим опытом. Например, неиспользованная фотопленка получает впечатления от объекта, который находится перед ней; а когда она использована, она отдает полученные впечатления бумаге. Представим, что, например, душа Вишну встречает другую душу, идущую к проявлению, и эта сильная душа может передать ей в виде впечатлений свои атрибуты. Тогда та душа может сказать: "Я — Кришна, воплощение Вишну". Душа получает впечатления от всего, что оказывается перед ней. Иногда дети вполне заурядных родителей могут настолько впечатлиться присутствием великих людей, что и сами становятся великими. И личность человека — это ничто иное, чем слияние его мыслей и впечатлений; и того, кто их унаследует, можно называть воплощением того, кто ушел раньше, хотя у каждого есть своя собственная душа.

Иногда так бывает, что ребенок видит и понимает очень многое из того, что вокруг него происходит. Иногда молодой человек видит и понимает более чем старый. Заурядный человек предположит, что такие люди являются носителями старых душ, и сторонники реинкарнации принимают это за доказательство своей доктрины. Но, на самом деле, знания и понимание не зависят от учения, знание — это качество души; знание духа принадлежало человеку во все времена. Пожилому человеку не нужно читать много книг, чтобы узнать, что когда-то он был маленьким ребенком — он и так это знает, это его прошлый опыт. Также и душа знает о своем собственном опыте; ей нужно только слегка пробудиться, чтобы познать себя.

Когда шах персидский пожелал, чтобы какой-нибудь образованный человек написал историю Персии, он не мог никого найти для этого до тех пор, пока поэт Фирдоуси не сказал, что может ее написать. И он написал, руководствуясь своим внутренним знанием, поэму "Шах-наме", историю персидских шахов. Если бы он почерпнул эти знания из воспоминаний своих предыдущих жизней, он должен был бы все время рождаться в Персии и только в Персии, быть наделенным тем же самым разумом, чтобы приобрести и удержать те же самые знания.

Нет ничего такого, что душа не могла бы знать, ибо все объективное существование создается душой, причем для того, чтобы она могла им пользоваться. И поэтому неудивительно, если человек обладает великими качествами, которые получил не в наследство; или если ему в прозрении, а не в учебе открывается знание всех вещей. Становится удивительно лишь тогда, когда ему недостает всего этого. И это случается благодаря тому, что одни сферы объективного мира наслаиваются на другие, закрывая свет души.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сначала я поверил без всякого сомнения в существование души, а затем меня заинтересовала тайна ее природы. Я настойчиво изучал и стремился найти душу. Наконец я понял, что я сам был лишь оболочкой вокруг души моей. Я понял, что та часть меня, которая верила, и та часть меня, которая интересовалась, и та часть меня, что искала настойчиво, и та часть меня которая нашла, и само то, что нашел я в конце концов, было ни чем иным кроме души моей. Я поблагодарил тьму, что привела меня к свету, и я отдал должное покрову, души моей.

которое приготовило мне видение, в котором я видел себя отраженным; видение, созданное в зеркале моей души. С тех пор я видел души всех, словно мою душу, и свою душу понимал как души всех; и с удивлением узнал я, что я был один (если там вообще был кто-нибудь); и что я есть все, что когда-нибудь существовало, и что в будущем я буду всем. И не было конца моему счастью и радости.

Воистину, я есть семя, и я есть корень, и я же — плод этого древа жизни.

ЛЮБОВЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ И БОЖЕСТВЕННАЯ

ГЛАВА I. ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Душа на своем пути к проявлению проходит четыре состояния: Ильм, Ишк, Вуджуд, Шухуд. Ильм — это изначальное состояние сознания, чистый разум; Ишк — это любовь, следующий шаг разума на пути к проявлению. Поэтому разум и любовь являются одним и тем же по сути. Вещи, такие как камни и деревья, не имеют разума, и поэтому у них нет любви, разве что ее незначительное восприятие, что существует в растительной жизни. Однако у зверей и птиц разум развивается, и потому у них понемногу обнаруживается любовь. Вуджуд — это объективный мир, назначение которого — быть любимым, ибо любовь не может проявить себя, если не будет объекта любви. Шухуд — это реализация опыта любви, в каком бы аспекте она ни была.

Английское слово "love" (любовь) развилось из санскрита: "lobh", что означает "желание", "страсть"; то же самое слово используют и в русском языке — "любовь". Любовь другими словами можно охарактеризовать как "желание сознать объект любви". Поэтому Шухуд, реализация любви является единственным объектом для каждой души. И то, что известно нам как воля, желание, страсть, доброта, предпочтение и т.д. — это любовь в ее различных аспектах.

Дом любви — это знания. Именно любовь и интерес к вещам раскрывает со временем их секреты, и тогда человек узнает, как их развивать, управлять ими, как их использовать. Никто не сможет узнать кого-либо — неважно, сколько у него будет знаний, — кроме любящего, ибо если нет любви, то внутренние глаза слепы, открыты только те, что снаружи, — а они являются лишь очками для внутренних глаз. Если глаза не видят, для чего нам очки? Именно потому мы восхищаемся всеми, кого мы любим, и слепы к хорошим качествам тех, кого не любим. Они, конечно, не всегда заслуживают наше пренебрежение, но наши глаза без любви не могут видеть их доброту. А у тех, кого мы любим, могут быть и плохие моменты, но так же как любовь видит красоту, так и мы видим в них лишь ее. Разум, как он есть, на следующем этапе движения к проявлению превращается в любовь. Когда зажигается свет любви, сердце становится прозрачным, и разум души может видеть сквозь него, но до тех пор, пока солнце не загло пламя любви, разум, который все время стремится получить опыт жизни на поверхности, будет блуждать в темноте.

Все созданное сделано для любви. Человек наиболее способен к ней. Если у нас в доме есть какой-то камень и нам он очень нравится, камень этот не узнает о нашей любви, по крайней мере, в той степени насколько ее может сознать растение. Если у нас есть какое-то растение, и мы заботимся о нем, ухаживаем за ним, оно ответит на нашу заботу и станет цвести. Животные чувствуют привязанность. Если мы в доме будем держать животное, как много любви и привязанности оно может ощутить! Ручные животные со временем начинают любить так, как если бы они были членом семьи. Именно собака кормила Иосифа, пока он был в колодце, до тех пор пока его не нашли путники, проходившие мимо. Рассказывают, что лошадь одного араба, павшего на поле битвы, смотрела за ним три дня, отгоняя от его трупa стервятников, — до тех пор пока не пришли его товарищи. Но человек, обладающий наибольшей долей разума, сохраняет в своей природе наиболее любви.

Все это доказывает, что все созданное развивалось от жизни камней до растительной жизни, от растительной — до животной, а от животной — до человеческой, выказывая постепенное развитие любви на каждой стадии.

Суфии говорят, что причина самого создания заключается в том, чтобы совершенное Бытие пожелало узнать Себя, и сделало это, пробудив Любовь Своей природы и создав из нее свой объект любви, который называется красотой. Дервиши, подразумевая именно это значение,

приветствуют друг друга: "Ишк Аллах, Маабуд Аллах" — "Бог есть любовь, и Бог есть возлюбленный". Один индийский поэт сказал: "Желание увидеть возлюбленного принесло меня на землю, и то же самое желание беру я на небо".

Так как любовь — это источник создания и действительная поддержка всех существ, то, если человек знает, как отдать миру такие чувства как доброта, симпатия, служение, он дает всем пищу, по которой изголодалась всякая душа. Если бы человек знал этот секрет жизни, ему бы достался целый мир, вне всякого сомнения.

Любовь всегда можно различить в мыслях, речи и действиях любящего, ибо в каждом его выражении есть некий шарм, который проявляется как красота, нежность и тактичность. Сердце, горящее в пламени любви предрасположено к тому, чтобы растопить всякое сердце, в контакте с которым оказывается.

Любовь создает в любящем такой шарм, что если он любит что-то одно, его самого любит все. Один индийский поэт так объяснял магнетизм любви: "Может ли какое сердце не расплавиться до капель, пред огнем, что сердце грел всю жизнь мне? Я всю жизнь лил слезы от страданий любви и любящие совершат паломничество к моей скорбной могиле". И Христос, дабы преподать урок любви, говорил: "Я сделаю вас ловцами душ человеческих". "Все притягивается ко мне, дабы стать мне другом, но никто не может поведать, что же это в моем сердце его притягивает." — так говорил Джелал-ад-Дин Руми.

Любовь — неотъемлемая часть каждой души. Все, чем бы ни занимался в жизни, — каким бы важным или неважным это ни было, — так или иначе предрасположено к любви. Поэтому никого в мире нельзя назвать совершенно лишенным любви. Любовь — это единственное, что душа приносит с собой на землю, но все-таки придя туда, человек перенимает от всех качества "нелюбви". Если бы это было не так, мы бы уже родившись были бы такими же желчными, ревнивыми, злыми и полными ненависти, как мы выглядим сейчас. У младенца нет ненависти. Маленький ребенок, которого мы пожурили, через несколько минут придет и обнимет нас.

Любить, обожать, поклоняться кому-либо не будучи связанным с ним по родству, расе, вере, и вообще при отсутствии всяких земных связей — все это происходит от любви души. Иногда люди влюбляются с первого взгляда, иногда чье-либо присутствие притягивает человека как магнит, иногда кто-то видит человека и чувствует, что "Я как будто знал его всю жизнь"; иногда кто-то разговаривает с кем-либо, и чувствует такое глубокое понимание, как если бы их души понимали друг друга — и это объясняется идеей родства душ.

Сердце, освещенное любовью, более ценно, чем все бриллианты и драгоценные камни мира. Сердце много и они разные, так же как в мире много разных субстанций. Есть сердца из металла, которым, чтобы согреть их, требуется много времени и много огня любви; а если их нагреть, они расплавятся и их можно уложить в какую угодно форму — на момент, но вскоре после этого они остынут. Есть сердца из воска, которые тают сразу же при виде огня, и если есть фитилек идеала, они будут поддерживать это пламя до тех пор, пока не перестанут существовать. Есть сердца из бумаги, которые загораются от легкого прикосновения пламени и за мгновение превращаются в пепел.

Любовь подобна огню; ее свет — это поклонение, ее пламя — это мудрость, ее дым — это привязанность, а ее пламя — отстраненность. Пламя возникает из света, так же обстоит дело и с мудростью, которая возникает из поклонения. Когда огонь любви создает пламя, он освещает путь жизни преданного подобно факелу и вся тьма исчезает.

Когда жизненная сила действует в душе, — это любовь; когда она действует в сердце, — это эмоции; когда она действует в теле — это страсть. Поэтому самый любящий человек — самый эмоциональный, а самый эмоциональный человек — самый страстный, в зависимости от уровня, который он наиболее сознает. Если у него наиболее пробуждена душа — он любит, если сердце — эмоционален, а если он сознает свое тело, его удел — страсти. Эти три состояния можно охарактеризовать как огонь, пламя и дым. Любовь является огнем, когда она — душе, пламенем — если зажжет сердце; и дымом — когда она проявляется в теле.

Первая любовь — любовь для себя. Если, будучи просвещенным, человек увидит свою истинную выгоду, он становится святым. А если просвещения нет, человек становится настолько эгоистичным, что превращается в дьявола. Вторая любовь — это любовь к

противоположному полу. Если эта любовь ради любви, то это небесная любовь, если ради страсти — земная. Она, если она абсолютно чиста, может полностью устранить идею "себя", но выгода от этого незначительная, а опасность — велика. Третья любовь — это любовь к детям, и она же является первой службой созданием Божиим. Сохранить ее только для детей значит принять на себя то, что дано нам на веру Создателем, но если эта любовь расширяется до того, чтобы охватить все созданное нашим Небесным Отцом, она возвышает человека до того, чтобы был среди избранных Богом.

Любовь родителей к детям гораздо сильнее, чем любовь детей к ним, ибо если все мысли родителей направлены на ребенка, мысли детей направлены на себя. У Пророка спросили: "Чья любовь больше — любовь родителей к детям или любовь детей к родителям?" Он ответил: "Любовь родителей больше, ибо в то время как они делают все с мыслью, чтобы их дети могли вырасти и жить счастливо после них, — как будто бы они надеются жить в жизни своих детей после своей смерти — даже достойные дети думают, что когда-нибудь их родители умрут, и с этой мыслью они помогают им настолько мало, насколько могут." Тогда его снова спросили: "А из родителей, чья любовь больше?" Пророк ответил: "Матери, большая доля уважения и заботы идет от нее, ибо у ног ее лежит небо". Любовь родителей благословенна во веки веков, ибо эта любовь чиста как кристалл.

Есть одна хорошо известная история о Ширване Бхагате, который очень любил своих родителей, а они уже достигли такого возраста, что стали беспомощными и полностью зависимыми от забот единственного сына. Он любезно прислуживал им и с терпением сносил все трудности, которые ждут человека, если он общается с пожилыми людьми.

Однажды родители сказали, что они бы очень желали хотя бы раз в жизни совершить паломничество в Каши. Их достойный сын сразу дал свое согласие на это и так как в те дни не было никакого другого средства передвижения, он решил идти пешком. Он сплел корзины, в которые посадил своих старых родителей, взвалил их себе на плечи и так отправился в путь — за тысячи миль, проходя через многие леса и горы, и переправляясь через реки.

Так он шел несколько месяцев. Но перед тем, как подойти к конечной цели путешествия, случилось несчастье. Ширван по просьбе своих родителей поставил корзины на землю и пошел принести им воды. Когда он подошел к воде, его ударило стрелой Раджи Дашератхи, который метил в оленя, но случайно попал в него. Услыхав глубокий вздох человека, Раджа подошел к нему и был опечален безмерно. "Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, о человек?" — спросил он. Ширван ответил: "Я умираю. У меня есть только одно желание — принести воды родителям, ибо они хотят пить в такую жару". "Это все?" — спросил Раджа, — "Я сделаю это с большим удовольствием в первую очередь". Ширван добавил: "Если ты желаешь сделать что-то еще, тогда присмотри за ними и проследи, чтобы их принесли в Каши, хотя я сомневаюсь, что они проживут сколько-нибудь после того, как умру я".

Раджа взял воды и пошел. Он отдал ее родителям не говоря ни слова, боясь, что они не будут пить ее, если услышат чужой голос. Родители сказали: "О достославный сын, мы никогда за всю свою жизнь не видели тебя опечаленным; в первый раз ты дал нам чашу воды, не сказав ни слова любви, что всегда давало нам новую жизнь". Раджа Дашератха разразился слезами и рассказал им о смерти сына. Они же, услышав это, пить не смогли. Они жили только его любовью. Каждый из них издал глубокий вдох "О, наш любимый Ширван", и оба умерли.

С тех пор эта история стала в Индии традицией. И находятся ее последователи, которые носят на плечах корзины и так путешествуют, уча добродетели преданного служения родителям.

Когда любовь направлена на один объект — это любовь; на несколько объектов — привязанность. Когда она подобна облаку, ее называют слепым увлечением. Если ей свойственна мораль, то это набожность. Если это любовь к Богу, вездесущему и всемогущему, то есть по сути дела, к целостному Бытию, тогда ее называют божественной любовью, а любящий становится святым.

Больше чем любовь силы нет. Вся сила приходит с пробуждением любви в сердце. Люди говорят: "Он мягкосердечен, он слаб", но много людей не знают, какая сила исходит от сердца, что становится нежным в любви. Солдат воюет на поле битвы из любви к своему народу.

Каждая работа, выполненная кем-то с любовью, — в нее вложена вся сила и энергия. Страх и разум, которые ограничивают силу, не могут выстоять против любви. Курица, какой бы робкой она ни была, может стать супротив льва из любви к своему потомству. Для любящего сердца нет ничего слишком сильного, слишком мощного.

Сила любви охватывает все в жизни, так же как сила динамита завоевывает мир. Но когда взрывается динамит, он поджигает все; и так же происходит с любовью — когда она слишком сильна, она превращается в колесо уничтожения, и в жизни любящего все происходит не так. Вот эта тайна и объясняет все страдания и убогость жизни любящего. И все-таки любящий выигрывает в обоих случаях. Если он победил обстоятельства, он — победитель. Если он потерял все — он святой.

Любовь выше закона, а закон ниже любви. Сравнивать их двоих нельзя. Одно идет с небес, другое — от земли. Там, где умирает любовь, начинается закон. Поэтому в законе никогда не будет места для любви, и любовь не сможет вместить себя в рамки закона. Одно ограничено, а другое не ограничено так же, как и сама жизнь. Любящий не может разумно объяснить, почему он кого-то любит, ибо разумное объяснение есть всему, кроме любви.

Время и пространство находятся в руках любви. Путешествие длиной в несколько миль рядом с возлюбленной превращается в несколько ярдов, а ярды превращаются в мили, когда ее рядом нету. Один день разлуки в любви равен тысяче лет, а тысяча лет рядом с любимой даже одного дня короче.

Если есть на свете какое-либо защищающее влияние, то это не что иное как любовь. Во всех аспектах жизни, где мы находим себе защиту, ее мотивом всегда является любовь; и никто не может доверять никакой защите — какой бы крепкой она ни была, если это не та защита, которую предлагает любовь. Если великану случится напугать ребенка, ребенок скажет: "Я все расскажу маме". Сила и мощь одного человека слишком мала по сравнению с той любовью и защитой, которую мать дает ребенку.

Любовь может исцелять лучше чем что-либо на свете. Если ребенку больно, нет ничего лучше прикосновения матери. Для любящего, если он заболел, нет более сильного лекарства, чем присутствие любимой. Даже кошки и собаки вылечиваются, если их погладить с любовью.

Люди напрасно используют физические процессы, чтобы читать мысли, посылать и принимать телепатические сообщения. Если бы они только знали, что тайна всех оккультных и физических явлений заключается в любви! Любящему известно все: удовольствие, дискомфорт, счастье и несчастье, мысли и образы любимой. На его пути нет времени, нет пространства, ибо телепатический ток между любящим и любимой устанавливается естественным образом. Воображение любящего, мысли, сны и видения — все говорит ему об объекте его любви.

Концентрация, которая является секретом всех достижений в жизни, главным явлением во всех ее аспектах, особенно в плане религии и мистицизма, естественна в любви. Лишенный любви будет идти по своей дороге годами, и ему никогда не удастся сконцентрировать свой ум на одном объекте; но любящего любовь заставляет двигаться вперед, удерживая перед его восхищенным взглядом образ любимой. Поэтому любящему концентрироваться не надо; его любовь — это сама по себе концентрация, и она дает ему власть над всем в мире. Любящий достигает объекта своей любви силой концентрации. Если он не достигает его, тогда он возвышается над ним. Свою награду любящий получает в любом случае.

ГЛАВА II. ФАРХАД И ШИРИН

Любовь никогда не прельщается богатством и величием. Ширин, дочку бедняка, но богатую своими идеалами, похитили и привели к шаху Фарасу, который тут же в нее влюбился и щедро вознаградил тех, кто привел ему ее. Но, к своему великому разочарованию, он обнаружил, что Ширин не отвечает на его любовь, и что ее идеал слишком велик, чтобы позволить ей соблазниться богатством и величием шаха. Он делал все, чтобы ей понравиться и

чтобы она захотела за него выйти, но каждое усилие давало противоположный эффект.

Когда Ширин увидела, что надежды спастись из дворца, который был для нее клеткой, нет; и когда приставания шаха и его слуг истощили ее терпение настолько, что ей приходилось соглашаться с их предложением, она и согласилась, но с одним условием: нужно было прорыть канал в память о таком событии. Это было, конечно, предлогом для того, чтобы отложить свадьбу, ибо на рытье канала требовались годы труда. Шах был настолько очарован ее молодостью и красотой, что ухватился даже за малейший знак уступки и тут же дал приказ придворным инженерам и архитекторам начать работы по каналу ни минуты не медля, и выполнить их как можно быстрее, не жалея ни денег, ни сил. Были задействованы тысячи рабочих, и работы велись и днем и ночью под бдительным оком самого повелителя и его слуг.

Чем ближе работа подходила к концу, тем более усиливалась надежда шаха. И вот он, с огромным удовольствием, пригласил Ширин взглянуть на канал. Она же, с подавленным настроением, вышла посмотреть на него, боясь что скоро он будет закончен и ей придется уступить желанию шаха, что было для нее хуже смерти. И вот пока она шла и рассматривала, как идет работа, где беспрестанно трудились тысячи рабочих, к ней, к ее огромному удивлению, подошел рабочий, сраженный наповал ее красотой и обаянием. Он, ничего не боясь, воскликнул: "О, Ширин, я люблю тебя!" "Любовь преодолевает сословные различия между любящим и любимой, и она побеждает высоту, на которую любящему приходится взбираться".

Это был именно тот голос любви и то самое слово искренней привязанности, которое Ширин так долго искала и не находила до сей поры. Ширин ответила: "Ты любишь меня? Тогда пробей эти горы и проруби дорогу сквозь них." Фархад тут же ответил: "Золото должно быть проверено. Я охотно сделаю это — все, что ты попросишь".

Фархад отправился в дорогу со всей душой, не думая, почему он должен прорубить дорогу, и даже не оценивая, какую огромную работу ему придется выполнить. Он даже не остановился подумать, как много времени потребуется, чтобы ее закончить, и не пройдут ли его усилия впустую — он пошел в эти горы, в эту глушь и принялся рубить их своим кайлом. И с каждым своим ударом он повторял имя Ширин. И удары Фархада сотворили чудо — один удар был словно сотня ударов. "Сила человека — это сила его тела, но сила любви — это мощь Бога". Его работа близилась к завершению чуть ли не когда она началась. Работа, которая потребовала бы много рабочих и много лет, была завершена за считанные дни.

Ширин, когда увидела Фархада, отказала шаху, говоря: "Вот еще один человек, который меня любит и который проходит испытание. До тех пор, пока я не узнаю, чем оно кончится, я думаю, что лучше воздержаться от свадьбы".

Шпионы шаха следили за Фархадом и сразу же доложили ему, что Фархад завершил свою работу раньше, чем закончились работы по каналу. Шах был очень обеспокоен, думая, что Фархад скорее всего завоюет любовь Ширин, и что после того, как он все это выполнит, Ширин ему не достанется. Когда он рассказал об этом своим советникам, один из них сказал: "Повелитель, вы — шах, а Фархад — рабочий. Что за сравнение между небом и землей? Я пойду и, если это будет приятно Вашему Величеству, в момент прикончу его". "О, нет", — ответил шах, — "Ширин будет видеть пятна его крови на мне и навсегда от меня отвернется". Тогда заговорил один из слуг шаха: "Мне, господин мой, не трудно будет оборвать жизнь Фархада, не пролив ни единой капли крови". "Вот это гораздо лучше", — ответил шах.

Слуга пошел к Фархаду, который почти уже закончил свою работу, в надежде увидеть взгляд Ширин: "Счастье для любящего, это удовольствие любимой". И вот слуга шаха сказал: "О, Фархад, увы, все впустую! О, эта соперница Луны, твоя возлюбленная Ширин скоростижно скончалась". Фархад воскликнул в величайшем замешательстве: "Как? Моя Ширин умерла?" "Да", — ответил слуга, — "Увы, Фархад, умерла Ширин". Фархад издал глубокий вздох и упал на землю. "Ширин" было последним словом, что произнесли его губы, и тут его жизнь отлетела.

Ширин слышала от своих доброжелателей, что Фархад сотворил чудо, — прорубил дорогу в горах, повторяя имя ее при каждом ударе, и закончил работу, которая бы потребовала всей жизни, в наикратчайшие сроки. Ширин, нити сердца которой уже были затронуты Фархадом,

душу которой любовь Фархада пронзила, не могла ждать ни минуты и при первой же возможности отправилась в горы. "Высшие силы разделяют два сердца, что идут вместе". Ширин, которой выпала огромная удача иметь такого возлюбленного как Фархад, не суждено было увидеть его больше.

К своей великой печали и разочарованию, Ширин нашла тело Фархада, лежащее рядом с той дорогой, которую он сделал для нее. Шпионы шаха подошли к ней поближе, чтобы убедить ее в его смерти, надеясь, что теперь, когда Фархада больше нет, она бы обратила свой взор на корону шаха. Они сказали: "Вот бедный Фархад. Увы, умер он." Но из дуновения ветра, из плеска воды, от скал, от деревьев услышала она голос Фархада, который говорил: "Ширин, Ширин". Сама атмосфера того места удерживала ее душу при помощи магнетизма любви, который Фархад создал там. Она свалилась на землю, убитая огромной потерей, которую ее сердце не могло выдержать, и закричала: "Фархад я иду к тебе, я с тобой!" "Судьба любящего — это великое разочарование в глазах мира, но величайшее удовлетворение в глазах мудрецов."

Люди, качества которых создают гармонию, нравятся друг другу. Эти качества могут быть телесными или умственными; они могут быть и качествами души. Физическое увлечение длится меньше всего, эмоциональное увлечение длится дольше, а увлечение духовное продолжается вечно.

Едва лишь выраженная любовь зажигает другое сердце; если любовь выражена более явно, она в том сердце и поселяется, а когда она выражена слишком сильно, она отталкивает объект любви.

Контакты делают людей друзьями, хотя ни сам контакт смертных, ни дружба не длится вечно. Быть вместе, сидеть вместе, есть вместе, дышать одним и тем же воздухом — все это приближает сердца друг к другу. Два тлеющих уголька вместе со временем порождают огонь, языки пламени объединяют их. Когда соприкасаются две руки, электрический ток пробегает от одной руки к другой. В этом и заключается объяснение традиции рукопожатия — чтобы пламя двух людей объединилось. Именно поэтому люди имеют склонность хлопать в ладоши, складывать руки на груди и класть ногу на ногу, когда они сидят или лежат, ибо это доставляет им комфорт. Это же и является причиной чувства родства, существующего у одного и того же народа или расы.

Любовь предрасположена к тому, чтобы воспроизводить качества (даже создавать уподобление) объекта любви в любящем. Мы часто видим, что друзья, муж и жена, любовники, муршид и мюрид со временем начинают выглядеть одинаково. Портреты разных шейхов Хандан-и-Кишта выглядят так, как если бы их создавали по одному образцу. Человек, уехавший из своей собственной страны, и живущий долгое время в другой, хорошо узнает ту другую страну, начинает любить ее, а иногда не хочет возвращаться обратно на родину, так как в нем появилась любовь — связанность с той страной.

Встретиться — значит зажечь любовь, расстаться — спалить ее. Чем дальше объект любви находится от любящего, тем больше места создается для расширения любви. Поэтому любовь к недостижаемому объекту имеет все возможности для развития, тогда как объект любви, которого мы можем достичь, часто оказывается ее проверкой. Если разлука длится долго, она усиливает любовь. Но если она длится слишком долго, любовь умирает. Если встреча продолжается на короткое время, она зажигает любовь, но пламя удержать становится трудно; а если связь длится долгое время, любовь не получает особого стимула, но обретает корни, чтобы расти, цвести и длиться долго. В отсутствие возлюбленной надежда становится маслом, которое питает пламя любви. Присутствие и отсутствие, если они сменяют друг друга заставляют любовь ярко гореть. Если связь слишком сильна, огонь любви задыхается, а при слишком долгой разлуке он гибнет от недостатка масла.

Мы можем год прожить в каком-нибудь городе, и мы можем познакомиться там с людьми, и они нам могут очень нравиться, и, возможно, мы им очень понравимся тоже. И вот, любовь усиливается и мы думаем: "Остаться бы здесь на всю жизнь!" Когда мы уезжаем, нам трудно расстаться с ними. А потом мы уезжаем, и друзья шлют нам письма, и мы отвечаем на них — сначала каждый день, потом каждую неделю, потом каждый месяц, до тех пор пока вся переписка не сводится к рождественской открытке или новогодним поздравлениям; ибо мы

отделяемся от них вследствие того факта, что гораздо меньше общаемся с ними, зато — гораздо больше с теми, кто сейчас окружает нас. Если мы приедем в те же самые места лет через пять или шесть, мы обнаружим что местный климат какой-то не такой, и мы не узнаем там ни улиц, ни домов, и не будет там теплоты друзей, что были раньше. Человек, если он ничего не знает, будет их обвинять; но если он поймет, почему так случилось, он будет винить и себя. Ведь пребывание вместе любовь усиливает, а расставание ее ослабляет. И так же происходит с нашей привязанностью к различным местам.

ГЛАВА III. ЮСУФ И ЗУЛЕЙКА

Из истории о Юсуфе и Зулейке мы узнаем, какую роль в мире любви играет красота. Юсуф был самым младшим сыном Якуба, видящего, который наделен даром пророчества, подобно некоторым своим предкам. Его старшие братья, завидовавшие его красоте и тому влиянию, что он оказывал на отца и на всякого, кто встречался с ним, бросили его в колодезь. "Не только лишь любовь, но и красота также должна платить за себя".

Купцы, проезжавшие мимо, увидели Юсуфа в колодезе, когда стали набирать воду. Они взяли его с собой и продали его в рабство властителю Мисра, а тот, пораженный красотой манер этого юноши, сделал его своим личным помощником.

Зулейка, жена этого властителя, с каждым днем все более влюблялась в красивого юношу. Она разговаривала с ним, играла, восхищалась им и в ее глазах он возвысился от раба до царя. "Коронованные красотой всегда остаются царями, даже если они носят лохмотья или их продают в рабство. Настоящий царь — всегда царь, неважно, есть ли у него трон или нет."

Друзья и родственники Зулейки начали говорить о том, что она влюбилась в Юсуфа, и так как людям свойственно искать провинностей у других, это в конце концов поставило Зулейку в трудное положение.

Однажды она позвала к себе всех своих друзей и родственников, и вложила в руки каждому лимон и кинжал. Она сказала им разрезать лимон, когда она им прикажет, а затем позвала Юсуфа. Когда он пришел, она повелела им эти лимоны разрезать, однако глаза у каждого настолько были очарованы Юсуфом, что многие, вместо того, чтобы разрезать лимон, порезали себе пальцы и тем самым поставили на них печать любви к Юсуфу. "Красота отбирает у любящего сознание себя".

Зулейка, покоренная Юсуфом окончательно, забыла от любви к нему, что правильно, а что нет. "Разум исчезает, когда появляется любовь". Они с каждым днем становились все ближе и ближе друг к другу до тех пор пока чары страсти не разлучили их. Когда на душу Юсуфа легла тень страсти, Зулейке пришлось на ум прикрыть покрывалом лицо идола, что стоял у ней в комнате. Это Юсуфа удивило и он спросил ее: "Что ты делаешь?" Она ответила: "Я прикрываю лицо моего бога, что смотрит на нас глазами полными гнева". Это испугало Юсуфа. Ему явилось видение, в котором его отец указывал рукой на небо. И тогда он сказал: "О Зулейка, что же ты за мысль подсказала мне! Глаза твоего бога можно прикрыть куском ткани, но глаза моего Бога закрыть нельзя. Он видит меня, где бы я ни был." "Вот человек, который помнит Бога во гневе, и боится Бога в минуты страсти". — так сказал Джафар.

Зулейка, ослепленная крошечной тьмой страсти, не могла оставить своего намерения и пока он все отказывался, ее страсть превратилась в гнев. Она возненавидела его, прокляла его и напомнила ему о его низком положении раба. Услышав это, он попытался выйти из ее комнаты, а она схватила его за шею и таким образом порвала ему одежду. В этот момент властителю города случилось войти в комнату. Он был очень удивлен этим зрелищем, которое ни Юсуф, ни Зулейка скрыть не могли. И до того, как он успел спросить ее о чем-либо, она пожаловалась ему, дабы скрыть свою вину явную, что, мол, Юсуф попытался наложить на нее свои руки, что, естественно, властителя привело в ярость, и он тут же дал приказ, чтобы Юсуфа отправили в тюрьму на всю жизнь. "Праведные переносят больше испытаний в жизни, чем неправедные".

Тюрьма была в радость верному Юсуфу, факел которого ярко горел во тьме страстей, пока он шел по тропе любви.

Вскоре после этого чары с Зулейки спали, и тогда пришла долгая меланхолия. Не было конца ее печали и сожалению. "Любовь умирает в страсти и в страсти снова рождается". Проходили годы, а боль сердца Зулейки пожирала ее плоть и кровь. Она истощала себя. На одной чаше весов была любовь Юсуфа, а на другой — то постоянное беспокойство, которое ее провинившееся сознание ей доставляло; и мысль о том, что его возлюбленного бросили в тюрьму по ее доносу, который чуть ли не стоил ей жизни.

Время, которое меняет все, изменило и условия жизни Юсуфа. Хотя он и был в тюрьме, он никогда не винил Зулейку по причине своей любви, но с каждым днем он погружался все более в мысли о ней, но все-таки оставался твердым в своих принципах, что было знаком набожности. Его любили те, кто сидел с ним в тюрьме, и он толковал их сны, когда они его просили. Присутствие Юсуфа делало из тюрьмы рай для заключенных. Однако Зулейка, после смерти своего мужа, страдала все более.

Прошло много лет и вот случилось так, что Фараон увидел сон, который как никогда его встревожил. Среди всех предсказателей и магов в его стране не нашлось никого, кто бы мог этот сон растолковать. Тогда слуги фараона рассказали ему о Юсуфе и его удивительном даре снотолкования. Он вызвал к себе Юсуфа, который, после того как ему рассказали о сне Фараона, смог растолковать его, и своими мудрыми советами изрядно облегчить его заботы. Фараон сделал его хранителем всех его сокровищ и даровал ему власть и почет, которые возвысили его в глазах всего мира. "Воистину, правда в конце концов существует."

Потом к Юсуфу пришли его братья, а затем и его отец Якуб, избавившийся от долгих лет боли, вызванной его любовью к Юсуфу. "Награда за любовь никогда не предает любящего"

И как-то Юсуфу случилось проезжать со своей свитой через то место, где Зулейка проводила свои дни в бесчисленных страданиях.

Услышав стук лошадиных копыт, многие люди побежали посмотреть на проезжающих, и все закричали: "Это Юсуф! Юсуф!" Услышав это, Зулейка пожелала снова увидеть его. Когда он ее увидел, он не узнал ее, однако остановился, видя что какая-то женщина хочет поговорить с ним. Он был тронут, увидав, что кто-то так страдает, и спросил ее: "Что ты хочешь от меня?" Он ответил: "У Зулейки желание осталось то же самое, о Юсуф, и оно будет таким же и сейчас и потом. Я возжелала тебя, и тебя одного я буду желать". Юсуф убедился в ее постоянстве любви, и очень был взволнован ее страданиями. Он поцеловал ее в лоб, взял ее руки в свои и стал молиться Богу. Молитва пророка и призыв долгой любви, принесли благословение Божье, и Зулейка обрела вновь свою молодость и красоту. И сказал Юсуф Зулейке: "С этого дня будешь ты моей возлюбленной царицей". Тогда они поженились и жили счастливо. "Воистину, Бог внимательно прислушивается к плачу каждого несчастного сердца".

ГЛАВА IV. МОРАЛЬ ЛЮБВИ

Есть одна мораль — любовь, что произрастает из самоотречения и цветет в благих деяниях/

Ортодокс говорит: "Вот это хорошо, это плохо, это правильно, а это неправильно". Но для суфия источником всех добрых дел является любовь. Кто-то, пожалуй, скажет, что она же и является источником и злых дел, но это не так. Их источник — недостаток любви.

Наши добродетели созданы любовью, а наши грехи вызваны ее недостатком. Любовь превращает грех в добродетель, а при ее недостатке добродетели ничего не значат. Христос сказал, когда к нему привели женщину, обвиняемую в грехе: "Ее грехи прощены, ибо она много любила". Небеса становятся такими красивыми благодаря любви, а жизнь становится адом, если ее не хватает. Любовь, по сути дела, создает гармонию в жизни на земле и мир на небесах.

Одна девушка увидела из окна две похоронные процессии и сказала своему возлюбленному: "Душа одного — это душа, что отправилась в рай; а душа другого, я уверена, в

ад пошла". Он спросил: "Как ты можешь говорить, что знаешь то, что может знать только святой?" Она ответила: "Очень просто, я знаю это, потому что все те, кто идет за первым гробом, выглядят печальными, а у многих слезы в глазах. А у всех тех, кто идет во второй процессии, глаза сухи и на лицах у них веселье. По первому видно, что он любил и заслужил любовь многих, и потому он конечно должен попасть в рай. А второй, видно, не любил никого, ибо никто не скорбит о его смерти".

Поэтому, если этот мир является адом для лишенного любви, тот же самый ад обнаружится и в следующем мире. Если душа и сердце неспособны любить, то даже родственники и ближайшие друзья человека остаются ему чужими; он равнодушен к ним и ему не нравится их общество.

Начать любить легко и так поступает более или менее каждый. Но продолжать любить трудно, ибо любовь открывает глаза любящего, чтобы он мог видеть через возлюбленную, хотя и закрывает глаза любящего для всего другого. Сначала, чем более любящий знает о возлюбленной, тем больше он начинает видеть недостатки, равно как и достоинства, которые в начале любви, естественно, сбрасывают возлюбленную с того высокого пьедестала, на который любящий ее поставил.

Другая вещь заключается в том, что кроме тех атрибутов, которые привлекают любящих друг к другу, в каждом есть склонности, которые тянут их врозь. Эго всегда обманывает, сводя два сердца вместе, а потом разделяя их. Поэтому в мире чуть ли не каждый говорит: "Я люблю" или "Я любил", но редко бывает так, чтобы любовь всегда усиливалась с того момента, как она началась. Для того, кто любит по-настоящему, абсурд слышать, как говорят вокруг: "Я любил ее, но теперь больше не люблю".

Любовь должна быть абсолютно лишена эгоизма, иначе она не даст нужного озарения. Если у огня не будет пламени, он не сможет давать света, и лишь дым пойдет из него, а это будет мучительно. Такова эгоистичная любовь. Неважно, есть ли это любовь к людям, к человеку, — она бесплодна, ибо хотя она и выглядит как любовь к человеку или к Богу, по сути дела, это любовь к себе. Приходящие в голову любящему мысли типа: "Если ты будешь любить меня, я буду любить тебя, но если ты любить меня не будешь, то я тебя тоже не буду любить" и все подобные этому заявления — это ложные представления о любви.

Роль любящего в жизни гораздо труднее, чем жизнь возлюбленной. Любящий терпеливо сносит тиранию со стороны возлюбленной, и это совершенно естественно на тропе любви. У Хафиза есть строки о подчинении приказам возлюбленной: "Я разбил свою чашу желания о скалу повеления моей любимой. Что делать, если мое сердце покорено этой упрямницей, которая делает то, что сама хочет, а желания любящего отвергает?" Это описание природы любящего и возлюбленной, то есть возлюбленная будет делать все, что пожелает, тогда как любящий будет жить любовью, и разорвать ее будет означать для него смерть. Тогда единственным выходом остается смирение, равно что в случае с земной возлюбленной или Возлюбленным небесным.

Любящий никогда не будет жаловаться на несправедливость, что причинили ему, и каждую провинность возлюбленной он будет прятать под своим плащом — так же как бедняк бы скрывал заплатки на своей одежде. Любящий, при всем что он делает, заботится о том, как бы не задеть чувства возлюбленной; но деликатность его адекватна его чувству осторожности; и чувства становятся еще тоньше, если человек любил зря.

Хотя любовь и является светом, она становится тьмой, если ее закон не понимают. Также как вода, что очищает все, становится грязью, если смешать ее с землей, так и любовь — если ее не понимают правильно или трактуют неверно, становится проклятием вместо блаженства.

Существует пять основных грехов против любви, превращающих нектар в отраву. Первый, — это когда любящий, из-за своей любви, лишает возлюбленную свободы и счастья, против ее желания. Другой грех — это когда любящий дает волю духу соперничества и ревности или желчности в любви. Третий — это когда любящий сомневается, не доверяет и подозревает ту, кого он любит. Четвертый — это когда он уворачивается от того, чтобы терпеть все беды, всю боль, неприятности, трудности и страдания, что возникают на тропе любви. И наконец, пятый — это когда любящий навязывает свою собственную волю вместо того, чтобы полностью подчиниться желанию возлюбленной. Это вполне естественные ошибки любящего сердца так

же как и болезни вполне естественны для человеческого тела. Как недостаток здоровья делает жизнь жалкой, так и недостаток любви делает сердце несчастным. Только тот любящий, кто избегает этих ошибок, наслаждается любовью и благополучно достигает ее финала.

Любовь заключается в служении. И только лишь то, что сделано не для славы, не для имени, не ради признательности и благодарности тех, для кого это делается, и есть служение любви.

Любящий выказывает доброту и благодеяние по отношению к возлюбленной. Он делает для нее все, что может в плане помощи, служения, доброты. И все это он скрывает от мира, и даже от самой возлюбленной. Если же возлюбленная что-либо для него делает, он преувеличивает это, идеализирует, превращает кротовую ямку в гору. Он принимает яд из рук любимой словно сахар, и боль любви в его сердечной ране становится его единственной радостью. Преувеличивая и идеализируя все, что возлюбленная делает для него, и преуменьшая все то, что он сам сделал для нее, он развивает собственное чувство признательности, которое творит все благое в его жизни.

Терпение, самопожертвование, отказ от себя, сила и стойкость необходимы в любви, но в конечном счете являются ничем, кроме надежды — до тех пор, пока любящий не соединится с возлюбленной. Самопожертвование нужно в любви для того, чтобы отдать все, что есть: богатства, имения, тело, сердце и душу. Там уже не остается "я", — там есть только "ТЫ" и так будет до тех пор, пока "ТЫ" не станет "я". Там, где живет любовь, живет терпение, а там, где терпения нету, нет и любви. Любящий считает надежду частью религии любви, ибо надежда — это единственное, что может поддерживать свет пламени жизни. Надежда для любящего подобна спасательному канату в море. "Брахма собрал мед со всего, что есть в жизни, и стало это надеждой".

Разлука необходима в соответствии с законом природы, хотя она и наиболее болезненна. Если есть два сердца, единые в любви, их ожидает разлука, и ее нужно принять. Один персидский поэт сказал: Если бы я только знал, какую боль причиняет разлука, если любишь, я бы никогда не дал свету любви зажегся в моем сердце". Бог, как говорят японцы, ревнует ко всему, кроме Себя. Кем бы ни была та, кого ты любишь, именно этот дух Божий, существующий в природе, рано или поздно вас разделит.

Эта идея метафорически выражена в одной индийской истории под названием Индра Сабха.

Одной фее, Сабзпари, которая была танцовщицей при дворе Индры, Царя Небесного, понравился князь Гульфам, земной человек — когда она летала вокруг его дворца. Ее слуга, черный Дева, по ее желанию перенес Гульфам с земли на небеса. Гульфам сначала выглядел очень несчастным в этом странном месте, но потом любовь Сабзпари настолько привлекла его, что он стал жить ее любовью. Сабзпари должна была появляться при дворе Индры каждую ночь, чтобы танцевать перед ним и развлекать его, а так как из-за любви Гульфам, она несколько раз отсутствовала, все при дворе начали интересоваться, почему ее не было. Однако то, что она отправлялась каждую ночь ко двору Индры, навело Гульфам на подозрение, что, возможно, Сабзпари своими ласками развлекает кого-то другого. Он спрашивал ее об этом много раз, и каждый раз она отказывалась ему ответить. Так было до тех пор, пока он не разозлился и Сабзпари подумала, что скрывать это больше не может. Слушая ее объяснения Гульфам попросил ее отвести его ко двору Индры. Она ответила: "Ни один человек там никогда не был, и ни один человек не может войти туда; и если Индра увидит тебя там, это сразу положит конец нашим милым дням любви и счастья. Нас сразу разлучат, и я не знаю, что он тебе сделает."

Гульфам сказал: "Нет уж. Это женские сказки. Может, ты влюбилась в какого-нибудь Деву, и желаешь скрыть это, рассказывая мне всякие байки". Она очень огорчилась, оказавшись в такой беспомощной ситуации. И вот повинувшись чарам агонии, что его стрелы-слова привнесли в ее сердце, она не раздумывая согласилась взять Гульфам ко двору Индры, повторяя себе: "Что будет, то будет".

Сабзпари привела его ко двору и спрятала его за складками своего одеяния и крыльями. Красный Дева почувствовал присутствие человека при дворе, и, осмотрев все вокруг, увидел,

что Сабзпари лучше всех танцевала перед Индрой и прятала за собой Гульфаму. Он скромно вытащил его пред очи Индры, Повелителя Небес, а тот сидел на своем троне с бокалом вина, и глаза его были от вина красны, а сам он был полон сияния и величия. Когда Индра увидел, что человека привели на вершину небес, он встал в великом гневе и сказал Сабзпари: "О, бесстыдница, как посмела ты привести человека на средоточие неба, куда ни одному земному созданию нет ходу?" Красный Дева сказал: "Это, господин мой, любовь к этому земному созданию — она заставила ее изменить небесной короне и пренебречь своими обязанностями при верховном дворе вашего Величества".

Сабзпари сказала Гульфаму: "Видишь, дорогой мой возлюбленный, что навлекла на нас твоя настойчивость?" Индра повелел: "Разлучить их немедленно, так, чтобы они не смогли сказать ни слова друг другу. Его — бросить обратно на землю, а ей — оборвать крылья и держать ее в заточении до тех пор, пока любовь Гульфамы не сотрется из ее сердца. А затем очистите эту осквернившуюся от пяти стихий. Только тогда она сможет прийти к нам снова, если будет на то наша милость и прощение".

Символы этой истории говорят нам о ревности Бога. Слово "Индра" происходит от слова "Андар" или "Антар", что означает внутренний, самый сокровенный дух, который человек идеализирует как Бога Всемогущего. Пери — это души, которые Он создал из Своего Собственного Существа, и которые танцуют ему во хвалу, танцуют ради его знаний и танцуют в его присутствии — это единственное, что Он от них хочет. Черный Дева — это символ мрака, что на санскрите называется "Тамас", под покровом которого душа строит себе дом из земных стихий, физическое тело. Из мрака Бог мир создал.

"Сабз" означает "зеленый", что является символом воды — первой стихии, которая сформировала вещество; материи, другими словами. "Сабзпари" означает душу, притягиваемую к материальному телу. Когда душа занята земным телом, которое символизирует Гульфаму, тогда эта душа поглощает земные переживания, то есть, любовь тела к земле, его радость на земле, и его комфорт на земле. Так как об обязанностях души при этом забывают, погнавшись за земным, то красный Дева, сила разрушения, которая всегда занята изменениями в природе, вызываемыми ей самой, разлучает их и смерть становится расставанием души с телом. И душа при этом, будучи обитателем небес, лишается крыльев, в силу проклятия Верховного Духа, и будет склоняться к земле — до тех пор, пока не очистится от пяти стихий, что составляют низший мир. "Если человек не будет рожден от воды и духа, он никогда не войдет в царство Божие", — читаем мы в Библии. Только тогда душа поднимается над влиянием земли и будет танцевать вечно перед всевышним Индрой, Царем царей.

Результат любви — это боль; если в любви нет боли, это не любовь. Любящий, который не прошел через всю агонию любви — это не любящий, он ложно утверждает что любит. "Что же это за любовь, от которой боли нет? Даже если бы кто-то сошел с ума от любви, это ничего не значило бы". Боль любви — это удовольствие любящего, это сама его жизнь, а недостаток боли — его смерть. Амир, индийский поэт, говорил: "Ты будешь помнить обо мне, после того как я умру, о, моя боль любви. Ибо я всю жизнь отдавал тебе место в моем нежном сердце, и питал тебя своей плотью и кровью". Каждый может говорить о любви, и заявлять, что любит; но вынести ее испытания и стерпеть боль любви — это достойно редкого героя. Уже то, как боль любви выглядит, заставляет труса убежать прочь. Ни одна душа не могла бы принять этот яд, если бы у него не было вкуса нектара.

Тот, кто любит, потому что не может не любить, становится рабом любви; но тот, кто любит, потому что это — его единственная радость, становится царем любви. Тот, кто ради любви любит кого-то, кто близок его идеалу, становится управителем любви; а тот, кто может запечатать свое полное любви сердце, невзирая на всю привлекательность возлюбленной — это завоеватель любви.

Те же, кто избегают любви в жизни из-за страха перед ее болью, теряют больше, чем любящий, который потеряв самого себя, получает все.

Лишенные любви сначала теряют все, до тех пор пока их "я" не ускользнет из их рук. Теплота атмосферы любящего, проникающий эффект его голоса, привлекательность его слов — все это приходит из боли его сердца. Сердце не живет до тех пор, пока не испытает боль.

Человек не жил, если он все время жил и работал со своим телом и умом, не привлекая сердце. Душа — это весь свет, но вся тьма происходит от смерти сердца. Боль оживляет его. То же самое сердце, которое когда-то было полно горечи, после очищения любовью становится источником всего благого; все добрые дела происходят от этого.

Руми описывает шесть признаков любви: глубокий вздох, мягкое выражение лица, влажные глаза, отсутствие аппетита, немногословность, бессонница, и все это является знаком боли от любви. Хафиз говорил: "Все блаженство в моей жизни было результатом непрекращающихся слез и беспрестанных вздохов, прошедших сквозь сердце ночью".

Печаль любящего постоянна в присутствии и в отсутствии возлюбленной: в присутствии, это страх, что она сейчас уйдет; а в отсутствии — это страстное желание, чтобы она была рядом. С мистической точки зрения, боль любви — это динамит, что разрывает сердце, даже если оно твердо словно скала. Когда пробита эта твердь, что скрывала свет, потоки счастья вырываются наружу словно горные родники.

Боль любви становится со временем жизнью любящего. Болезненность сердечной раны дает ему такую радость, которую не может дать ничто иное. Зажженное сердце становится факелом на пути любящего, который освещает ему путь и ведет к конечной цели. Удовольствия жизни ослепляют, только любовь счищает ржавчину с сердца, зеркала души.

Однажды некая молодая рабыня, застывая постель падишаха, захотела узнать, каково это отдыхать на монаршем ложе. Жаркое солнце, бриз, влетевший в спальню через окно, цветы и благовония, разбросанные внизу, приятный запах горящего ладана, все это так ее разморило, что она сразу же заснула как только легла на подушку этой кровати. Она заснула так крепко, как если бы оказалась в объятиях смерти. Но тут вошли царь с царицей, и их очень удивила дерзость и бесстыдство этой рабыни. Падишах разбудил ее ударом кнута, а затем ударил еще раз или два, чтобы у царицы не появлялось подозрений. Рабыня проснулась в ужасе и громко закричала, но под конец улыбнулась. Они спросили, что вызвало ее улыбку. Она ответила: "Я улыбнулась при мысли, что нега и радость пребывания на этой кровати дало мне лишь миг удовольствия, и в наказание за то мне последовали эти удары; но интересно, — вы, которые вкушали удовольствие от этой удобной кровати всю жизнь, — какое наказание за это наложит на вас Бог, Царь царей?"

Природа жизни такова, что каждое небольшое удовольствие стоит несравнимо больших страданий. Поэтому любящий собирает всю боль (а это и есть современная монета), и путь его жизни — от земли к небу становится легче. Там он станет богатым, тогда как все другие окажутся бедняками.

Система образов суфийских поэтов описывает природу любви, любящего и возлюбленную такими изысканными метафорами, с такой сложностью и условностью выражений, что их поэзия рисует истинную картину человеческой природы.

Любящего всегда представляют как жертву тирании жестокосердной и недостижимой возлюбленной, которая не обращает на него никакого внимания, гуляет с его соперниками, слепа к его страданиям, не слышит его призывов, а если и отвечает, то так незначительно, что вместо того чтобы излечиться, болезнь лишь усиливается. Любящий протягивает свое буйное сердце возлюбленной, держа его на ладонях. Он кладет свое сердце у ног ее, а она хладнокровно ступает по нему, в то время как сам он кричит: "Осторожнее, милая, осторожнее. Это же мое сердце! Это сердце мое!" Сердце любящего обливается кровавыми слезами. Любящий давит свое сердце, удерживая его от того, чтобы убежать туда, где сейчас любимая. Любящий жалуется на свое сердце за то, что оно было таким безрассудным и оставило его, убежав к любимой. Любящий просит возлюбленную вернуть ему его сердце, если оно ей не нужно. Но жилище сердца теперь — в кудрях любимой.

Любящий беспокоен и несчастен в агонии разлуки. Боль любви — его единственная подруга в ночи одиночества. Любящий спрашивает ночь разлуки: "Где будешь ты, когда я умру?" Любящий думает, что смерть придет раньше, чем явится возлюбленная. И он молит любимую прийти к нему до того, как он умрет. Он просит любимую навещать его могилу, если не из любви, так хотя бы для вида.

Любящий желает только того, чтобы любимая понимала его; знала, как он ее любит и какие

страдания претерпевает. Он все время желает, чтобы либо возлюбленная пришла к нему, либо чтоб его к ней позвали; даже сам вид посланника любви причиняет возлюбленной страдания. Все плохое и дурное в мире — ничто для любящего. Он жалуется, что у него украли свободу, терпение и покой; что он потерял свою религию, мораль и Бога. Любящий не носит ни шляпы ни ботинок, а друзья его считают сумасшедшим. В приступе острой боли он рвет на себе одежду. Его заковывают в цепи из-за его безумия. Он потерял уважение в глазах всех.

Сердечная рана для любящего словно роза, а боль ее — цветение розы. Он плачет, чтобы опрыскать ее соленой водой, чтобы она росла лучше и он смог бы в полной мере насладиться той сладкой агонией. Любящий ревнует к знакам внимания, что его соперники оказывают его любимой. Когда любящий рассказывает своим друзьям историю своей любви, они начинают плакать вместе с ним. Любящий целует землю, по которой ходит его любимая. Он завидует привилегии, что дарована ее обуви. Любящий расстилает свой ковер перед воротами любимой. Брови любимой подобны Мехрабу, аркам мечети. Родинки на ее щеках — это волшебные точки, которые открывают ему тайны неба и земли. Пыль из-под ее ног подобна священной земле Каабы. Лицо любимой — это открытая книга Корана, и в чертах любимой он читает букву Алиф, первую букву и символ имени Аллаха. Из глаз любимой любящий пьет Кутхар, вино; ее обволакивающий взгляд опьяняет его. Звон ее ножных браслетов оживляет его. Любящему достаточно увидеть возлюбленную даже во сне, если не в состоянии бодрствования.

Когда любящий говорит, что умрет, возлюбленная не верит ему. Любящий становится настолько истощенным, что даже Мункир и Накир, ангелы-хронисты, не могут найти его в могиле. Страх перед любящим заставляет возлюбленную собирать шлейф своего платья и приподнимать его, проходя мимо его могилы — а вдруг рука любящего за него ухватится?

Небо и земля сотрясаются от глубокого вздоха любящего. Его слезы при мысли о той прекрасной превращаются в цветы, как только они упадут на землю. Боль — это подруга его сердца ночью, а смерть — его спутница на дороге жизни. Он планирует, он представляет себе тысячи способов, как рассказать любимой о своем желании, боли, восхищении и любви; но когда он видит ее, он словно околдован стоит, его язык не может двигаться, губы крепко закрыты, а глаза поглощены видением желанной.

Радость, в самом истинном смысле этого слова, известна только любящему. Те, кто лишен любви, знают ее лишь по имени, не по сути. Это как если бы сравнить каменный утес и человека. Человек, при всех жизненных невзгодах и трудностях скорее захочет жить как человек, чем нежели станет каменным утесом, к которому эти невзгоды и трудности даже прикоснуться не могут; ибо даже при невзгодах и трудностях радость жизни безгранична. При всей боли и при всем горе, с которым любящему приходится соприкоснуться в жизни, его радость в любви невообразима, ибо жизнь — это любовь, а недостаток любви — смерть. "Ангелы оставили бы свое вольное жилище на небесах, если бы им была ведома та радость, когда любовь зарождается в молодом сердце".

Существует два достойных объекта любви: человек, на низшем плане, и Бог — на высшем. Каждый человек на свете, сначала учится любить на плане низшем. Младенец, как только он открывает глаза, он любит все, что они видят, все, что кажется ему красивым. Позже приходит любовь к тому, что постоянно, к тому, что не изменяется, и это ведет к идеалу Бога. Но тогда человек попадает в такое трудное положение в жизни, что происходит борьба между одним и другим. Идол тянет на одну сторону, а идеал — на другую, и редко кому удастся возвыситься над этой трудностью.

Это же объясняется жизнью Сурдаса, великого музыканта и поэта Индии. Он очень страстно влюбился в одну певицу и очень радовался, когда видел ее. Его любовь к ней усиливалась настолько, что он не мог без нее и дня прожить. Однажды начался сильный ливень, который продолжался неделями, так что города той страны затопило. Не было никаких средств сообщения, дороги были непроходимы, но ничто не могло помешать Сурдасу увидеть свою возлюбленную в обещанное время. Он отправился в путь под страшным ливнем, но по дороге ему встретилась река. Она вышла из берегов и перейти ее вброд нельзя было. Лодки поблизости видно не было. Тогда Сурдас прыгнул в воду и попытался плыть. Тяжелые волны реки болтали его, поднимали его вверх и бросали вниз словно с вершины гор в бездну. К счастью, ему

подвернулся труп, за который (приняв его за деревянную колоду) он и ухватился и так добрался, наконец, после тяжелой борьбы до дома своей возлюбленной. Он увидел, что двери были заперты. Уже была поздняя ночь, и любой шум поднял бы на ноги всю округу. Поэтому он постарался забраться на стену дома и проникнуть сквозь слуховое окно. Он ухватился за кобру, которая показалась ему свисающей веревкой — он подумал, что, возможно, любимая оставила ее здесь специально для него.

Когда она увидела его, она очень удивилась. Она не могла понять, как ему удалось к ней прийти, и впечатление, которое произвела на нее его любовь, стало еще сильнее. Она словно вдохновилась его любовью. Он в ее идеалах поднялся от человека до ангела, особенно когда она узнала, что он принял труп за деревянную колоду, а кобру, врага человека, — за спасительную веревку. Она увидела, как смерть была убита любящим. Она сказала ему: "О, человек, твоя любовь выше, чем любовь обычного человека, а если бы она была любовью к Богу, верховному Божеству, какое бы это было счастье! Поднимись же над любовью формы и материи и обрати свою любовь к духу Божьему". Он принял ее совет словно простое дитя. Он покинул ее с тяжелым сердцем и пошел с того времени странствовать по лесам Индии.

Много лет он блуждал в лесах, повторяя имя божественного Возлюбленного и ища прибежища в Его руках. Он ходил по святым местам, местам паломничества и случайно вышел на берег священной реки, куда каждое утро приходили женщины из города, чтобы наполнить кувшины священной водой. Сурдас, что сидел там и размышлял о Боге, был поражен красотой и обаянием одной из них. И его сердцу, а оно было подобно факелу, не потребовалось много времени, чтобы загореться. Он пошел за нею. Когда же она пришла домой, она сказала своему мужу: "Какой-то мудрец увидел меня у реки и шел за мной до моего дома. А сейчас он стоит на улице". Муж, а он был человеком рассудительным, тут же вышел из дома и увидел того человека с лицом мудреца, и вокруг него сияло духовное достоинство. Он спросил: "О, махараджа, что заставило тебя стоять и ждать здесь? Могу ли я что-нибудь сделать?" Сурдас ответил: "Кто эта женщина, что вошла в этот дом?" Он ответил: "Это моя жена, и мы и я всегда готовы оказать мудрецу услугу". Сурдас тогда сказал: "Прошу тебя, о благословенный, пусть она выйдет, чтобы я мог ее еще раз увидеть". А когда она вышла, он снова посмотрел на нее и сказал: "О мать, прошу тебя, принеси мне две булавки". А когда она принесла их, он еще раз поклонился ее красоте и обаянию, а затем воткнул эти булавки себе в глаза, говоря при этом: "О глаза мои, теперь вы не будете видеть, и вас не будет соблазнять земная красота, не будет сбрасывать меня с небес на землю".

Так он остался слепым до конца своих дней, а песни его о божественном идеале живы и поныне, и их поют в Индии люди, которые любят Бога. А если кому-нибудь из индусов случится ослепнуть, то люди зовут его Сурдасом, а он принимает это как знак почета и уважения.

"Хотя я любил только одно, все-таки оно вечно," — говорил Мохи. Любовь может быть только там, где перед нами находится только один ее объект, а не много. Если их много, искренней привязанности быть не может. "Когда в месте для одного находятся двое, неповторимость одного теряется. Именно по этой причине, я не позволял рисовать портрет моей любви". Этот самый "один" и есть Бог; у него нет формы, у него нет имени; он вечен, он с нами и он будет всегда.

Любовь к одному человеку, неважно, как бы глубоко она не проникла, она ограничена. Совершенство любви лежит в ее широте. "Любови свойственно расширяться — от одного атома до всей вселенной, от одной земной возлюбленной до самого Бога".

Если любовь направлена на человека, она примитивна и несовершенна, и все-таки начинать нужно с нее. Никто не может сказать: "Я люблю Бога", если он не любил ближнего своего. Но когда любовь достигает своей кульминации в Боге, она достигает совершенства.

Любовь порождает любовь в человеке, и если там присутствует Бог, то любви становится еще больше. Такова ее природа. Если ты любишь Бога, Бог всегда будет посылать свою любовь тебе. Если ты ищешь его ночью, он последует за тобой днем. Где бы ты ни был, во всех своих делах, в коммерческих операциях помощь, защита и присутствие Божества последуют за тобой.

Любовь выражается в немом восхищении, размышлениях, служении, внимании, как сделать

приятное возлюбленной, а также в осторожности, как бы не вызвать ее недовольство. Такие знаки любви со стороны любящего вознаграждаются любезностью возлюбленной, тщеславие которой по-другому удовлетворить трудно, и никакая цена за это не является слишком высокой.

Природа красоты заключается в том, что она не сознает ценности своего бытия. Именно идеализация любящим делает красоту драгоценной, и именно внимание любящего производит равнодушие в красивом, осознание того, что ты выше и саму идею: "Я даже еще более красива, чем я думала". Если тщеславие земной красоты удовлетворяется восхищением, то насколько же более тщеславие красоты небесной можно удовлетворить, прославляя Того, кто является настоящей красотой и кто единственно заслуживает всех похвал. Если человек не осознает своей роли, он забывает о Его красоте, и воспринимает красоту как нечто отдельное, предпочитая одно и отвергая другое. Для взгляда видящего все, от самой маленькой доли красоты до абсолютной красоты природы, становится единым неотъемлемым качеством божественного Возлюбленного.

Говорят, что Бог сказал Мухаммаду: "О, Мухаммад! Если бы мы не создали тебя, мы бы не создали всю вселенную!" Что же на самом деле это значит? Это означает, что небесная красота, красота целого Бытия, любимого, признаваемого и прославляемого любящим, движимого к совершенному удовлетворению происходит изнутри. "Возрадуйся, ты возлюбил Меня всем сердцем. Если бы не ты, о восхитившийся Мной, я бы не создал эту вселенную, в которой мои создания любят и восхищаются только одной частью Меня, что на поверхности, а вся Моя красота сокрыта от них." Другими словами, божественный Возлюбленный говорит: "Мной никто не восхищается, хотя я и стою весь в золоте. Кто-то восхищается моими браслетами, кто-то серьгами, кто-то — ожерельем, но я протяну руку тому и скажу, что я украсил себя для того человека, который бы понял и прославил Меня в максимально большей степени, и в этом есть мое удовлетворение".

ГЛАВА V. ЛЕЙЛА И МЕДЖНУН

Историю о Лейле и Меджнуне рассказывают на Востоке уже тысячи лет, и она всегда вызывала великое очарование, ибо это не только история любви, но и урок любви; любви не той, как ее понимает обычный человек, но любви, что возвышается над землей и небом.

Юноша по имени Меджнун с самого детства показывал любовь в своем характере, тем самым открывая глазу видящего трагедию его жизни. Когда Меджнун был в школе, он влюбился в Лейлу. Со временем эта искра превратилась в пламя и Меджнун не находил себе покоя, если Лейла хотя бы даже немного опаздывала в школу. Зажав книгу в руке, он впивался глазами во входную дверь, что забавляло местных насмешников, а всякому доставляло неудобства. Со временем это пламя превратилось в пожар, и тогда сердце Лейлы само зажглось от любви Меджнуна. Они смотрели друг на друга, — она не видела в классе никого, кроме Меджнуна, а тот не видел никого, кроме Лейлы. В книгах Меджнун читал имя Лейлы, а в письме под диктовку Лейла покрывала свою грифельную доску именем "Меджнун". "Когда мысль о возлюбленной захватывает ум любящего, оттуда исчезает все прочее".

Все в школе стали перешептываться друг с другом, указывая на них пальцами. Это обеспокоило учителей и они написали родителям обоих, что их дети сошли с ума и безудержно влюбились друг в друга, и что у них, вероятно, никак не смогут отвлечь их внимание от любовных дел, которые уничтожили всякую возможность учить их дальше.

Родители Лейлы забрали ее сразу же и стали внимательно следить за ней. Таким образом они увезли ее от Меджнуна, но кто мог увести Меджнуна из ее сердца. Она не думала ни о ком, кроме него. А Меджнун без нее, с беспокойством и печалью в сердце, устраивал беспорядки на всю школу, до тех пор пока родителям не пришлось увести его домой, так как казалось, что в школе делать ему было больше нечего. Родители Меджнуна приглашали к нему врачей,

предсказателей, целителей, магов; они рассыпали деньги у их ног прося их дать лекарство, чтобы выгнать из сердца Меджнуна мысль о Лейле. Но как это было сделать? "Даже у Лукмана, великого врача древности не было средства от любовной тоски".

Никому не удавалось вылечить больного любви. Приходили друзья, родственники, доброжелатели, мудрые советники и они прилагали все свои силы к тому, чтобы стереть из его ума мысль о Лейле, но все было тщетно. Кто-то сказал ему: "О, Меджнун, что же ты так грустишь от разлуки с ней? Она ведь некрасива. Я могу показать тебе тысячу девушек, которые будут красивее и привлекательнее ее, и ты сможешь выбрать из них себе подругу". Меджнун ответил: "О, чтобы видеть красоту Лейлы, нужны глаза Меджнуна".

Когда были перепробованы все средства, родители Меджнуна решили искать спасения у Каабы, как своего последнего прибежища. Они взяли Меджнуна в паломничество к Каабат-Уллах. Когда они подъехали к Каабе, огромная толпа собралась поглядеть на них. Родители, каждый по очереди, уходили молиться Богу, говоря: "О, Господь мой, Ты, самый милостивый и милосердный, даруй Свою милость нашему единственному сыну, чтобы сердце Меджнуна освободилось от боли любви к Лейле". И все слушали это внимательно, с интересом ожидая, что же скажет Меджнун. Затем родители попросили Меджнуна: "Дитя, пойди и помолись, чтобы любовь к Лейле покинула твое сердце". Меджнун ответил: "А я увижу Лейлу, если помолюсь?" Тогда они с великим разочарованием ответили: "Молись, дитя, о чем хочешь молиться..." Он пошел и сказал: "Я хочу мою Лейлу, а все, что были рядом добавили: "Аминь". "Мир отзывается эхом на зов любящего".

Когда родители испробовали все средства, чтобы излечить Меджнуна от его безумной страсти к Лейле, под конец они подумали, что наилучшим способом будет обратиться к родителям Лейлы, и это было последней надеждой спасти жизнь Меджнуна. Они отправили письмо ее родителям (а они принадлежали к другой вере), в котором говорилось: "Мы сделали все, чтобы отвести от Меджнуна мысли о Лейле, но пока что успеха не добились. И у нас не осталось ни одной надежды на успех, за исключением одной — если вы согласитесь на их брак." Те ответили им: "Хотя это выставит нас на посмешище перед нашими людьми, все-таки Лейла, вероятно, не прекратит думать о Меджнуне ни на миг. С тех пор, как мы забрали ее из школы, она чахнет день ото дня. Поэтому мы не против отдать Лейлу за Меджнуна, но только в том случае, если мы убедимся в его здравом уме".

Услышав это, родители Меджнуна очень обрадовались и посоветовали Меджнуну вести себя здраво, чтобы у родителей Лейлы не было причин подозревать, что он сошел с ума. Меджнун согласился делать все, что желали его родители, ради того чтобы только встретиться с Лейлой. Они отправились с процессией (таков обычай на Востоке) к дому невесты, где для жениха был подготовлен специальный стул, покрытый гирляндами цветов. Но, как говорят на Востоке, боги не благоволят любящим, и потому судьба не даровала этим идеальным влюбленным счастья быть вместе. В комнату, где они сидели, случайно забежала собачка, что сопровождала Лейлу в школу. Как только взгляд Меджнуна упал на нее, его эмоции вырвались наружу. Он не смог усидеть на своем высоком сиденье и смотреть на эту собачку. Он побежал к ней и стал целовать ей лапы, и положил ей на шею все гирлянды. Не было такого знака поклонения или почитания, которого бы Меджнун не выказал ее собачке. "Для любящего пыль из дома любимой все равно что земля Каабы". Такое поведение явно выставило его сумасшедшим. Так же как язык любви невразумителен для ее лишенных, так и действия Меджнуна показались присутствующим обычной глупостью. Они все очень разочаровались, Меджнуна увезли домой, а родители Лейлы отказались дать согласие на их брак.

Это полное разочарование убило надежду родителей Меджнуна, и они с того времени перестали следить за ним, видя, что и жизнь и смерть для него были одним и тем же. Это дало Меджнуну свободу бродить по городу в поисках Лейлы. Он спрашивал о ней каждого, кто встречался ему на пути. Случайно он встретил письмоносца, что перевозил почту на верблюде, и когда Меджнун спросил его о Лейле, он ответил: "Его родители покинули эту страну и уехали за сотни миль отсюда". Меджнун попросил его доставить Лейле его послание. Тот ответил: "С удовольствием". Но когда Меджнун стал рассказывать его, то рассказ его продолжался долгое, очень долгое время. "Посланник любви закончить нельзя".

Письмоносца частично позабавило, а частично растрогала его искренность. Хотя Меджнун, который шел рядом с его верблюдом, составлял ему компанию в его долгом пути, все-таки из жалости он сказал: "Ты уже прошел десять миль, рассказывая мне свое послание. Сколько же мне потребуется, чтобы доставить его Лейле? Иди своей дорогой, я все сделаю, что нужно". Тогда Меджнун повернул обратно, но не прошел он и сотни ярдов, как снова вернулся к нему чтобы сказать: "О добрый друг, я забыл тебе добавить еще несколько слов, чтобы ты передал их Лейле". Пока он продолжал свое послание, он прошел еще десять миль. Почтальон сказал: "Помилосердствуй, иди же обратно. Ты уже прошел долгий путь. Как я смогу запомнить все то, что ты мне сейчас сказал? Но все-таки я попытаюсь, а ты сейчас иди обратно. Ты уже и так далеко от дома". Меджнун снова повернул к дому, прошел несколько ярдов, но опять вспомнил нечто, что нужно было сказать почтальону и пошел за ним. Так и прошло все путешествие, а он сам прибыл к тому месту, куда он отправлял свое послание.

Письмоносца изрядно удивила такая искренняя любовь, и он сказал ему: "Ты уже прибыл в страну, где живет твоя Лейла. Теперь посиди пока в этой разрушенной мечети. Мы сейчас за городом. Если ты пойдешь в город со мной, они замучают тебя до того, как ты доберешься до Лейлы. Для тебя лучше всего будет отдохнуть здесь, так как ты прошел очень много. А я передам твое послание Лейле, как только я смогу добраться до нее". "Любовный хмель не видит ни времени ни пространства".

Меджнун послушался его совета и остался там. Он захотел отдохнуть, но сама мысль о том, что он находился в городе, где живет Лейла, побудила его поинтересоваться, в каком направлении ему следует вытянуть ноги. Он думал, что, может быть, на север, на юг, на восток, на запад, а потом сказал себе: "Если бы в этой стороне была Лейла, с моей стороны было бы наглостью вытянуть ноги к ней". Тогда лучше всего было бы подвесить мои ноги на канате сверху, ибо уж точно там ее не будет." "Дом возлюбленной для любящего все равно, что Кааба". Ему хотелось пить, но он нигде не мог найти воды, за исключением небольшого количества дождевой, что скопилась в выброшенном сосуде.

Когда письмоносец вошел в дом родителей Лейлы, он увидел ее и сказал ей: "Я пришлось затратить массу усилий, чтобы поговорить с тобой. Твой любимый Меджнун, а он любит так как никто в мире, передал мне для тебя послание, и он рассказывал его мне всю дорогу так долго, что дошел до твоего города вместе с моим верблюдом. Она сказала: "О небо! Бедный Меджнун! Что же с ним стало?!" Она спросила свою старую няньку: "Что будет с человеком, который прошагал без передышки сотню миль?" Та тут же ответила: "Такой человек умрет." Тогда Лейла спросила: "А есть ли от этого какое-либо средство?" Она сказала: "Он должен испить дождевой воды, что скопилась еще с прошлого года, и той воды должна также змея испить. А затем ему должны связать ноги и повесить его вниз головой, и так он должен провисеть долгое время. Это может спасти его жизнь". Лейла воскликнула: "Но как же трудно все это достать!" Но Бог, который сам по себе есть любовь, руководил Меджнуном, и поэтому все случилось для него наилучшим образом. "Воистину, любовь — врачеватель своих собственных ран."

На следующий день Лейла отложила свою еду в сторону и со служанкой, которую сделала своим доверенным лицом, отправила ее к Меджнуну. Она также передала ей послание для него, что она хочет его видеть так же сильно, как и он ее; разница была только в том, что Лейла была заперта. Но как только у нее появится возможность, она сразу к нему придет.

Служанка пришла к разрушенной мечети и увидела, что там сидит два человека. Один казался погруженным в себя и не обращал внимания на то, что было вокруг, а второй был толстым, крепким человеком. Она подумала, что Лейла не могла влюбиться в такого мечтателя, какого она бы и сама любить не стала. Однако, чтобы убедиться в этом, она спросила, кого из них зовут Меджнуном. Меджнун был глубоко погружен в свои мысли, и он был далек от ее слов. Но тот человек, который ничем не был занят, был, пожалуй, рад видеть ее с корзинкой еды в руке и спросил: "А кого ты ищешь?" Она ответила: "Меня просили отдать это Меджнуну. Это ты?" Он охотно протянул руки за корзинкой и сказал: "Я тот, для кого ты принесла ее". А еще он перебрался с ней парой шуточных слов, и она была в восторге.

Когда девушка вернулась, Лейла спросила: "Ты отдала корзинку ему?" "Да", — она

ответила. Лейла посылала Меджнуну каждый день большую часть своей еды, которую получал как раз тот другой человек, а он был очень рад получать ее, когда не был ничем занят. Лейла однажды спросила свою служанку: "Ты никогда не рассказываешь мне, что он говорит и как он ест." Та ответила: "Он говорит, что шлет тебе тысячу благодарностей, и еда ему очень нравится. И сам он человек, с которым приятно поговорить. Ты не должна ни на миг беспокоиться. Он толстеет с каждым днем." Лейла сказала: "Но мой Меджнун никогда не был толстым, и у него никогда не было склонности к полноте. И он слишком погружен в свои мысли, чтобы говорить любезности кому-либо. Он слишком печален, чтобы говорить". Лейла сразу заподозрила, что обед могли передать не тому человеку. Тогда она спросила: "А еще есть ли там кто-нибудь?" Служанка ответила: "Да. Там есть еще один человек, но он кажется не в себе. Он не замечает ни тех, кто приходит, ни тех, кто уходит. Он не слышит ни слова и никому ни слова не говорит. Быть такого не может, что это тот человек, которого ты любишь". Лейла сказала: "Я думаю, что он, скорее всего, и есть тот человек. Как жаль, если ты все это время передавала еду не тому. Но, чтобы убедиться наверняка, положи-ка сегодня на тарелку вместо еды кинжал и скажи тому человеку, которому ты отдавала еду: "Лейле нужно несколько капель твоей крови, чтобы излечиться от болезни".

Когда девушка в следующий раз подошла к мечети, тот человек, как обычно, с великой охотой пришел забрать еду, но, увидав кинжал, удивился. Служанка рассказала ему, что Лейле для лечения необходимо несколько капель его крови. Он сказал: "Нет. Я точно не Меджнун. Вот он, Меджнун. Его попроси". Глупо выглядевшая служанка подошла к Меджнуну и громко ему сказала: "Лейле нужно несколько капель твоей крови, чтобы вылечиться". Меджнун с великой охотой взял кинжал в руку и сказал: "Как счастлив я, что моя кровь может сколько-нибудь сгодиться моей Лейле. Даже если бы мне пришлось пожертвовать своей жизнью, чтобы вылечить ее, это было бы такой малостью. Я был бы счастливее всех, если бы отдал ее ей". "Что бы любящий не делал для своей возлюбленной, этого никогда не бывает много". Он полоснул кинжалом по руке в нескольких местах, но месячное голодание не оставило в нем крови, — только кожу да кости. А когда он порезал себя во многих местах, из него вышла едва лишь капля крови. Он сказал: "Вот все, что осталось. Можешь взять ее". "Любовь означает боль, но сам любящий выше всех болей".

О приезде Меджнуна в город скоро узнали, и когда родители Лейлы слышали о том, они подумали: "Лейла точно сойдет с ума, если когда-нибудь увидит Меджнуна". Поэтому они решили покинуть город на какое-то время, думая, что Меджнун отправится домой, когда узнает, что Лейлы в городе нет. Но перед тем, как покинуть дом Лейла отправила послание Меджнуну, в котором говорилось: "Мы на какое-то время уезжаем из города, и я несчастнее всех несчастных, что не смогла встретиться с тобой. Единственная возможность для нас встретиться — это если мы встретимся по дороге, если ты выйдешь вперед раньше и будешь ждать меня в Сахаре".

Меджнун с огромным счастьем отправился в Сахару, с огромной надеждой еще раз увидеть свою Лейлу. Когда караван прибыл в пустыню и остановился там, мысли у родителей стали немного легче, и они увидели, что Лейла повеселела от перемены места — так они думали, не зная истинной причины.

Лейла пошла со служанкой прогуляться по Сахаре и неожиданно наткнулась на Меджнуна, который внимательно следил за дорогой, по которой она должна была проезжать. Она подошла и сказала ему: "Меджнун, я здесь". На языке Меджнуна не было таких слов, которые могли бы выразить его радость. Он взял ее за руки, прижал их к своей груди и сказал: "Лейла, ты ведь не покинешь меня больше?" Она ответила: "Меджнун, я смогла прийти сюда лишь на мгновение. Если я останусь здесь дольше, мои люди станут искать меня, и тогда твоя жизнь окажется в опасности". А Меджнун сказал: "Я не боюсь за свою жизнь. Моя жизнь — это ты. Останься здесь, не покидай меня". Она ответила: "Меджнун, будь благоразумен и верь мне. Я вернусь, обещаю". Меджнун отпустил ее руки и сказал: "Да. Я верю тебе". И вот Лейла ушла от Меджнуна с тяжелым сердцем, а он, так долго протянувший на своей плоти и крове, уже не мог стоять прямо, а упал и прислонился спиной к стволу дерева, который поддерживал его. И там он и остался, живущий одной лишь надеждой.

Проходили годы и полумертвое тело Меджнуна испытало все — и холод, и жару, и дождь, и мороз, и ураганы. Руки его, что держались за ветки, стали сами ветвями, а тело его стало частью того дерева. Лейла за время путешествия стала такой же несчастной, какой и была раньше, и ее родители потеряли надежду, что она выживет. А она жила только надеждой, что выполнит свое обещание, данное Меджнуну в момент их расставания, повторяя при том: "Я вернусь". Она терзалась мыслью, жив он или умер, или ушел, или звери в Сахаре растащили его на куски.

Когда они возвращались, их караван остановился на том же самом месте, и сердце Лейлы исполнилось и радостью и печалью, и весельем и унынием, и надеждой и страхом. Когда она искала то место, где оставила Меджнуна, ей встретился дровосек, который сказал ей: "Эй, ты туда не ходи. Там привидение живет." Лейла спросила: "А как оно выглядит?" Он ответил: "Это дерево, но в то же время это и человек. Когда я срубил своим топором ветку с него, я услышал как оно издало глубокий вздох: "О, Лейла".

Невозможно описать, как услышанное заставило Лейлу двигаться. Она сказала, что все-таки пойдет, и, приблизившись к дереву, она увидела, что Меджнун почти превратился в него. Плоть и кровь его были уже истощены, а кожа и кости, что сохранились из-за контакта с деревом, стали его ветвями. Лейла громко позвала его: "Меджнун!" И он ответил: "Лейла!" "Я здесь, как я и обещала, о, Меджнун!" Тогда он сказал: "Я — Лейла". А она ответила: "Приди в чувство, Меджнун. Лейла — это я. Посмотри на меня". Меджнун спросил: "Ты Лейла? Тогда я нет," — и умер. Лейла, увидев это совершенство любви, не могла прожить более ни минуты. В тот же самый момент она прокричала его имя, упала на землю и умерла.

"Любовь — это все и во всем, а любящий только накрывает ее покрывалом. Любовь — это все, что живет, а любящий — это мертвое тело".

ГЛАВА VI. БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Любовь управляется разумом, поэтому каждый человек выбирает объект своей любви, сообразуясь со своей эволюцией. Ему представляется наиболее заслуживающим любви то, что соответствует его уровню развития. На Востоке есть поговорка: "Какова душа, таковы ее и ангелы". Осел скорее предпочтет розам чертополох.

У сознания, которое пробудилось для материального мира, объект любви заключается только в земных красотах. Сознание, активное благодаря уму, находит себе объект в мыслях и среди мыслящих. Сознание же, которое пробудилось в душе, любит дух и духовное.

Немая любовь, которая является божественной сущностью в человеке, становится активной, живой, когда увидит красоту. Красоту можно объяснить как совершенство, совершенство в каждом аспекте красоты. Бог или Сущность Бога — это не только любовь, но также и красота. Она, даже в своих ограниченных аспектах, показывает себя в виде отблесков совершенного Бытия. Царство минералов вырабатывает в себе золото, серебро, алмазы, рубины и изумруды, показывая в них совершенство. Плоды и цветы, их сладость и аромат показывают совершенство в царстве растений; форма, фигура и молодость показывают совершенство в царстве животных, а красота личности является значимой для совершенства в человеке. В этом мире есть такие люди, чья жизнь заключена в погоне за золотом и серебром, драгоценными камнями и бриллиантами; и они, пожалуй, принесут в жертву что-нибудь или кого-нибудь, чтобы приобрести объект своей любви. Есть и те, жизнь которых занята прекрасным видом фруктов, цветов, садов и клумб. Есть некоторые люди, которые поглощены восхищением молодостью и красотой противоположного пола, и ничто иное не кажется им более ценным. Есть люди, покоренные красотой чьей-либо личности, которые полностью посвящают тому, кого они любят, как свою теперешнюю жизнь, так и жизнь грядущую. У каждого есть свой объект любви, в зависимости от его стандарта красоты. И в то же время, каждый любит совершенство божественного Бытия, в каком-то определенном аспекте. Если видящий это

видит, то никто — глуп ли он, или умен; грешен или добродетелен; — не предстает в его глазах достойным обвинения. Он видит в сердце каждого иголку компаса, которая указывает на одно и то же Бытие. "Бог красив, и он любит красоту", — сказано в Хадисах.

Человек никогда не сможет возлюбить Бога на небе, если его чувства не пробудились, чтобы увидеть красоту на земле.

Одна деревенская девушка шла на встречу со своим любимым. Она прошла мимо муллы, который читал молитвы. В своем невежестве она прошла перед ним, что законы религии запрещают. Мулла очень рассердился, и когда она, возвращаясь обратно, снова прошла мимо него, он выбрал ее за ошибку. Он сказал: "Как же грешно, о, девушка, с твоей стороны проходить передо мной в то время, пока я читал молитву!" Она спросила: "А что значит "молитва"?" Он ответил: "Я думал о Боге, Властителе неба и земли". Тогда она сказала: "Прости меня. Я еще не знаю ни о Боге, ни о Его молитвах. Но я шла к своему возлюбленному, и, думая о нем, не видела, что ты молишься. Но интересно, как же ты, — ты, который думал о Боге, смог увидеть меня?" Ее слова произвели настолько глубокое впечатление на муллу, что он сказал ей: "С этого момента, о, дева, быть тебе моим учителем. Это я должен у тебя учиться".

Однажды некий человек пришел к Джамии и попросил, чтобы он взял его к себе мюридом. Джамия спросил: "Ты кого-нибудь любил в жизни?" Тот ответил: "Нет." "Тогда иди и полюби кого-нибудь, а затем приходи ко мне".

Именно поэтому великие учителя и мастера часто испытывают трудности с пробуждением любви к Богу в заурядном человеке. Родители дают девочке куклу, чтобы девочка могла научиться ее одевать, быть с ней доброй, ухаживать за ней, любить ее и восхищаться, что учит девочку, как в будущем стать любящей матерью. Без такой тренировки последующее обучение будет трудным. Божественная любовь показалась бы обычному человеку такой же странной, как забота материнства — девочке, которая еще не наигралась в куклы.

Один мюрид долго был в услужении у духовного наставника, но не мог продвинуться дальше в обучении и ему не было озарения. Он пошел к учителю и сказал: "Я видел очень многих мюридов, которым озарение явилось, но мне не везет — я не могу продвинуться вперед дальше, и теперь я вынужден оставить надежду и покинуть тебя". Тогда учитель посоветовал ему провести последние дни своего пребывания в доме недалеко от Ханаки. И каждый день он посылал ему очень хорошую пищу и приказывал ему прекратить духовную практику, и вести жизнь, полную удобства и покоя. В самый последний день он послал мюриду корзину фруктов с очень красивой девушкой. Она поставила корзину на пол и тут же ушла, хотя ему хотелось задержать ее. Ее красота и очарование были настолько сильными, а он был настолько предрасположен восхищаться ими, да и сам был настолько покорен ими, что не мог думать ни о чем ином. Каждый час и каждую минуту он жаждал лишь увидеть ее снова. Его желание усиливалось с каждым мгновением. Он позабыл о еде и исполнился вздохов и слез, обнаружив что его сердце согрелось пламенем любви и в нем растаяло. Через некоторое время, когда учитель навестил ученика, одним своим взглядом он дал ему озарение. "Даже сталь можно вылить в форму, если нагреть ее в огне", и так же происходит с сердцем, которое плавится в пламени любви.

Вино любви как раз и называется "Шераб — и Кутхар", — вино, найденное на небесах. Когда человек становится все более пьяным любовью, люди называют его ослепшим от любви, или сошедшим с ума от любви, потому что люди, чувствительные к иллюзиям внешнего, считают себя единственными, кто что-то чувствует. Но они чувствительны к обману, а не к реальности. Хотя любящего и называют сумасшедшим, его безумная страсть по отношению к объекту из мира иллюзий постепенно освобождает его от всего обмана, что есть вокруг него. Если ему удастся получить его, он наслаждается единением со своей любовью в своем счастливом видении. Тогда не потребуется ни мгновения времени, чтобы убрать с его глаз вуаль того самого объекта, который он любил; как сказано в Коране: "Мы уберем вуаль с глаз твоих и твое зрение будет зорким."

Для любящего естественно быть ослепленным той, кем он восхищается, с кем он желает соединиться. Но ни один объект в мире не является настолько совершенным, чтобы полностью удовлетворить ожидания любящего сердца. Это и есть тот камень преткновения, который

заставляет спотыкаться каждого новичка в любви. Преуспевающий путешественник на тропе любви — это тот, чья любовь настолько красива, что она дает всю ту красоту, которой его идеалу недостает. Любящий, практикующий это, со временем возвышается над переменчивой и изменяющейся красотой любимой, но также начинает смотреть во внутреннее ее бытие. Другими словами, внешний вид любимой — это только средство, чтобы вытащить любовь из сердца любящего, но любовь приводит его от внешнего к самому внутреннему существу идеала своей любви. Когда в этом идеале любящий осознает неограниченное и совершенное Бытие — неважно, любит ли он Бога или человека, он, по сути дела, в любом случае становится блаженным.

На этом путешествие по дороге идеализма заканчивается, и начинается путешествие через божественный идеал, ибо идеал Бога необходим для достижения совершенства жизни. Человек ищет совершенный объект любви, идеализируя Бога, целостное Бытие, Великое и Бесконечное, которое находится над всем светом и тьмой мира, добрым и дурным, которое чисто ото всех ограничений, рождения и смерти, которое неизменяемо и неотделимо от нас, всеохватывающее, всегда присутствующее перед глазами любящего.

Когда любовь настоящая, она стирает эгоизм, ибо это единственное решение, как можно стереть "эго". Английская фраза: "To fall in love" — "Упасть в любовь" передает истинный характер любви. Это действительно падение с пьедестала "эго" на землю ничтожности. Но в то же самое время, именно это падение ведет к взлету, ибо насколько провалится вниз любящий, настолько он в конце концов и взлетит. Любящий падает в любовь, как семечко в землю. Кажется, что оба они уничтожаются, но они оба со временем прорастают, цветут и приносят плоды для вечно голодного мира.

Главный враг человека в мире — это его эго, мысли о себе. Это и есть тот микроб, который рождает все зло в человеке. У эгоиста даже добродетели превращаются в грехи, а его мелкие грешки — в страшные преступления. Вся религия и философия учит человека разбить "эго", и чтобы разбить его нет ничего лучше любви. Развитие любви — это упадок "эго". Любовь в своем совершенстве полностью освобождает человека от всяческого эгоизма, ибо любовь другими словами можно назвать уничтожением. "Кто бы не попадал в школу для любящих, первый урок, который он усваивает — это не быть".

Единство невозможно без любви, ибо только любовь может объединять. Каждое выражение любви обозначает достижение единства как объекта, и две вещи не смогут объединиться, если одна из них не станет ничем. Никто не знает тайну жизни кроме любящего. Поэт Ираки говорил в своих стихах: "Когда я, не любивший, пришел к Каабе и постучал в ворота, был голос мне: "Что ты сделал у себя дома, что пришел сюда?" А когда я потерял себя от любви и в ворота Каабы постучал, голос сказал мне: "Заходи, заходи, о Ираки. Ты с нами, ты наш".

Если и есть что-то, что работает против тщеславия "эго", это любовь. Природа любви в том, чтобы подчиняться; в мире нет никого, кто бы не подчинился. Мир многообразия, разделивший жизнь на ограниченные доли, естественно, заставляет всякого младшего подчиниться старшему. И опять же, для каждого старшего есть кто-то еще более старший, по отношению к которому он будет младшим. А для каждого младшего есть еще кто-то, по отношению к которому он будет старшим. И так как каждая душа по своей природе обязана подчиниться совершенству на какой бы ступени она ни была, единственное, что здесь влияет, — это будет ли она подчиняться охотно или неохотно. Первое приходит с любовью, второе приходит через беспомощность, делающую жизнь жалкой. Суфий всегда волнуется, когда он читает в Коране о том, как совершенное Бытие спрашивает несовершенные души, детей Адамовых: "Кто господин ваш?" А они, сознавая свое несовершенство, скромно отвечают: "Ты — господин наш." Подчинение становится проклятием, когда из-за холодности и беспомощности, человек вынужден подчиниться. Но то же самое становится величайшей радостью, когда оно делается по любви и со всей охотой.

Любовь — это практика морали Сулук, пути благодеяний. Удовольствие любящего заключается в удовольствии возлюбленной. Любящий удовлетворен, когда его возлюбленная сыта. Любящий становится тщеславным, когда его возлюбленная богато украшена. "Кто в жизни благословляет того, кто проклинает его? Кто в жизни восхищается тем, кто его

ненавидит? — Никто, кроме того, кто любит." А в самом конце "я" любящего теряется из его вида, и только образ возлюбленной, желаемое зрелище остается перед его глазами навечно.

Любовь — это сущность всей религии, мистицизма и философии; и тот, кто научился этой любви, осуществляет цель религии, этики и философии, а любящий возвышается над всеми различиями вер и верований.

Моисей однажды попросил Бога Израиля на горе Синай: "О Господь мой. Ты уже оказал мне великую честь, сделав меня своим посланником. И если может быть какая-либо большая честь, которую я могу вообразить, это если Ты придешь в мою скромную обитель и преломишь хлеб за моим столом." И был ответ: "Моисей, с большим удовольствием придем Мы в твоё жилище". Моисей приготовил богатый пир, и с большим нетерпением ожидал, что Бог придет. Мимо его двери случилось проходить нищему и он сказал Моисею: "Моисей, я беден и несчастен, и я уже не ел три дня, и я на пороге смерти. Прошу тебя, дай мне ломоть хлеба, спаси мне жизнь".

Моисей, в своем нетерпении, каждый момент ожидая визита Господа сказал нищему: "Подожди, о человек. Я тебе дам больше, чем ломоть хлеба. Ты получишь много вкусной еды. Я сейчас жду гостя, который должен прийти этим вечером, а когда он уйдет, тогда все, что останется я отдам тебе, и ты сможешь унести это домой". Человек ушел прочь, время шло, а Бог не приходил, и Моисей был разочарован. На следующий день он пошел на Синай и горевал там, приговаривая: "О, Господь мой. Я знаю, что Ты не нарушаешь своих обещаний, но что за грех совершил я, раб Твой, что Ты не пришел, как обещал?" Бог ответил Моисею: "Мы приходили, о, Моисей. Но, увы, ты не узнал Нас. Кем был тот нищий у твоих дверей? Он чем-то отличался от Нас? Это были именно Мы, живущие во всех обличьях, движущиеся в мире, и все-таки остающиеся далеко в Нашем вечном небе".

Какими бы ни были различия между религиями, мотив у всех был один: возвращать и готовить человеческое сердце к божественной любви. Иногда дух наставничества привлекает внимание людей к тому, чтобы увидеть и восхититься красотой Бога под небосводом. Иногда в деревьях и скалах — превращая их в святые деревья, священные горы. Иногда он привлекает внимание людей, чтобы они увидели имманентность Бога среди зверей и птиц — называя их святыми животными, священными птицами. Когда человек осознал, что во всем созданном нет никого выше чем он сам, он оставил поклонение низшим созданиям, признавая, что божественный свет наиболее ярко проявился в человеке. И вот, постепенно мир развивался так, чтобы увидеть Бога в человеке, особенно в святом человеке, Бога созnaющем.

Человек, из-за собственной ограниченности, не может видеть Бога, совершенное Бытие, и если он даже смог бы изобразить Его, лучше всего он сможет представить Его в виде человека, ибо как он может представить то, чего никогда не знал?

"Мы создали человека по собственному образу и подобию. Кришна у индуистов, Будда у буддистов был Богом, воплощенным в человеке. Ангелов никогда не изображали ни в каком ином образе, кроме как в человеческом. Даже поклоняющиеся Богу, не имеющему формы, идеализируют его в совершенстве человеческих атрибутов, хотя это единственная лестница, по которой можно достичь любви совершенного Бога, что человек постепенно и делает.

Очень ясно объяснено это в одной истории из прошлого. Как-то Моисей проходил мимо крестьянского дома и увидел там деревенского мальчика, который говорил себе: "О Господь! Ты такой хороший и добрый, и я так думаю, что если бы Ты был здесь рядом со мной, я бы заботился о Тебе гораздо больше, чем обо всех моих овцах и больше, чем обо всех моих птицах. Лил бы дождь, я бы держал Тебя под своим навесом из травы. А если бы было холодно, я бы прикрывал Тебя своим одеялом. А в солнечную жару я бы взял Тебя купаться в ручье. И я бы укладывал тебя спать, и клал бы Твою голову себе на колени, и обмахивал бы Тебя своей шляпой. И я бы всегда смотрел за Тобой и охранял бы Тебя от волков. Я бы кормил Тебя хлебом из манны и поил бы тебя сливками. А чтобы развлечь тебя, я бы и пел, и танцевал и играл бы тебе на флейте. О Господь и Бог мой, если бы Ты только услышал это, да пришел бы да посмотрел бы как бы я от Тебе заботился".

Моисею было забавно слушать это, и он, как носитель божественного послания, сказал: "Как же дерзко с твоей стороны, о юноша, ограничивать Того, кто не ограничен, Бога,

Властителя царей, который выше формы и цвета, выше восприятия и понимания человеческого". Мальчик очень огорчился и исполнился страха от того, что сделал только что. Но Моисею тут же пришло откровение: "Неприятно Нам это, о, Моисей, ибо Мы посылали тебя объединить с Нами отделенных от Нас, а не наоборот. Разговаривай с каждым в зависимости от его развития".

Жизнь на земле полна потребностей. Однако из всех разных потребностей, величайшая — это потребность в друге. Нет большего убожества, чем не иметь друзей. Наша земля стала бы раем, если бы у каждого был в жизни желанный друг; а рай, со всем блаженством, что он предлагает, превратился бы в ад в отсутствие друга, которого любишь.

Думающая душа всегда ищет дружбы, которая длится долго. Мудрый предпочтет друга, который проделает с ним большую часть его жизненного пути. Миниатюру этого жизненного пути можно увидеть в том, как мы обычно путешествуем. Если бы мы следовали в Швейцарию и подружились бы с кем-нибудь, кто бы ехал в Париж, то его компания будет продолжаться только до Парижа, а остаток путешествия нам придется проделать в одиночку. Любая дружба на земле будет продолжаться до какого-то момента, а затем прекратится. Наше путешествие проходит через смерть; и если и есть какая-то дружба, которая будет продолжаться, то это единственно дружба с Богом, которая не изменяется, и которой нет конца.

Но если мы не видим и не можем постичь Его Бытие, — не можем же мы подружиться с кем-нибудь, о ком мы ничего не знаем. Но Бог — это единственный друг, и дружба с Ним — это единственная дружба, которая чего-то стоит. Мудрый сначала ищет дружбы на земле с кем-нибудь, кто бы мог привести его к Божественному Возлюбленному — так же как и любящий сначала постарается найти кого-нибудь из обслуги или из знакомых той, чьей дружбы он желает. У суфиев многие достигают этого идеала посредством Расула — идеального человека; а двери Расула достигают через Шейха, духовного наставника, душа которого направлена на дух Расула и тем самым получает впечатления от его качеств. Такой последовательный путь становится ясным для ступающего по дороге приближения к божественному Возлюбленному.

У дружбы с Шейхом нет никакого иного мотива, кроме наставничества в поисках Бога. Сколько будет сохраняться ваша индивидуальность, столько будет длиться и она. Сколько вы ищете Бога, столько будет длиться и она. Сколько вам нужен наставник, столько будет длиться и она. Дружба с Шейхом называется "Фана-фи-Шейх", и она потом растворяется в дружбе с Расулом. Когда мюрид осознает существование духовных качеств, находящихся выше земного бытия муршида, наступает время, когда он становится готовым для Фана-фи-Расул.

Дружба с Шейхом, это дружба с формой, а форма может исчезать. Человек может сказать: "У меня был отец, а теперь его нет." На самом деле, впечатление отца, которого он идеализировал, остается у него в уме. Преданность Расулу подобна этому: его имя и качества сохраняются, хотя его земной формы уже нет на земле. Расул — это олицетворение света наставничества, который мюрид идеализирует сообразно своей эволюции.

Всякий раз, когда преданный ему человек вспоминает его — на земле ли, в воздухе, на дне морском, — он находится с ним. Преданность Расулу — это та стадия, которую нельзя миновать при достижении божественной любви. Эта стадия называется "Фана-фи-Расул".

После этого наступает Фана-фи-Аллах, когда любовь Расула растворяется в любви Аллаха. Расул — это Учитель, которого идеализируют за его милые качества, доброту, великодушие, святость, милосердие; его заслуги известны; форма его неведома, знают лишь только имя, составляющее его качества. Но Аллах — это имя данное тому идеалу совершенства, где всякоеограничение снимается, и в Аллахе идеал получает свое завершение.

Человек не теряет дружбы ни с Пиром, ни с Расулом, но он видит муршида в Расуле, а Расул — в Аллахе. Тогда за руководством, за советом, он обращается только к Аллаху.

Есть одна история о Рабийе, великой женщине-суфии. Однажды она увидела в видении Мухаммада, и он спросил ее: "О Рабийя, кого ты любишь?" Она ответила: "Аллаха". Он сказал: "А не его Расула?" Тогда она сказала: "О, благословенный Учителя, кто бы на свете мог узнать тебя и не полюбить тебя? Но мое сердце так занято Аллахом, что я не вижу никого, кроме Него".

Из тех, кто видит Аллаха, Расул и Шейх исчезают. В Пире и в Расуле они видят только

Аллаха. Они видят все как Аллаха, а более не видят ничего.

Мюрид своим почитанием муршида, усваивает способ любви, стоя с детской застенчивостью и видя в лице каждого существа на земле отражение благословенного образа своего Пира. Когда человек идеализирует Расула, человек видит, что все красивое, отражено в незримом идеале Расула. Тогда он становится независимым даже от заслуг, которые имеют противоположную полярность и на самом деле не существуют, ибо это только сравнение заставляет одну вещь выглядеть отличной от другой; и он любит только Аллаха, совершенный идеал, свободный от всякого сравнения, находящийся вне всяких заслуг и атрибутов. А когда мюрид сам возносится над своим идеалом, он сам становится любовью, и дело любви выполнено. Тогда любящий сам становится источником любви, началом любви, и живет он только жизнью Аллаха, что называется "Баки би-Аллах". Его личность становится Божественной личностью. Тогда его мысль становится мыслью Бога, его слово — словом Бога, его дело — делом Бога; а сам он становится любовью, любящим и возлюбленным.

ЖЕМЧУЖИНЫ ОКЕАНА НЕЗРИМОГО

ГЛАВА I. СУФИЗМ

Суфизм — это не религия, ибо она вне ограничений веры и верований, которые создают различия религий в мире. Суфизм, если коротко, это перемена взгляда на жизнь. Это как если бы рассматривать с самолета город, улицы которого ты знаешь, и по которым ты ходил, а окинуть весь город одним взглядом раньше не мог.

Идея суфиев заключается в том, что бы рассмотреть жизнь, поднявшись над ней. Если человеку больно самому, как может он облегчить боль другого? Если человек сам отягощен грузом, как может он взять груз от другого? Если человек сам по себе скандалист, как он может принести мир туда, где дерутся другие? Поэтому суфий считает, что необходимо жить в мире, но в то же время не принадлежать ему. Если йог проводит жизнь адепта в лесу или в горной пещере, то суфий проводит ее в мире. Ибо он считает, что для того, чтобы пробудит сердце для человеческой симпатии, человек должен сам прочувствовать невзгоды и обязанности жизни в мире и осознать, что человек живет не только для себя; его величайшая радость должна состоять в том, чтобы поделиться с другими каждым благом и каждым мигмом счастья, что есть у него в жизни.

Этот процесс рассматривания жизни как снизу так и сверху делает его зрение острым. Он не только узнает закон природы, известный всем, но он понимает и внутренний закон, который действует за всем, что дает ему способность проникновения в суть вещей и пробуждает его симпатию для других.

Бог суфиев — это Единственное, что существует. Его учитель — это дух внутреннего наставничества; его священная книга — манускрипт природы, его сообщество — все человечество. Его религия — это любовь. Ни у какого народа нет такого Бога, который бы ни был его Богом. Нет такого духовного учителя любой веры, который бы ни был его учителем. Нет такого священного писания, которое он бы не принял, так как он почитатель света и последователь любви; и он свободен от всех различий и особенностей мира.

Разница имен во вселенной для него — вуаль иллюзии, которая охватывает единство, одну жизнь. Живет только Один и все проявления для него являются явлением той одной жизни. Все, что рождается, создается и формируется подобно пузырькам в океане жизни. Вместо того, чтобы смотреть на их ограничения, он видит в них неограниченную жизнь.

Бог суфия — это его божественный идеал, которому он приписывает все хорошее и прекрасное в его совершенстве; и сам он скромно встает перед Ним, сознавая несовершенство свое, будучи сам душой, могущей свободно бродить по небесам, в данный момент заточенной на земле в физическом теле. Его цель в жизни — это высвободить заточенную душу из пут ограничений, чего он достигает повторением святых имен Бога, постоянным размышлением о своем божественном идеале и постоянно усиливающейся любовью к божественному Возлюбленному до тех пор, пока возлюбленный Бог своим совершенством явится его зрению и его несовершенное "я" из его вида исчезнет.

Это он называет "Фана", растворение в идеале. Чтобы достичь конечной цели он постепенно повышает свой идеал — сначала до Фана-фи-Шейха, идеала, который видят в смертном человеке, шагающем по земле, и сам он ведет себя как солдат перед битвой, преданный своему идеалу.

Затем приходит Фана-фи-Расул, когда он видит свой идеал в духе и изображает Его во всем величии, и наделяет его прекрасными качествами, которые сам бы хотел получить. А после этого он поднимает его до Фана-фи-Алла, любви и преданности этому идеалу, который находится вне качеств, и в котором заключено совершенство всех качеств.

Суфий знает, что прогресс в любом направлении жизни зависит от идеала. Насколько

высок идеал человека, настолько высоко он в жизни и поднимается. Затем, под конец он видит, что идеал был создан им самим, он создатель каждого высокого идеала, который он бы желал достичь. Но идеал сам по себе — это ограничение совершенного Бытия, ибо в нем есть и ты и я. Тогда, как финальное достижение, приходит сброс идеала, — когда "это" осознает Хумамаман, "Я есть Все".

ГЛАВА II. ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

В мире есть два класса людей: наблюдающие за жизнью и изучающие жизнь. Первый можно с теми людьми, что ходят в театр и смотрят, как играют комедию или трагедию, и это заставляет их смеяться или лить слезы. Вторых можно сравнить с теми, кто взлетает вверх на самолете и одним взглядом охватывает весь город, в котором они до этого за один раз видели лишь одну улицу. Изучающие жизнь понимают причину комедии и трагедии, тогда как наблюдающие за жизнью получают от них только преходящие впечатления.

Об этом говорится в Коране: "Мы сняли с твоих глаз вуаль, чтобы твой взгляд стал зорким." Когда это происходит, наблюдающий за жизнью становится его изучающим. Мы иногда спрашиваем у себя: "Какова цель жизни? Для того ли она, чтобы есть, пить и веселиться?" Конечно нет. Так делают животные, а человек это высшее создание, чем животные. Тогда заключается ли цель жизни в том, чтобы стать ангелом? Это уподобление не совсем к месту, ибо ангелы были созданы перед человеком, и они близки Богу и постоянно возносят хвалу Ему.

Поэтому человек был, скорее всего, создан для чего-то другого, отличного и от животных, и от ангелов. Ибо если человек благодаря своей набожности стал бы подобен ангелу, он бы не выполнил ту цель, для которой он был создан. Человек создан, чтобы пробудить в себе человечность, сочувствие, чувство братства, любви и доброты к ближним своим.

Он может подумать, что он добр, что он может сочувствовать, но, думая так, он совершает наибольшую из возможных ошибок, ибо доброта относительна. Это можно проиллюстрировать при помощи одной истории, которую рассказывают в Индии об одном афганском солдате, который как-то путешествовал вместе с брамином. Брамин, который был мягким и безвредным человеком, боящимся поранить даже самую мелкую тварь Божью, все время повторял себе слово "Дайя", что означает "доброта". Афганец, который был воином и понимал только грубую сторону жизни, спросил его, что значит это слово. Брамин объяснил, что оно значит то же самое, что на его языке слово "Рам". "А-а!" — воскликнул он, — "Теперь я очень хорошо понимаю, что оно значит. Помню, был я как-то добрым в жизни. На поле битвы я увидел раненого, который извивался в агонии. Меня это тронуло, я проткнул его кинжалом и прекратил его страдания".

Требование быть добрым и сочувствовать подобно капле воды, которая говорит: "Я — вода", но когда она увидит океан, она осознает свою ничтожность. Так же, когда и человек посмотрит на совершенство, он осознает свои недостатки. Именно тогда вуаль сбрасывается с его глаз, а его зрение становится зорким. Тогда он спрашивает себя: "Что я могу сделать, чтобы пробудить эту любовь и сочувствие в своем сердце?"

Суфий начинает с осознания того, что он мертв и слеп, и он понимает, что все хорошее, равно как и все плохое происходит изнутри. Богатства и власть могут исчезнуть, ибо они вне нас; и только то, что внутри нас, мы можем назвать нашим собственным. Чтобы пробудить любовь, симпатию, сочувствие в наших сердцах, необходимо совершить самопожертвование. Мы должны забыть о своих собственных бедах, чтобы сочувствовать бедам других.

Чтобы утолить голод других, мы должны забыть о собственном голоде. Каждый работает ради эгоистичного результата, не заботясь о других, и именно это сегодня приносит все страдания в мир. Когда мир развивается от несовершенства к совершенству, ему нужна вся любовь и все сочувствие; от каждого из нас требуется великая нежность и внимание. Сердце

каждого человека — хорошего ли, плохого — это жилище Бога, и необходимо следить, чтобы не поранить никого ни словом, ни делом. Мы здесь в этом мире только на короткое время; многие были здесь раньше и ушли, и теперь нам необходимо следить за тем, чтобы оставить за собой впечатление хорошего.

ГЛАВА III. "БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ"

Слова "нищие духом" — это неудовлетворительный перевод, который не передает истинного смысла того текста. В оригинале есть такие слова, которые невозможно точно перевести. В суфийской терминологии эта нищета духа называется Халим Таба, что означает "мягкодушный". Более точное значение этих слов звучит так: "Блаженны мягкие в эго", и это и проходит через все учение Христа. Про него самого говорится в Библии, что он "Агнец божий", что передает значение "мягкий в эго", подобный ягненку.

Эго заметно у животных, но у плотоядных оно гораздо сильнее, чем у растительных. Оно очень сильно у льва, у собаки, которая не потерпит присутствия другой собаки, когда она грызет кость. Слоны, самые большие из животных, наоборот, послушны и безвредны, и они подчиняются командам человека. Они живут стадом и редко бьются между собой. То же самое относится к лошадям и овцам.

Если мы рассмотрим эго в связи со всем сознанием, то мы сначала посмотрим на землю и на камни, — низшую форму жизни, — и увидим, насколько они жестки и тверды, насколько они недвижны и негибки. Когда мы перейдем к элементу воды, мы обнаружим, что она пластична и ее можно переливать из одного сосуда в другой. Течение реки или потока можно отклонить и заставить их течь в другом направлении. Она беднее духом, чем земля, ибо ее элемент выше. Более возвышенное сознание принадлежит нищим духом, пластичным и услужливым, чем нежели твердым и неподатливым. Когда мы перейдем к элементу огня, мы обнаружим, что он еще более податлив. Его можно извлечь из камня, и из атмосферы, и он более услужлив и более податлив. А воздух податлив еще более, и он находится везде, и человек не может жить без него. Эфир — это наивысший элемент, и он ближе всего к нам, так как окружает нас и внутри нас находится.

Мы часто говорим: "Мне он не нравится", "Я не желаю с ней встречаться", но если мы посмотрим на это повнимательнее, мы обнаружим, что во всем, что нам не нравится, присутствует один и тот же элемент — эго. И когда мы обратимся к себе, чтобы посмотреть, а есть ли оно у нас, мы его там тоже найдем. Поэтому мы должны забыть о нем в других людях и прежде всего обратить наше внимание на то, чтобы уничтожить его внутри себя. Мы должны решиться вычистить наш дом, даже если другие люди в своем доме этим пренебрегают. Мы должны быть осторожными, чтобы вытащить из себя любые колючки, которые колют нас в личности других. В Коране есть один стих, говорящий: "Восстань в середине ночи и соединишься с Господом твоим... Сноси терпеливо, что другие говорят." Это не только приказ встать ночью и молиться, но это также означает, что поднимаясь ночью, мы сокрушаем свое эго, ибо оно требует себе отдыха и комфорта, а когда ему в этом отказывают, оно распадается. Мистики постятся по той же самой причине.

Суфий основывает все свое учение на уничтожении эго, которое они называют "нафс-куши", ибо в этом лежит весь магнетизм и власть. Иисус Христос имел в виду именно эту силу магнетизма, когда говорил своим ученикам, что они станут ловцами душ человеческих. Это можно обрести, развивая личность в нищете духа.

ГЛАВА IV. "БЛАЖЕННЫ ПЛАЧУЩИЕ"

Идея скорби противна миру вообще. Люди говорят: "Давайте развлекаться и будем счастливы. В мире и так много печали, чтобы еще специально выбирать себе ее". И они стремятся достичь счастья так как только могут. Но эти преходящие и мимолетные радости не дают длительного счастья, и люди, что гонятся за ними, либо слепы, либо мертвы. Истинное счастье души лежит в переживании внутренней радости, а нее невозможно полностью удовлетворить внешними кажущимися удовольствиями. Она связана с Богом, и все, чему недостает совершенства, не может ее удовлетворить. Цель жизни — узнать о своем несовершенстве и скорбеть о нем. Внутри человека находится вся вселенная в миниатюре, и так же как земля состоит из суши и воды, то и ум человека подобен воде с сушей; вода под сушей, а суша — над водой. Суша представляет собой мысли и образы, тогда как вода представляет собой чувства. Люди, которые знают только светлую сторону своей жизни и которые боятся затронуть свои чувства, представляют собой сушу, сквозь которую никогда не пробьется вода. Если кто-то пожелает посетить чужую страну, ему придется пересечь воду, и то же самое ждет тех, кто желает съездить в мир невидимый — им придется пересечь воду чувства, а сквозь землю надо будет пробиться, чтобы воды могла подняться вверх.

Шиву иногда рисуют так, что из его головы вытекает священная река, указывая на то, что человек становится подобным Шиве, когда его мысли исходят не только от головы, но и от сердца. Вдохновением и озарением становятся только те мысли, которые выходят из глубин сердца, а они выходят из сердец только пробужденных душ, которые суфии называют "Сахиб-е Диль". Приносящие радость — это дети горя. Каждый удар, что мы получаем в жизни, пронзает сердце и пробуждает нас для сочувствия другим, а каждое веяние комфорта убаюкивает нас, мы засыпаем и не узнаем ничего. Это доказывает истину слов: "Блаженны плачущие".

Мысль — это более твердая форма чувства, и ей нужно растаять, чтобы стать водой. Вода всегда одна и та же, но если она горька или сладка на вкус, это потому что к ней примешался какой-то элемент земли. И так же обстоит дело с эмоциями в воде чувства, которые соприкоснулись с земными предметами.

В мире есть два класса людей: те, кому нравится комедия, и те, кому нравится трагедия. Те, что любят трагедию, мудры и рассудительны — не потому, что они любят то, что трагично, но потому, что они переживают жизнь через боль трагедии, и они хотят сохранить этот опыт ценой боли.

У каждого есть идеал в жизни, и этот идеал есть религия души, а недостаток этого идеала есть то, что мы называем грехом. Рассудительный и серьезный человек со слезами сожалеет о своих недостатках и тем самым доказывает себе, что он жив, тогда как недалекий человек злится при своем падении и готов обвинять в нем тех, кто, как кажется ему, его вызвали. Он явно мертв. Это доказывает, что лишь блаженные скорбят о своем несовершенстве, и, поступая так, мы стремимся к этому совершенству, тем самым выполняя завет Христа: "Будьте совершенны так же, как совершенен ваш Отец на небесах."

ГЛАВА V. "ПОКАЙТЕСЬ, ИБО ГРЯДЕТ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ"

Эти слова впервые были произнесены Иоанном Крестителем по поводу пришествия Иисуса Христа. Но кроме этого в словах "Царство Небесное есть и духовное значение".

Все, что принадлежит какому-нибудь человеку составляет его царство, будь это огромные богатства и власть или ничтожные владения. Царство небесное означает совершенное владение чем-либо, когда вещь, которой обладают, самодостаточна. В Гвалиоре был когда-то один дервиш, Мухаммад Гхаут. Он сидел в джунглях без одежды и ел только тогда, когда ему приносили еду. В глазах мира он был самым, что ни на есть бедняком, но все его уважали. И вот плохие времена настали в Гвалиоре. Государству угрожал сильный враг, армия которого вдвое превышала армию местного правителя. И вот он в подавленном состоянии стал искать Мухаммада Гхаута. Мудрец в первый раз попросил оставить его в покое, но потом, когда его о

помощи стал умолять сам Махараджа, он, наконец, сказал: "Покажи мне армию, что угрожает тебе". Он вывел его за город и показал ему огромную вражескую армию, что надвигалась на него.

Мухаммад Гхаут замахал рукой, повторяя слово "Мактуль" (т.е. "будьте вы уничтожены") И пока он так делал, армия Махараджи Гвалиора показалась наступающей армии огромной, что обратило их в страх, и они убежали. Этот суфийский святой был владельцем царства небесного. Его могила теперь находится во дворце, а цари земные приходят и склоняются перед ней.

Царство небесное находится в сердцах тех, кто сознает Бога. Это признают на Востоке, и святым всегда оказывают великое уважение и почет.

Суфий Сармад, великий святой, погруженный в созерцание Единого, жил во время Аурангзеба великого императора моголов. Аурангзев потребовал, чтобы суфий Сармад пришел в мечеть. Когда он отказался это сделать, его, по приказу императора, обезглавили. С этого дня начался закат моголов. Эта история доказывает, что владеющий Царством Небесным даже мертвый имеет власть ниспровергать царства земные.

Ту же самую истину мы наблюдаем в истории о Кришне и Арджуне. Арджуне и его пяти братьям пришлось драться в одиночку против огромного войска. Князь /Арджуна/ обратился к Богу и захотел отказаться от царства. Но Кришна сказал: "Нет. Ты должен сначала вернуть то, что потерял. Потом приходи ко мне". История далее рассказывает, как Кришна сам управлял колесницей, а враги Арджуны были разгромлены, ибо с Арджуной был сам владетель Царства Небесного.

Говоря с метафизической точки зрения, Царства Небесного можно достичь при помощи раскаяния. Если мы оскорбили друга, он отворачивается от нас, а мы от всего сердца просим прощения, его сердце по отношению к нам оттаивает. Если, с другой стороны, мы закрываем себе сердце, оно замерзает. Раскаяние и просьба о прощении не только растопляет сердца тех, кого мы оскорбили, но также и сердца из мира незримого. Эти слова можно объяснить также с научной точки зрения. Тепло растопляет, а холод замораживает. Капли воды, падающие на теплое место и на холодное, испытывают разное влияние. Капля, попавшая на теплое место, расширяется и становится больше, покрывает большее пространство; тогда как упавшая на место холодное, замерзает и становится ограниченной. Раскаяние имеет эффект капли, попавшей на теплое место; оно заставляет сердце расширяться и стать универсальным, тогда как застывание сердца несет ограниченность.

Пузырь долго не живет, он быстро лопается, но при помощи своего схлопывания он соединяется с могучим океаном. Так же и с нами. Когда, при помощи сердечного тепла, мы ломаем наше ограниченное "я", мы растворяемся в Одном, неограниченном. Когда наше ограниченное царство теряется у нас из виду, мы наследуем Царство Божье.

ГЛАВА VI. ПРИЧИНА

У каждого человека есть врожденное желание знания. Ребенок хочет знать причину всего и задает бесчисленные вопросы. Желание знания, если бы наши глаза были открыты для того, чтобы это постичь, имеется даже у растений. Именно это желание превращает минерал в овощ, а овощ — в животное, а животное — в человека. В человеке оно хорошо развито, но полностью разворачивается в уме мастера. Суфии говорят, что всему созданному свойственно удовлетворять желание знания.

У человека это желание не удовлетворяется никогда. Он всегда хочет знать больше. В нем всегда существует беспрестанное требование знаний. Это происходит потому, что он неправильно рассматривает причину. Он видит только внешние причины, а не те причины, которые лежат под ними и ниже их, самую первую причину. Например, человек, расставшийся со своим другом, возможно, видит только поверхностную причину, называя друга недобрым; или он может даже признать, что сам виноват; а еще он может проникнуть глубже и сказать,

что в из-за определенного влияния планет они не могут быть друзьями, и все-таки он не доберется до причины той причины.

Если мы будем изучать природу правильно, мы обнаружим, что все ее бытие — это мудрость; Жизнь — мудрость сама по себе. Посмотрите на хрупкую структуру глаза и его защиту, которое обеспечивает веко. Разве это не доказывает, что мудрость природы не развита более, чем наука и искусство человека? Мог ли человек создать что-либо, чего не было в природе. Мы знаем, что дождь падает сверху и поит землю, и заставляет растения расти; и мы можем сказать, что дождь — это причина всего этого, но если бы стали смотреть глубже, нам бы следовало отыскать причину дождя. И даже тогда внутренняя причина останется скрытой.

Потому религии и учат о Боге-идеале, что, мол, первопричину можно найти, ища Бога.

Вот когда человек теряет идею двойственности и почувствует себя единым со всем созданным, у него откроются глаза, и он видит причину всего. Человек науки приходит и заявляет, что сделал новое замечательное открытие, но — как говорил Соломон: "Ничто не ново под солнцем". Христос говорил, что он пришел не для того, чтобы дать новый закон, а Мухаммад говорил, что пришел, дабы явить тот же самый закон, который дали учителя прошлого, и который не поняли, испортили и забыли его последователи. Мистики обладали всеми знаниями с самого начала и все-таки никогда не считали его своим собственным, признавая то, что всем знанием владеет только Один, и так будет всегда.

То, что называют сверхъестественным, становится естественным для того, кто понимает; но для невежественного оно так и остается сверхъестественным. Он называет это чудом или феноменом, если он в это верит, а если нет — он над ним смеется.

Внутри каждой души есть свет. Ему нужно только облака, что скрывают его, разогнать, чтобы пробиться наружу. Это свет откровения. Он словно фонарь для нас, он освещает каждый темный угол, который мы желаем исследовать, и он дает нам ответ на любой вопрос, какой бы мы ни спросили. Свет этот может светить, если сердце чисто. А чтобы очистить сердце, у суфия существует процесс размышления, приспособленный к развитию каждого человека.

Есть одна красивая индийская сказка, которая иллюстрирует значение этого света. Рассказывают, что есть такой вид кобры, у которых на голове алмаз. И когда такая кобра отправляется в джунгли, она этот алмаз снимает и вешает его на дерево; и при помощи его света она отыскивает все, что хочет. А под конец она надевает этот алмаз себе снова на голову. Эта кобра представляет собой душу, а алмаз — свет вдохновения, что ведет ее.

Ту же самую историю рассказывают про Аладдина и его лампу. Девушка, которую он любил, олицетворяла идеал его души, а лампа, что ему случилось найти была светом внутреннего маяка, который (если его найти) привел его к достижению собственного идеала. Отправиться в путь по духовной тропе подобно тому, как если бы спуститься во тьму, так как человек не знает, что он найдет.

Мистики на Востоке проводят помногу лет в джунглях в этом духовном поиске, и впоследствии выходят из них, чтобы показать дорогу человечеству. Однако это тот путь, которому нельзя научить; его нужно осознать, ибо языка не хватает, чтобы выразить даже опыт сердца, а как же тогда можно объяснить словами опыт высшего достижения души?

ГЛАВА VII. ВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ

Высшее достижение, в материальном смысле этого слова, объяснить легко. Если у нас есть сотня фунтов, мы можем надеяться на высшее достижение в две сотни, или можем стремиться к такому высшему достижению как возвыситься в социальном мире. В духовных делах нет ничего такого, что бы мы могли признать высшим достижением. Стремиться к высшему достижению на духовном пути — это все равно, что выпустить стрелу в туман. Мы знаем, что мы выстрелили, но мы не знаем, ни куда она полетела, ни во что воткнулась. Так происходит с нашим духовным прогрессом. Мы не можем увидеть, где находимся, или как далеко мы

продвинулись на этом духовном пути, ибо там показывать нечего. Некоторые говорят, что высшее достижение в духовной жизни означает единение с Богом. Но агностика это бы не удовлетворило, ибо Бог для него чужой. Некоторые пошли бы по этому пути, если бы могли осуществить свои земные желания, богатства или славы. Им можно так ответить: ищите земного на земле, а небесного — на небе.

Есть и те, кто следуют этому пути, чтобы приобрести оккультные и экстрасенсорные способности, однако получение этих способностей не обязательно является высшим достижением. Есть только лишь малое число тех, кто идут по этому пути за высшим духовным достижением.

Что же тогда есть высшее достижение? Если мы посмотрим на наши пять пальцев, мы поймем, что вся сила в них происходит из одной руки. Если мы хотим добраться до высшего достижения в духовной жизни, мы должны проникнуть на уровень абстрактного, ибо там мы найдем все. Мы должны прийти к осознанию того, что через все протекает одна жизнь. В какой-то степени мы приближаемся к осознанию единства путем размышления, религии и молитвы. Но самое здесь необходимое — это искренность нашего образа жизни. То, что мы есть — это то, что действительно имеет значение; размышление и медитация в этом помогают, однако наш образ жизни — это то, что наиболее важно, искренность в нашей жизни, и проживание ее на практике, не в теории.

В Индии рассказывают одну историю о детстве Буллах-шаха, великого святого. Когда он был маленьким мальчиком, он пошел в школу и его усадили учить алфавит. Ему дали первую букву "Алиф", цифра (фигура) 1, — прямая линия, и он никак не мог продвинуться дальше этой буквы. Его учитель был в отчаянии, и его родители — тоже. Под конец он им надоел, и он ушел жить в джунгли. После многих лет, он вернулся и разыскал своего старого учителя. Он сказал ему, что выучил букву "Алиф" и спросил, нет ли у него еще чего-нибудь, чтобы выучить? Затем он нарисовал знак "Алиф" на стене и сказал: "Посмотрите, все правильно?" И тут же стена раскололась надвое, как раз по знаку "Алиф". Увидав этот феномен, старик воскликнул: "Ты — мой учитель, а я твой ученик."

Из этой истории мы учим, что же на самом деле означает осознать, что такое единство, ибо видим мы всегда одно. Двое — это один и один, и так же обстоит дело с тремя, четырьмя, пятью, сотнями или тысячами; в конце концов, все числа, даже миллионы и миллиарды, есть ни что иное как помноженное на один. Таким образом, мы можем сказать, что высшее духовное достижение — это осознание единства.

ГЛАВА VIII. ПОКЛОНЕНИЕ

Существует три аспекта поклонения: поклонение Богу на небе со стороны тех, кто понимает его как нечто отдельное; поклонение Богу на земле, как божку или богиньке в форме идола, или же кому-нибудь, кто считается воплощением Бога и которому поклоняется множество; и поклонение Богу, который есть внутри, самому глубокому "я" нашей сущности. Именно в этом аспекте понимают Бога суфии, последователи вед, и великие учителя такие как Христос и Мухаммад.

В самом начале великие учили поклоняться какому-то конкретному объекту тех, кто не мог бы понять никакого более высокого идеала поклонения, — дабы привести их к Богу-идеалу, чтобы они наконец смогли познать Бога внутри.

Есть некоторые люди, которые поняли, что самое глубокое "я" — это Бог, и которые говорят: "Почему это мы должны идти к Богу при помощи какого-то поклонения?", считая самих себя самодостаточными. Это самопознание может либо увести человека в сторону, либо привести к совершенству. К совершенству это ведет редко, к заблуждению — чаще, ибо хотя человек не ограничен в незримом мире, в мире внешнем — это очень ограниченное существо. Он зависит от всего созданного, что вокруг него, и всячески зависит от своего окружения. На

одном полюсе он не ограничен и самодостаточен, на другом — зависим и ограничен. Поэтому для человека является большой ошибкой заявлять о своей самодостаточности. В мусульманской терминологии эти состояния называются Аллах и Бандех. Состояние "Аллах" не ограничено и самодостаточно, а состояние "Бандех" — ограничено и зависимо. Какой у человека идеал, таково и состояние его развития. Человек, что интересуется сам собой, очень узок и ограничен, тогда как человек, интересы которого распространяются на свою семью и окружение, — он больше. А тот, чьи интересы распространяются на весь свой народ — он велик еще более. Самый великий же — тот, кто чьи интересы распространяются на весь мир. Но во всех этих случаях человек ограничен. Так же обстоит дело с материальными идеалами: один может быть довольным сотней фунтов, а другой может рассчитывать на миллион; каков у человека идеал, таким он и становится.

Высший идеал человека — осознать неограниченное, бессмертное "я" внутри себя. Нет никакой необходимости в более высоком идеале, ибо если человек держит этот идеал у себя перед глазами, он расширяется и становится всем тем, кем он хочет стать, и со временем достигает того покоя, которого так ждет душа.

Поклонение Богу расширяет душу до совершенства. Это можно проиллюстрировать на словах Саади, который говорил: "Хвала Аллаху, поклонение которому становится средством, как приблизиться к Нему и благодарением которому получается увеличение благ. Каждый вдох продлевает жизнь, а выдох убыстряет тело. Таким образом, в каждом дыхании содержится два благословения, и за каждое благословение должна быть отдельная благодарность".

ГЛАВА IX. ОТНОШЕНИЕ К МОЛИТВЕ

Существует пять видов отношений к молитве, принятых у различных классов людей. На первом месте идет хвалебное отношение тех, кто благодарят за свой хлеб насущный. Второй класс людей — это те, кто не только благодарят за материальные блага, но и также надеются на власть и должность, или на прощение собственных грехов. Третий класс людей — это те, чьи глаза открыты, те, которые узнают красоту Бога в природе и во всем, что есть вокруг них. Они и прославляют Его за эту красоту.

Четвертый класс людей — это, те кто признают величие Бога в Его силе. Того, кто может поддержать любое свое творение — от человека до самого мелкого червя и микроба. К пятому классу относятся мыслители и мистики. Их отношение к молитве гораздо выше, чем у всех предыдущих классов; они понимают истину бытия человека: Бог и человек неразделимы. Особенно заметны среди таких суфиев. Много людей, которые являются вольнодумцами, вообще не беспокоят себя молитвой, а некоторые даже говорят: "А кому мы должны молиться?" Суфий осознает истину своего бытия и вся его жизнь становится отношением к молитве, невзирая на свое вольнодумство и возвышение над тем, что хорошо или плохо, правильно и неправильно. Если человек любит, он может находиться в толпе и все-таки не знать о том, что вокруг него, будучи погруженным в мысли о возлюбленной и так же обстоит дело с любовью к Богу. Тот, кто Его любит, может находиться среди толпы, но, будучи погруженным в мысли о Боге, он окажется в уединении. Для такого человека толпа ничего не значит. Саади говорил: "Молитва — это расширение ограниченного бытия до неограниченного, приближение души к Богу".

Хазрат Али, один из самых выдающихся суфиев прошлого, говорил: "Знать себя — это знать Бога", и проводил большинство своих дней и ночей в молитве. Молитва суфия — это его путешествие к вечной цели, собственному осознанию Бога.

Здесь возникает вопрос, как достичь такого отношения к молитве в жизни. Сначала, для тех, молитва которых — молитва похвалы, если вся их жизнь предназначена для того, чтобы принять такое отношение к молитве, они должны приносить эту хвалу и благодарность даже по поводу мельчайших событий в жизни, быть благодарными за самое малое доброе деяние,

которое кто-либо для них сделает. В жизни человеку этого идеала очень не хватает, он настолько упрям, он упускает столько возможностей отблагодарить. Иногда это из-за его богатства, а в другой раз он бывает ослеплен своей властью; он думает, что все, что делается для него, делается из-за его денег или влияния. Если человеку удалось достичь этого отношения хвалы и благодарности за все, что есть в жизни, тогда его жизнь действительно можно назвать богомольной.

Те же, кто выражает надежду в своей молитве, могут превратить в нее свои ежедневные устремления, при условии что будут поддерживать эту надежду в каждом занятии в жизни, веря в Бога; а также при условии, что они будут рассматривать все объекты их желаний (когда они их получают) как исходящие из одного и того же источника.

Те люди, что славят Бога за красоту, должны видеть красоту Бога во всех Его созданиях. Нет никакого смысла в том, чтобы хвалить Бога за Его красоту, а затем критиковать и придирааться к его созданиям; ибо для того, чтобы жизнь была набожной, в человеке всегда нужно искать только хорошее. Даже у самого плохого человека есть что-то хорошее, и нужно всегда искать именно хорошее, а не плохое. Мы можем научиться добродетели даже у величайшего грешника, если будем считать его учителем. Существует предание, что Моисей просил Сатану рассказать ему секрет жизни.

Те, кто прославляет Бога за величие Его власти, должны видеть величие в его созданиях. Есть некоторые люди, которые настолько гордятся собой, своей властью, должностью и деньгами, что не могут видеть великого в другом. Таким ничем не поможет почитание Бога за Его величие; это будут всего лишь пустые слова.

Что касается пятого класса людей, то те, кто осознает истину своего бытия, узнает своего Бога-идеала во всех Его созданиях. Они видят своего Божественного возлюбленного во всех проявлениях, в каждом имени и форме.

ГЛАВА X. МОЛИТВА

Необходимости в молитве во все времена учили во всех религиях, и их последователям давали формы молитвы.

По поводу молитвы люди придерживаются различных мнений. Некоторые утверждают, что если Бог знает все, что они хотят, зачем они тогда молиться должны? Другие спрашивают, правильно ли будет молиться, если Бог лучше всех знает, что для них хорошо. Третьи говорят, что единственная молитва — это похвала, тогда как некоторые даже заявляют, что они и есть Бог, и потому им нет необходимости молиться. По поводу последнего класса людей можно сказать, что все Учителя и святые не только учили необходимости молиться, но и сама их жизнь была жизнью постоянной молитвы. Следующий ниже небольшой рассказ дает нам иллюстрацию этого.

Абдул Кадир Джилани, великий суфийский святой, однажды молился и в видении ему явилось подобие ангела, который обратился к нему со словами: "О ты, что непрестанно молишься всю свою жизнь, посылает тебе Господь хорошую весть, что от тебя молитв больше не нужно". Святой, распознав Соблазнителя, ответил: "Изыди, зловредный. Я узнал тебя, невзирая на твою ангельскую личину: ты дьявол, пришедший соблазнить меня. Все святые проводили жизнь в молитвах, а как я могу посчитать себя достойным, чтобы меня от нее освободили?" Услышав эти слова, дьявол исчез.

Тем, кто спрашивает: "Правильно ли молиться о том, что мы хотим?" можно сказать, что человек всегда искал, как себя выразить. Если бы, например, он задумал какую-либо схему или план, который бы хотел выполнить, то как правило, он ищет способного и верного друга, чей совет он ценит и кому он сможет поверить свои мысли; или если он в беде или в подавленном настроении, он пойдет за сочувствием к доброму и любящему другу. В обоих случаях он выражает свою ограниченность. Если человек, со своим чувством справедливости считает

себя достойным того, о чем молится, тогда он вполне оправдан, вне зависимости от мнения мира относительно его праведности, и он привлекает ответ на свою молитву. Если бы человек согласился работать за определенную сумму денег, и он знает, что выполнил ее хорошо и заработал эту сумму, он чувствует себя оправданным, требуя свои деньги; и так же обстоит дело с молитвой, когда человек знает, что заслуживает того, о чем молится.

Перед тем как просить милости Божьей, человек должен сначала научиться узнавать Бога во всем, что вокруг него; в той заботе и той защите, которую он получает от всего. Милость Божья показывает свои руки и глаза во всем, что есть в природе, поэтому человек должен попытаться воспроизвести это в своей собственной жизни. Тогда он привлечет к себе милость Бога.

Если дела наши грубы и жестки, мы естественно навлекаем гнев Божий.

Тому классу людей, считающему, что они и есть Бог, можно ответить словами одного индийского поэта: "Человек — это не Бог, но человек не отделен от Бога". Одна капля не может называть себя океаном, хотя капля — его часть. Те же, кто будет это оспаривать, должны подтвердить свою правоту собственной жизнью; но если они смогут это сделать, они будут хранить молчание и не говорить об этом ни слова в присутствии других.

Существует необходимость похвалы в молитве, похвалы красоте Бога, ибо человек должен научиться распознавать и возносить хвалу красоте Бога, проявленной во всех Его созданиях. Таким образом, красота в виде впечатления отпечатывается на его душе, и он становится другом всему и освобождается от предрассудков. По этой причине суфий возвращает свое сердце. Символ суфиев — это сердце между двумя крыльями, означающий, что когда сердце обращено, человек может воспарить в небесную высь.

Когда человек находится на низших уровнях, он видит все предметы высокими, низкими, красивыми или некрасивыми. Но если он поднимется вверх на самолете и оттуда посмотрит вниз, все будет выглядеть одинаково, таким же самым. То же происходит и с человеком, когда он поднимается на высшие уровни — все кажется ему одним и тем же, он видит только Одного.

Человек в полной мере оправдан и прав, молясь о своих желаниях, ибо нет никого кроме Бога, кто мог бы и хотел бы их даровать. Однако человек должен различать, что преходяще, а что — вечно, что годится для его блага, а что — нет. Красота личности, преданность (Богу), любовь — вот, что желательно, а не те вещи, которые проходят и не удовлетворяют. Есть некоторые люди, которые стадии, на которой они выше всех желаний, как земных, так и небесных, но все-таки они продолжают молиться, ибо молитва приближает их к Богу и отдаляет от своей ограниченности; они расширяются от состояния ограниченности до состояния неограниченного бытия. Это высший смысл молитвы.

Человек, не верящий в молитву, во время болезни обращается к доктору, ибо никто самодостаточным не является. В жизни каждому нужна доброта, сочувствие и помощь других, каким бы богатым или могущественным он ни был. Что человек не может сделать, может сделать Бог, и все что делается посредством человека, также делается по велению Божьему. "Ничто, даже вес одной мельчайшей частички не сокрыто от Господа нашего", сказано в Коране.

Есть одна история, которая иллюстрирует эту необходимость в молитве. Один царь как-то охотился в лесу. Его застигла буря и ему пришлось укрыться в хижине поселянина. Поселянин предложил королю простую пищу, которую он отведал с большой благодарностью. Уезжая, он спросил поселянина, не мог бы он оказать ему какой-нибудь услуги. Человек, не зная, что с ним говорит царь, ответил, что его потребности просты и что у него есть все, что ему требуется. Тогда царь снял с пальца кольцо и отдал его поселянину со словами: "Возьми это кольцо, и если тебе что-нибудь понадобится, принеси его в город, покажи его какому-нибудь чиновнику и спроси меня".

Через несколько месяцев пришли плохие времена, и голод наступил повсюду в той земле, и был поселянин на грани голодной смерти. Тогда он подумал о своем кольце. Он отправился в город и, прибыв туда, показал его чиновнику, а тот немедленно препроводил его к царю. Когда он пришел к нему, он увидел, что царь стоит на коленях и молится. Когда царь закончил, он поднялся с колен и спросил поселянина, что он мог бы для него сделать.

Тот человек был очень удивлен, когда узнал, что его друг был царем. И он удивился еще более, увидав его на коленях, и спросил, почему он принял такую позу. Царь ответил, что он молился Аллаху. "А кто такой Аллах?" — спросил поселянин. Царь ответил: "Тот, кто даже выше, чем я, Царь царей, и я просил его о своих нуждах и нуждах моего народа". Поселянин, услышав эти слова, сказал: "Если тебе, царю, приходится просить кого-то, кто выше тебя, то почему бы мне не обратиться к нему напрямую и не беспокоить тебя?"

Эта история учит нас, что каждый мнимый источник ограничен, если сравнить его с настоящим Источником, Богом, приоритет которого выше всех.

ГЛАВА XI. ИСЛАМ

Для всех, кто интересуется религией, будет неплохо понять основное значение ислама. Слово "Ислам" просходит от слова "Салам", что означает "мир, покой", и здесь будет ошибкой (которую делают последователи всех религий) называть средства именем цели. Покой — это желание каждой души, и душа ищет его, по мудрому или нет. Тех, кто ищет его по мудрому, называют благочестивыми, а тех, кто ищет его в невежестве, называют мирскими. Ислам, или покой — это цель каждой души, и разные учителя человечества приходили показать путь, что ведет к этой цели.

Первому кораблю, что плыл в Америку приходилось прокладывать путь, и это потребовало очень много времени. Но потом этот путь занесли на карту, его узнали, и корабли стали совершать такое путешествие за меньший срок. Так и религия — это средство приблизиться к цели, но не сама цель. Цель возможно достичь, если нет корабля, но быстрее и легче будет добираться к ней на корабле.

Богу-идеалу человека учат постепенно. Было время, когда в определенном камне признавали Бога. В какое-то время, люди считали священными некоторые растения, а в другое — зверей и птиц. Например, священными созданиями считали корову и орла. Многие поклонялись первичным элементам в природе, таким как земля, вода, огонь и воздух. Люди поклонялись духам гор, холмов, деревьев, растений, птиц и зверей, — до тех пор, пока Бог-идеал не поднялся до Абсолюта.

Поклонялись планетам и их богам, и молитвы возносили солнцу и луне. Так продолжалось до тех пор, пока Бога не осознали в человеке. Свет души человека считался выше света солнца. Тогда пришло поклонение героям. Воины, ораторы, врачи, музыканты, поэты, пророки и учителя — их индусы идеализировали и поклонялись им как воплощениям Бога, до тех пор, пока от семитского народа не пришел Авраам, отец всех религии, который учил идеалу бесформенного Бога, который постепенно объясняли разные пророки, приходившие после него. О нем открыто заявлял Моисей, и о нем духовно учил Христос; ту же самую истину простыми словами открывал Мухаммад, принесший последнее послание: "Не существует ничего, кроме Бога". Это последнее послание распространяет идеал поклонения на невидимое, равно как и видимое Бытие, другими словами — на Абсолют.

Совершенство Бога-идеала ведет к цели, которая и есть истинный ислам или покой.

ГЛАВА XII. ПОСЛЕДСТВИЯ СОДЕЯННОГО

Во всех религиях учат тому, что за наши деяния будет либо награда, либо наказание. Но если мы рассмотрим это более внимательно, мы увидим, что наказание или награда — это продукт наших деяний; лишь наша склонность к идеализации заставляет нас называть наградой или наказанием то, что просто-напросто является продуктом наших действий. Хорошее не может быть продуктом плохого, а плохое не может быть продуктом хорошего. Если

легкомысленное дитя отправят купить яиц, а его, он по пути домой, настолько заинтересует его окружение, что он не будет смотреть куда идет, упадет и эти яйца разобьет, мы скорее всего скажем: “Ты все яйца разбил, и это тебе наказание за твою невнимательность”, однако на самом деле никто не исполнял этого наказания, оно последовало как естественный результат невнимательности.

Если мы поглубже заглянем внутрь себя, мы обнаружим, что наши деяния имеют огромное воздействие на наше внутреннее бытие, и они вступают в реакцию и проявляются на поверхности в виде хороших или плохих результатов. Этим объясняется правильное и неправильное, доброе и злое. Другими словами, наше тело, ум, сердце, чувственный фактор реагируют друг на друга. Если тело управляет умом, или ум — чувствами, результат будет плохим, ибо в этом случае низший уровень контролирует более высокий уровень существования. С другой стороны, когда сердце управляет умом, а ум — телом, результат может быть только хорошим. Тело, управляющее умом, — это все равно как если бы лошади пришлось ездить на человеке, а не человеку — на лошади. Если лошадь будет скакать на человеке, скорее всего, она уведет его в сторону, но если на лошади будет ехать человек, то он поведет ее правильным путем.

Например, если бы солдат управлял сержантом, а сержант — капитаном, естественно, все бы пошло неправильно. Капитан должен управлять сержантом, а сержант — солдатом. Возьмем другой пример: добросердечный человек, если им будут управлять его мысли, может утратить свою доброту и удержать кого-нибудь от доброго дела, полагая, что может оставить его для себя; однако когда его добрые чувства поднимутся над его мыслями, он может раскаяться и сказать себе: “Как я мог подумать такое?”.

В индуизме существует три стадии жизнедеятельности: Сатва — то есть та деятельность, которая всегда несет добро; Раджас — сбалансированная деятельность, которая иногда приносит хорошие, а иногда плохие результаты; и Тамас, интенсивная деятельность, что всегда приводит к уничтожению.

Крайняя интенсивность Тамаса — это плохо во всех аспектах, ибо его вибрации настолько увеличивают свою скорость, что сталкиваются друг с другом и вызывают разрушение. Когда со стороны одного по отношению к другому проявляется сильная любовь, обычно приходит что-то, чтобы ее уничтожить. Тот же самый случай — с интенсивностью желания или действия; все это кончается разрушением.

Раджас — сбалансированная деятельность, всегда желательна. Результат наших действий может быть хорошим или плохим, но никогда — слишком плохим, ибо там существует баланс.

Сатва, деятельность, всегда приводящая к хорошему, это контролируемая деятельность, если мы ее обуздали. Ее достичь наиболее трудно, и для этого необходимы труды и усилия всей жизни. Святым и мудрецам приходилось совершать путешествие через эти стадии, учась из опыта; и они понимают насколько трудно обрести контроль над делами нашей жизни.

Существует два способа, при помощи которых мы можем обрести контроль над делами нашей жизни. Первый — это уверенность в силе нашей собственной воли; знать, что если мы совершим ошибку сегодня, то завтра мы так не сделаем. Второй способ — это жить с широко открытыми глазами и внимательно следить за своей деятельностью во всех аспектах жизни. Это ведь только в темноте мы падаем, а при свете мы видим, куда идем.

Так и в жизни: нам нужно внимательно смотреть, куда мы идем. Нам следует изучать жизнь и пытаться узнать, почему мы говорим так-то и так-то и почему мы поступаем так, как мы поступаем. До этого мы совершали ошибки, возможно, потому что наши глаза не были широко открытыми. Мы совершили ошибку, пожалели о ней и забыли об этом, а затем, возможно, снова ее совершили — потому что не изучали жизнь. Изучение жизни — это самое важное во всех религиях, и более важного и интересного занятия нет. Те, что прошли через все стадии деятельности, они выше всего опыта жизни во всех ее аспектах; они подобны пловцам в море, что плывут по воде и не тонут. Вот на них поступки не имеют воздействия; они и сами делатели добрых дел и создатели их воздействия.

ГЛАВА XIII. БАЛАНС

В балансе содержится весь секрет жизни, недостаток баланса объясняет смерть. Все, что конструктивно, приходит от баланса, а все разрушение — от недостатка баланса. Существует много людей, которые болеют годами, и все-таки их жизнь продолжается, ибо у них есть какой-то баланс. Физически они находятся в упадке, но чтобы уравновесить это, у них есть амбиции к жизни, которые заставляют их жить. Это может быть желанием увидеть успех любимого сына, или счастья дочери.

Во всех религиях и в философских учениях выдаются определенные принципы, такие как доброта, правдивость и прощение, однако мистик эти принципы не акцентирует; он допускает, чтобы у каждого были свои принципы, согласно его точке зрения и уровню развития. Возьмем, например двух человек, один — настолько милосерден, что даже мухи не обидит, и меч не сможет вытащить, чтобы человека убить, а другой человек — ради своего народа — готов и воевать и умереть доволен.

Существует две противоположные точки зрения, и обе они истинны в своем роде. Суфий поэтому полагает, что пусть каждый придерживается принципам, сообразным его развитию, но сам он будет смотреть дальше принципа, на то, что находится за ним, — на баланс; и он понимает, что если что-то заставляет человека его потерять, то это неправильно, а правильно — это то, что его поддерживает. Главное — не идти против чьих-либо принципов. Если весь мир говорит, что это плохо, а ты сам чувствуешь, что это хорошо, то для тебя, возможно, так оно и есть.

Вопрос баланса объясняет проблему греха и добродетели, и тот, кто понимает его, становится хозяином жизни. Баланс должен быть во всех наших действиях, быть слишком жестким или слишком мягким одинаково плохо. Есть такая поговорка: “Джек — умеет делать все, но он ни в чем не мастер.” Это очень верно, было затрачено слишком мало усилий, чтобы можно было изучить досконально что-то одно.

Баланс между отдыхом и деятельностью необходим, так как если чаша отдыха перевешивает, это ведет к безделью и даже болезни, тогда как несбалансированная деятельность приводит к неврозам, а часто — к умственному или физическому срыву.

ГЛАВА XIV. ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ

Все религии и философские учения говорят о видимом и невидимом, — возможно, что-то и понимая в этом, но всегда расходясь друг с другом в объяснениях. Христианское объяснение души отличается от мусульманского, а ведическое объяснение — от буддийского; и эти различия изрядно путают человека их изучающего. Эта путаница, однако возникает из многообразия имен и форм; другими словами, — из-за разницы слов, а не значений. Для просвещенной души эти различия ничего не значат. Этот человек видит одну истину, что находится подо всем, и он слушает свою душу в поисках истины; он сравнивает то, что изучает во всех священных писаниях и обнаруживает, что его понятие истины находится в гармонии со всеми.

Есть много верований, которые исповедуют последователи различных религий и философских учений по отношению к жизни после смерти, проявлению, освобождению и реинкарнации. Некоторые верят в одного Бога, а некоторые — во многих, а некоторые вообще не верят в Его существование; но во всех этих верованиях мистик видит одну и ту же истину, ибо может посмотреть на нее с разных точек зрения — так же как фотограф, снимая большой дворец с четырех сторон света, понимает, что на каждом снимке будут различные его изображения, и все-таки они будут видами одного и того же дворца.

Настоящее учение приходит изнутри, и когда святые получали откровение от изначального

Источника, души их его понимали, но слова, которыми они излагали это послание, были различными, ибо один говорил на языке Зенд, другой — на иврите, третий — на санскрите, а четвертый — на арабском. Это и объясняет, почему одна и та же истина рассказывается разными словами. Смысл и значение — одно и то же рассказывается разными словами. Смысл и значение — одно и то же, единственная разница заключается в объяснении, ибо, предполагалось, что его будут давать в разное время, разным народам, на разном уровне развития. Изучение невидимого — это то, что наиболее важно изучить в жизни, но этого нельзя делать так же, как изучают видимое.

Изучение видимого всегда разочаровывает, так как оно постоянно меняется. Поэтому необходимо обратить свой взгляд от видимого к источнику всех вещей. В изучении невидимого не следует искать никаких знаков. Духовный поиск, как говорил Аль-Газали, — это все равно что выпустить стрелу в темноту: ты не видишь, куда она полетела, или во что воткнулась. В жизни есть два важных дела — хвала Богу и поиск Бога.

Восхвалять Бога — это важно, и это дает блаженство в жизни. Самое важное дело в жизни — это достижение Бога. Бога невозможно объяснить, попытка сделать это всегда окончится неудачей. Знание его можно обрести в молчании и в уединении; а как это можно сделать лучше всего объяснено в словах индийского поэта Захира: “Тот, кто обретает покой Божий, должен самого себя потерять”.

ГЛАВА XV. ДРУГАЯ СТОРОНА СМЕРТИ

Проницательный мыслитель рано или поздно спрашивает: “Что находится по другую сторону смерти?” Для материалиста, который верит, что мозг — это единственный фактор восприятия, жизни после смерти не существует. Для тех же, кто верит в предания, другая жизнь есть, но они очень смутно представляют ее истинное значение. Для тех, кто ищет истины, чтобы найти ее есть верный путь и неверный путь. Верный путь состоит в изучении себя, а неверный в - поиске общения с духами.

Когда мы бодрствуем, сознание большей частью остается на физическом уровне, и лишь очень маленькая его часть находится на уровне ментальном. Это доказывается тем фактом, что мы иногда не сознаем того, что происходит вокруг нас, в силу того, что наше сознание в тот момент находилось на другом уровне, и мы склоняемся к тому, чтобы называть всякую мысль или чувство воображением. Уровень снов выше уровня физического, ибо все, что происходит там — это реальность по отношению к сознанию. Это ведь только пробудившись мы говорим, что пережитое нами было сном. Именно физическое тело создает контраст между сном и состоянием бодрствования; во сне мы свободны от своего тела, и сознание воспринимает вещи как реальность, а не как сон или воображение, ибо у сознания есть склонность воспринимать как реальное все, что оно переживает.

Все переживания, мысли, чувства и эмоции сохраняются на ментальном уровне, и когда они избавляются от физического тела, сознание переживает их в полной мере. Если человек в течение всей жизни был веселым и жизнерадостным, сознание, когда покинет физическое тело, испытает состояние счастья на ментальном уровне в полной мере. А если он был всю свою жизнь жалким и несчастным, сознание на ментальном уровне будет в полной мере испытывать это состояние. Это объясняет значение ада ирая. Мы таким образом переживаем и ад и рай каждый день нашей жизни; и наши рай и ад зависят от того, какие впечатления мы позволяем себе сохранить на ментальном уровне.

Наш ум следует протирать и чистить так же, как и наш дом, и это мы делаем при помощи медитации и концентрации, что выметает вон все неверные впечатления. Мы должны быть хозяевами своего ума, так же как и хозяевами собственного дома, и не позволять, чтобы он выглядел как склад мебели в котором вся мебель разбросана в беспорядке. Мы должны указывать, что куда поместить, — так, чтобы там царствовал полный порядок. Мы не должны

допускать, чтобы впечатления, которых мы не желаем, появлялись на ментальном уровне. На этой стороне жизни у нас больше силы воли, чтобы контролировать наши впечатления, чем на той. Там мы переживаем впечатление, которые мы создали в жизни.

Главное, что касается нас — это изучать, что делает хорошим или плохим, правильным или неправильным; и мы обнаружим, что хорошее, плохое, правильное или неправильное зависят от точки зрения, с которой мы будем каждое рассматривать, а когда мы это ясно поймем, тогда мы узнаем секрет того, как по своей воле поступать правильно или неправильно, хорошо или плохо. Стадия понимания дает мастерство и возвышает человека над адом и раем.

ГЛАВА XVI. АЛХИМИЯ СЧАСТЬЯ

Слово “алхимия” происходит от арабского слова “Аль-Кимия”, что означает “искусство делать золото”.

Существует два вида золота: то, что мы получаем из всего и то, про которое алхимик Востока знал, как его для себя создавать. То же самое можно применить к счастью. Каждая душа ищет счастья и в нем либо зависит от внешних объектов, либо, как алхимик старого времени, создает счастье для себя.

Те, кто ищут счастья из внешних источников, никогда не удовлетворяются полностью. Человек воображает, что если бы у него была определенная сумма денег, он был бы счастлив. Но, если он ее получит, он не будет в самом деле довольным, он захочет большего. Никакое земное счастье долго не длится: оно никогда не остается. Единственная причина этого недостатка счастья — в томлении духа. Если бы нам предложили все знаки внимания и все богатство, и если бы мы могли парить над землей, мы бы это проигнорировали ибо наше тело принадлежит земле, а если бы нам сделали похожее предложение, чтобы мы могли стоять на воде, мы бы отказались от него по той же причине. Наше земное тело ищет себе комфорта только на земле.

Так же и с нашим духом. В Библии сказано: “Дух убыстряется, а плоть не получает ничего”. Наш дух — реальная часть нас, а тело — это всего лишь его одежда. В томместилище, откуда пришел дух, существует абсолютный покой, и истинное счастье души заключается в этом покое. Так же как человек не найдет покоя у портного, потому что оттуда принесли его пальто, так и дух не может получить истинного счастья на земле, только потому что к земле принадлежит тело. Душа получает опыт жизни при помощи ума и тела, и наслаждается им, однако ее истинное счастье заключено в покое.

Чтобы обрести этот покой, нам нужно начинать с себя. Внутри нас происходят битвы между духом и материей. Борьба за наш хлеб насущный и желание покоя в том, что нас окружает; мы должны сначала обрести этот покой внутри себя, перед тем как можно будет говорить о покое в мире. Все мысли, слова и действия, что нарушают покой, являются грехом. А все мысли, слова и действия, что покой создают, являются добродетелью. В нашем общении с теми, с кем трудно этот покой сохранять, постоянные усилия, направленные на сохранение его производят огромный эффект.

В нас есть две силы — любовь и разум. Мы должны поддерживать равный баланс между ими двумя. Если мы придадим слишком много выражения любви, мы станем неуравновешенными и попадем в беду; а если, с другой стороны мы слишком склонимся на сторону разума, мы станем холодны.

ГЛАВА XVII. МУДРОСТЬ И НЕВЕЖЕСТВО

Мистики, философы и мыслители соглашались в том, что величайшее благословение в

жизни — это мудрость, а величайшее проклятие — это невежество. Все люди, в зависимости от их уровня развития, ищут того, что, по их мнению, является величайшим благом в жизни. Все это, из-за недостатка мудрости, обращается в проклятие, ибо богатство не приносит счастья, если нет мудрости. Суды подпитываются и существуют за счет богатства дураков. Опять же, каким проклятием в руках не мудрого человека становится власть — для него самого и для других, тогда как власть, управляемая мудрой рукой, несет с собой блаженство. Слава если ее не использовать мудро, порождает только врагов. Мудрому человеку, наоборот, может не доставать богатства, но он вполне счастлив; и он может, если пожелает, создать его для себя. То же самое можно сказать о власти и известности. Человек может начать жизнь со скромной должности, но, по причине своей мудрости, может стать влиятельным и знаменитым. Мудрый человек знает, как устроить свою жизнь, тогда как глупый человек большей частью портит ее.

Так же обстоит дело и с духовной жизнью. Так, часто действительно религиозный человек, искренне стремящийся к хорошему, портит его эффект какой-либо глупой мыслью, словом или делом, и этим уничтожает работу многих лет. Мудрый человек никогда не позволит себе попасть в такую сеть. Он внимательно следит за каждой своей мыслью, словом и делом и все время продвигается вперед по духовному пути. Его может отбросить назад, но он знает, как извлечь прибыль даже из своей ошибки, и он использует их как ступеньки к высшему. В жизни не существует настоящего счастья при недостатке понимания — как в случае с женой и мужем, ребенком или другом. Самые близкие и самые лучшие отношения создаются с тем, кто понимает, а это могут прочувствовать только мудрецы.

ГЛАВА XVIII. КАЗА И КАДР

Во вселенной есть две силы: Каза, божественная сила, действующая через все предметы и сущности, и Кадр — свободная воля человека.

Если божественная воля действует через все предметы и сущности, а человек есть ни что иное, как инструмент, при помощи которого божественная воля действует, он беспомощен, и тогда как он может отвечать за свои поступки? Между тем, человек признается ответственным, ибо свободная воля человека — это совершенная воля, действующая через разум человека. Это можно проиллюстрировать так: Купец, владеющий фабрикой, нанимает на нее множество рабочих рук. Его волей и желанием является, чтобы все вместе трудились в согласии, однако процветание фабрики — это также обязанность и каждого рабочего, ибо при помощи их владелец управляет фабрикой. Если кто-то работает против его воли, все идет не так, и за это несет ответственность тот, кто так работал. Похожим образом воля всего Бытия работает на всех, но обязанностью каждого является выполнение этой воли; если мы рассмотрим это повнимательнее, мы обнаружим, что эта воля — также и наша воля, а когда мы действуем против нее, мы не получаем никакого удовлетворения, ибо мы не выполнили нашу собственную волю. Мы, — это как бы шест, на одном конце которого ограниченный человек, а на другом — совершенное “Я”.

В поисках, как выполнить волю Бога, наше отношение должно быть подобно отношению ребенка, которого от неправильного поступка удерживает мысль, что он может огорчить своих родителей. Вот так же мы должны следить за каждой нашей мыслью и действием, чтобы они не были неприятны Богу, совершенному “Я”. Здесь можно задать вопрос: “Получается, что люди, обладающие разумом, должны были отдаться совершенной или божественной воле, что представляется противоречащим идеалу свободы?” На этот вопрос можно ответить так. Предположим, что кто-то желает двигаться вперед, а его ноги движутся в противоположном направлении; или кто-нибудь хочет посмотреть вверх, а глаза, против его воли, смотрят вниз — была бы тогда жизнь счастливой, если бы ноги и глаза так поступали только по своей собственной воле? Ответ, конечно, нет, ибо делая так они идут против воли всего человека. Подобным образом дисгармоничная свободная воля, которую можно назвать грехом, беспокоит

целое Бытие, гармония которого проявляется в каждом человеке — от самого великого до самого незначительного, от высшего до низшего.

ГЛАВА XIX. ФИЛОСОФИЯ ВОСКРЕСЕНИЯ

Слово “Воскресение” мы находим не только в Библии, но также в Коране и в других священных писаниях. То, что истинно, становится ложным, если его неправильно понять; но даже ложь становится правдой, если ее понять правильно.

Следующий ниже рассказ поможет объяснить значение слова “Воскресение”. Был как-то один царь, который хотел, чтобы его сын испытал все аспекты жизни, и по этой причине он держал его в неведении о том, что он — князь. Он приказал построить дворец на семь этажей. Нижний этаж был очень простым и безыскусным. Убранство каждого следующего этажа становилось все более изысканным, — до седьмого этажа, который был отделан с величайшей роскошью и был действительно жилищем, достойным царя. Маленького князя отправили, с его няньками и прислужниками, жить на первый этаж; и в этом простом окружении он жил в довольстве и счастии много лет.

Когда он вырос, он стал любопытным и он спросил, есть ли что посмотреть на других этажах дома. Слуги ему ответили, что есть еще шесть этажей, и он волен осмотреть их. Ему также сказали, что он может подниматься вверх при помощи лифта. Мальчик вошел в лифт, но взял с собой веревку — и он не отпускал ее, потому что хотел быть уверенным в том, что вернется на нижний этаж, который он так хорошо знал. И вот таким образом он исследовал все семь этажей. Отец был твердого мнения, что сына нельзя будет называть Князем до тех пор пока он сам не поднимется вверх и не исследует дворец, который в конечном счете ему и принадлежал.

Семь этажей, что упоминаются в этой сказке можно истолковать как семь уровней существования, и они принадлежат нам по праву наследования. Нас поместили на нижнем этаже, на земле, так как у нас есть работа, которую там надо выполнить. Самая главная работа, которую нам предстоит сделать — это позаботиться обо всех семи этажах. Учитель, Иисус Христос, прошел через все семь уровней и оставил завет: “Будьте совершенны, как совершенен ваш Отец на небе.” Это состояние совершенства проходит от ограниченного до неограниченного существования. Лифт — это дыхание, и когда наше физическое тело добирается до следующей двери, оно не может удерживать дыхание, и это и есть смерть.

Фактически, благодаря смерти душе беспрепятственно проходит на высшие уровни существования, и в этом заключено значение Воскресения. У Воскресения есть два аспекта: негативный и фактический. Негативное Воскресение происходит, когда мы переезжаем на высшие уровни существования на лифте, то есть, при помощи дыхания, и держимся за веревку, то есть, наше физическое тело, после чего возвращаемся обратно на первый этаж — на землю. Это и есть значение слов Корана: “Умри до смерти”. Это негативное Воскресение и есть учение суфиев, а так же сама цель той медитативной жизни, которую они ведут. Она устраняет страх смерти, и смерть становится “мостом, который соединяет друга с другом”. Иисус, покидая землю, оставил там навечно свое физическое тело, и это было позитивным воскресением.

Когда мы спим и видим сны, мы покидаем свое физическое тело и какое-то время живем в нашем тонком теле. Тонкое тело — это точная копия нашего физического тела; они оба получают впечатления друг от друга и совершенно одинаковы. Это позволяет ответить на вопрос, как Иисус предстал перед своими учениками в том, что они приняли за физическое тело. Он обещал им, что вернется, и именно их искреннее желание и любящая преданность создала его присутствие. Вся наша вселенная была создана силой ума. Сила эта есть у каждого из нас и наша способность создавать пропорциональна искренности и реальности наших желаний. Так было с верными учениками Христа. Ведь это их искренняя любовь и желание создали присутствие их Господа.

ГЛАВА XX. МУРШИД

Муршид — это тот, кто внутри восприимчив по отношению к слову Бога (?); это тот, кто стал просвещенным, и это тот, кто поддерживает единение с Богом.

Есть два вида муршидов. Сначала идет тот муршид, который получает вдохновение в джунглях или в уединении, и, когда он достигнет осознания полноты послания, он выходит к людям и ищет себе подходящего талиба или мюрида, то есть того, кто окажется восприимчивым, кому он сможет передать это послание, ибо свет должен найти себе выражение. Чтобы этот свет проявился, учиться не обязательно. Величайшими учителями мира бывали самые безграмотные. Характерный пример этого — Кабир, ткач, писавший тома стихов под влиянием вдохновения. Его стихи были написаны на языке безграмотного человека, но, несмотря на это, их читают, и ими восхищаются по всей Индии, а самого Кабира рассматривают как одного из самых великих и просвещенных учителей. Такой класс муршидов собирает вокруг себя мюридов, которые способны быть восприимчивыми и которые будут пассивно принимать его учение. Для некоторых людей это трудно, они говорят, что не могут отдать свою индивидуальность кому-то другому. Но если мы рассмотрим этот вопрос, мы можем спросить себя: “А кто этот другой?” Тогда мы поймем, что в истинном смысле бытия есть только одно. Когда спадает покров невежества, больше не существует ни “я” ни “Ты”, существует только Один. Таково учение Библии и всех священных писаний. Муршид и мюрид — это одно целое.

Другой вид муршидов — это Калифы, то есть те, кто принадлежат к особым школам, таким как Чишти, Кадири, Накшбанди, Сухраварди; и те, кто основывают свое обучение на внимательном и целенаправленном наблюдении за людьми, их характером и склонностями. Они учат той же самой истине, что и тот класс суфиев, но следуют методу, адаптированному так, чтобы он подходил вере, верованиям, природе и манерам людей, которые поступают под их опеку. Система — это только внешняя оболочка, пальто как оно есть. Многие заявляют, что о суфизме знают все, всего лишь читая о нем в книгах, однако то, что эти люди знают, на самом деле является лишь системой, внешней оболочкой, а не внутренней истиной.

Некоторые люди, видевшие, что суфизму учат мусульмане, молящиеся в мечети, естественно, называют его ветвью ислама; но они не знают, что семечко, которое обнаружили в плоду, изначально было корнем того самого растения. Те, кто видят его в одеждах индуизма, говорят, что он развился из индуизма; те, кто замечают его сходство с буддизмом, говорят, что он произошел от буддизма.

Теперь послание суфизма читают на Западе, где люди, в основном, христиане, и так как он должен быть адаптирован к вере, верованиям, обычаям и манерам населения, то человек, который не знает настоящей идеи суфизма, может сказать, что это новая секта христианства. Но пусть люди называют его так, как хотят. Суфизм — это сущность всей религии, и его мало заботит, какую веру люди исповедуют, при условии, что они будут правильно понимать.

На Востоке много таких школ. Быть посвященным в одну из них — это огромное духовное преимущество, так как посвященный получает помощь не только от своего муршида, но и от всех предыдущих муршидов, перешедших по другую сторону. Он, по сути дела, становится звеном в цепи. Муршид подобен садовнику, который знает в своем саду все цветы, плоды и растения, и который аккуратно ухаживает за ними. Таким же образом муршид ухаживает за теми, кто доверил себя его руководству.

Муршид также подобен врачу. Он прописывает каждому мюриду, лекарство, адаптированное под его потребности. Нельзя давать всем одно и то же лекарство.

Настоящий муршид считается мостом, соединяющим своих мюридов с их Господом. Он, по сути дела, является привратником во дворце царя, и может довести только до внутренней двери, которая ведет в присутственную палату. Муршид гораздо более велик, чем земной сюзерен, ибо

своим взглядом или своим словом он может изменить жизнь того, кто приходит к нему по доброй воле, ибо его царство — это Царство Небесное, имеющее власть над всеми царствами земными. Хафиз говорил: “Не обманывайся видом изодранных рукавов дервиша, ибо под этими рукавами, у которых заплата на заплате, скрываются самые сильные руки”.

Муршид желает всех земных, равно как и небесных благ, для своих мюридов, но он мало может сделать там, где нет восприимчивости и веры. Муршид придает гораздо большую важность жизни своего мюрида, чем пунктуальности его медитации. Он учит, что гораздо более важно воспитывать в жизни такие качества, как доброта, великодушие и любовь. И только тогда, когда мюриду не удастся их воспитать, муршид не способен передать ему вдохновение, ибо мюрид стоит в своем собственном свете.

Рассказывают историю про одного мюрида, который несколько лет жил под руководством муршида, но так своей цели и не достиг. Он видел, как многие приходили и уходили вдохновленными. Наконец, он пошел к муршиду и спросил, почему так происходит. Муршид сказал в ответ: “Сын мой, вина-то не во мне, а в тебе”. В это время мимо проходила бешеная собака. Муршид взглянул на нее и она тут же вылечилась от своего бешенства. Тогда он ответил, что дело не в недостатке энергии со стороны муршида, но в недостатке восприимчивости мюрида. Хафиз говорил по этому поводу: “Теми, чья судьба темна, просвещенные руководить не могут”.

МЕТАФИЗИКА. ОПЫТ ДУШИ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ

ГЛАВА I. НАШЕ СТРОЕНИЕ

1 — Наше физическое строение

Наше физическое тело состоит из пяти основных элементов, которые составляют даже всю вселенную. Кожа, плоть, кости, выказывают земные качества; кровь, пот и слюна отображают элемент воды. Теплота тела и пищеварительный огонь в системе означают элемент огня. Дыхание и его скрытая работа внутри тела, позволяющая нам растягиваться и сокращаться, и не позволяющая нам оставаться неподвижными ни на одну минуту, отображает элемент воздуха. Элемент эфира, содержащийся в нас — это тот, что управляет нашей деятельностью и постепенно потребляет все другие элементы. Именно по этой причине ребенок более активен, тогда как пожилой человек ведет себя тихо и склонен к бездействию.

Все вышеперечисленное — это грубое объяснение различных частей тела, отображающих различные элементы. Соотносятся они следующим образом: кости — с элементом земли, плоть — с водой, кровь — с огнем, кожа — с воздухом, волосы — с эфиром.

Кость лишена ощущения так же как и земля. Сокращение и увеличение мускулов, питание плоти и воздействие воды на нее, как изнутри, так и извне, доказывает, что плоть соотносится с элементом воды. Циркуляция крови зависит полностью от теплоты; она движется так, как заставляет ее элемент огня. Воздух влияет на кожу. В жаркую погоду кожа становится темнее, а в холодную — светлее; при плохой погоде она становится грубой, а при хорошей — гладкой. Все различные оттенки кожи обусловлены главным образом климатическими условиями местности, где мы родились и проживаем. Волосы соотносятся с эфиром и они наименее чувствительны. Если волосы стричь или жечь, никакого ощущения не будет.

Выброс различного рода отходов обусловлен своим элементом. Фекалии — землей, моча — элементом воды, пот — огнем, слюна — воздухом, семя эфиром.

2 — Мистическое значение Тела

Человеческое тело можно поделить на две части: голова и туловище. Голова представляет собой Шухуд, духовную часть, а туловище — материальную часть, Вуджуд. У первой выражающей частью является область от макушки до подбородка, у второй — выражающей частью является верхняя половина тела.

Голова и сердце, две части тела, считаются наиболее важными факторами, ибо ученый думает, что думает мозг, а ортодокс полагает, что чувствует сердце. С точки зрения суфия оба отчасти правы, а отчасти нет. По правде говоря, мозг не думает, мозг — это средство, при помощи которого ум различает мысль в ее конкретной форме, так же как пианино не пишет музыку — это композитор пробует играть свои сочинения на пианино, и делает их для себя более ясными. Фотографический снимок делает не камера, а свет и пленка. Камера — это средство для них обоих, и так же обстоит дело с мозгом. При расстройстве в мозге, говорит ученый, человек становится умственно больным. Однако суфий считает, что с умом ничего не случилось; если что и вышло из строя, так это инструмент, благодаря которому функционирует ум.

То же самое заблуждение существует у тех, кто полагает, что сердце чувствует. Сердце, будучи центром тела, частично участвует в создании эффекта чувства изнутри, а это и есть настоящее сердце, не кусок плоти — оно чувствует, что задыхается, что оно подавлено. Депрессия ощущается как тяжелая ноша на груди, а когда тяжелые вибрации рассеиваются, тогда у человека появляется особое ощущение радости, и у него на сердце становится легче.

Это объясняет Шакк — и Садр, открытие ангелами сердца Мухаммада, когда страх, мрачность, горечь и самодовольство исчезли перед явлением божественного откровения. Темнота ведь так же рассеивается при восходе солнца.

Так как мозг — это инструмент ума, который невидим, а сердце из плоти — это носитель внутреннего сердца, которое существует вне вещества, то так же обстоит дело и с просветлением души, нашего невидимого бытия, чей свет отражается внутри этого физического тела. Когда он активен, он светит из глаз, весь внешний вид излучает его, и это заряжает все вокруг магнетической атмосферой. Этот свет, происходящий от звука, есть и свет, и эхо под куполом храма этого физического тела, хотя в реальности ни один из них ему не принадлежит. Для суфия, ищущего себя внутри себя, если он получает контроль над входом в свой святой храм — физическое тело — они гарантированы. Тогда вместо того, чтобы отразиться вовне, в виде выражения, и свет и звук — оба проявляются внутри.

3 — Природа Чувств и Их Органов

Существует пять чувств: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание... Чувства зрения и слуха являются главными. Чувство осязания ощущается через кожу, которая представляет элемент земли, и которая чувствительна к холоду и жаре. Чувство вкуса ощущается через язык, который представляет элемент воды; он различает все соленое, кислое, сладкое, острое и горькое. Обоняние ощущается через нос, канал дыхания; только он может различать запахи и ароматы. Чувство слуха представляет собой воздух и ощущается при помощи ушей, и оно в материальном теле является заменителем души.

Каждое чувство обладает двойственным аспектом, Джелалом и Джемалом, сильным и мягким аспектом жизни; они представлены в виде левой и правой сторон, их действие экспрессивно и реактивно. Поэтому хотя и чувство зрения у нас одно, глаз у нас два; чувство слуха одно, но ушей двое; обоняние одно, но две ноздри. Так обстоит дело с каждым чувством. Именно этот двойственный аспект в природе вызывает различие полов, ибо в плане духа человеческое — это человеческое, но когда он приближается к поверхности земли, он становится либо мужчиной, либо женщиной. Это, для тех кто знает, выражено в мифе об Адаме и Еве: то, что Ева произошла от ребра Адама, означает, что они оба вышли из одного и того же Духа.

В реальности есть лишь только одно чувство, и то, что воспринимается через отдельные каналы, это направление его опыта. Таким образом, каждый опыт отличен от другого. Поэтому мы можем назвать это чувство пятью чувствами, хотя в реальности оно одно.

Если в природе человека преобладает элемент воды, то чувства, относящиеся к этому элементу, будут наиболее активны. А так как дыхание за день и за ночь меняется по-много раз, то его элемент действует в соответствии с чувствами. Такова причина того, что каждое чувство требует. Тот, кто неумеренно пользуется одним из этих чувств, делает его тусклым, так же как цветочный парфюм, если его все время держать около себя, давит чувство обоняния, и подчиняет его себе. То же самое происходит со всеми чувствами. Суфий, поэтому, переживает жизнь через чувства ради опыта, а не ради неумеренного потребления; первое — это мастерство, а второе — рабство.

4 — Источник Телесных Желаний

Источник наших телесных желаний только один — дыхание. Когда дыхание покидает тело, его также покидают и все желания; и так же как дыхание меняет себе элементы, а они — земля, вода, огонь, воздух и эфир — доминируют в дыхании по очереди, так же меняются и желания. Поэтому в каком-то климате человек будет чувствовать себя голодным, а в какую-то погоду будет хотеть пить, ибо влияние погоду на дыхание зажигает в нем более одного элемента.

Строение человека очень тесно связано с желаниями тела. Здоровый человек, естественно, часто голоден и хочет пить, а нездоровый человек, под маской благочестия, может сказать: “Как же он материален!”

Все телесные желания проявляются в физиогномике человека, и нет такого желания, на которое бы не влиял какой-либо отдельный элемент. Кроме того, у каждого в физическом плане есть какой-либо преобладающий элемент; другие элементы выражены в большей или меньшей степени. От этого и зависят привычки и желания человека.

Элементы и желания соотносятся следующим образом:

(Элементы в дыхании — Желания)

Земля — Дефекация

Вода — Мочеиспускание

Огонь - Жажда

Воздух — Аппетит

Эфир — Страсти

Всегда существует возможность спутать желание с вожделением, которое является не телесным желанием, а желанием ума, который чувствует свою радость через телесное желание. Даже если нет телесных желаний, ум заставляет и принуждает тело желать. В таком аспекте каждое телесное желание становится неуместным, нежелательным и порабощающим.

Душа, во время удовлетворения каждого телесного желания, спускается сверху на землю. Именно это и объясняется в мифе про Адама и Еву, когда их изгнали из рая и сбросили на землю. Это говорит видящему, что рай — это уровень, на котором душа беспечно обитает, в своей собственной сущности и самодостаточности, а земля — это тот уровень, где душа переживает преходящие радости при помощи удовлетворения телесных желаний, зависящих от внешних объектов.

Душа становится пленницей в физическом теле, которое подвержено смерти и гниению; она забывает свободу и покой своего изначального вместилища. Вот поэтому суфий иногда испытывает удовлетворение желаний, а иногда воздерживается от них силой воли, чтобы позволить душе испытать свою изначальную радость в своей собственной сущности, независимой от ума и тела. Поступая так, душа узнает свое первое и последнее место пребывания, и она использует тело, то есть свое земное жилище, чтобы получить опыт жизни на земле. Поэтому, с суфийской точки зрения, нежелательно убивать телесные желания абсолютным или частичным отказом от них, равно как и неумеренно следовать им, отдавать свою жизнь им в рабство. Суфий предполагает владеть желаниями, а не быть владением их.

5 — Источник Эмоций

Источником наших эмоций является дыхание, чистота которого несет сияние, а загрязненность — путаницу. Так как дыхание изменяется от одного до другого элемента, оно порождает в нас склонности к определенным эмоциям, и, в зависимости от силы нашей воли, мы либо контролируем, либо поддаемся его неправильному выражению.

У каждой эмоции есть свой цвет и вкус. Каждая эмоция развивается в другую, потому как пропорциональность деятельности ума, увеличение или уменьшение ее, производит эмоции. Ни одна эмоция не является нежелательной до тех пор, пока она находится под влиянием силы воли, но, когда из-под контроля уходит даже самое незначительное ее воздействие, — это уже грех. Страх несет влияние элемента земли, симпатия — влияние элемента воды, гнев — элемента огня, юмор — воздуха, а печаль — эфира.

Природа элементов подобна цветам, светлые цвета делают их бледными, темные — глубокими и насыщенными. Так же обстоит дело и с эмоциями: свет разума заставляет их бледнеть, а недостаток разума делает их глубоко выраженными. При свете влияние элемента земли порождает осторожность; влияние воды при свете — благодушие, огонь в сочетании со светом — задор, воздух в сочетании со светом — радость, а эфир в сочетании со светом — покой.

Если вы поддадитесь эмоциям хотя бы раз, помните, что другие эмоции, которым поддаваться вы вовек бы не пожелали, также могут захватить вас, ибо энергия, которая надевает на себя, в виде влияния различных элементов оболочку различных эмоций, одна и та же. По сути дела, есть только одна эмоция. Контролируя себя мы управляем всем, что есть в

мире.

6 — Строение Ума

Ум состоит из пяти способностей. У нас на руке по пять пальцев, физический мир состоит из пяти основных элементов. И так же как эфир является элементом отдельным от земли, воды, огня и воздуха, но, все таки, содержит в себе все эти элементы, так и та способность, что мы называем сердцем, отделена от остальных четырех, но все-таки в себе те четыре способности содержит.

Особой задачей сердца является чувствовать и производить эмоции из себя. Вторая способность — это ум; его задача — думать и производить мысли. Третья способность — это память, ее задача — собирать и копить впечатления. Четвертая способность — это разум; его задача — различать и решать. Пятой способностью является эго, которая заставляет человека думать о самом себе и обо всем ином, как об отдельных сущностях.

Слово “сердце” в метафизике означает главный центр ментального уровня. Кусок плоти, что мы называем сердцем — это чувствующая часть внутри нас, которая ощущает воздействие любой радости и боли ранее любого другого органа. И из этого центра дыхание проводит работу по распространению всей энергии по физическому телу. Поэтому и суфий действует через этот центр физического тела, когда желает дать впечатление определенной мысли своему абсолютному “я”; однако наивысшее развитие заключается в очищении мистическим процессом всех упомянутых ранее способностей, и в подчинении их.

7 — Влияние Ума на Тело и Тела — на Ум

Трудно с первого раза сказать, создается ли ум впечатлением от внешней части себя, или впечатлением части внутренней, которая образует тело. По правде говоря, каждое делает свое дело: тело создает ум, а ум создает тело. Мысль о болезни приносит болезнь в тело, а мысль о молодости и красоте развивает эти качества; и, в то же самое время, чистота тела помогает навести чистоту в уме, сила теле дает храбрость уму.

Каждое изменение в мышцах и чертах тела происходит под влиянием ума. Другими словами, ум рисует картину тела, своего носителя в жизни. Гнев, ненависть, предрассудки, горечь и злые мысли действуют на физическое “я” еще до того, как проявятся сами. В своих мышцах, своем лице человек показывает свою глупость, которую невозможно скрыть от глаз видящего. То же самое с любовью, добротой, уважением, сочувствием и всеми добрыми мыслями и чувствами. Все показывает себя в лице и форме и дает доказательство правоты против тысяч обвинений.

Грех и добродетель не оказывают никакого воздействия на человека, если это не произвело впечатлений на ум. Также не повлияют на внешнее тело ни хорошие, ни плохие мысли, если впечатления от этого будут немедленно стираться в уме. Мудрецы на Востоке поэтому и овладевают концентрацией, чтобы с ее помощью стирать то, что нежелательно, так как человеку свойственно ошибаться. Но человек достигает такой силы, аккумулируя в уме все хорошее, что только может, таким образом зло, естественно, вытесняется. Постоянно так практикуясь, человек становится мастером.

8 — Душа Сама по Себе

Душа сама по себе — это ни что иное, как сознание, которое охватывает все. Но, когда это сознание становится ограниченным, попав в окружение элементов, и в этом состоянии заключения его и называют душой.

Китайцы, при описании души, используют сравнение с пчелой. Это символ, на самом деле означающий глаз, зрачок которого подобен пчеле; другими словами, природу души можно изучать при помощи природы глаза. Все предметы, представляющиеся глазу, отражаются в нем на краткий миг, а когда глаз поворачивает в другую сторону, отражения уже нет. Он получил

его лишь на миг.

Такова и природа души. Молодость, старость, красота, уродство, грех или добродетель — все это предстает перед душой в процессе физического или ментального существования, а сама душа, заинтересованная в отражении, может на какое-то время увлечься отраженным объектом, привязаться к нему. Амир Минаи, индийский поэт, говорил: “Как бы крепко меня ни держали земные связи, разорвать их можно быстрее чем за миг. Я порву их, повернувшись в другую сторону”.

Каждое переживание на физическом или на астральном плане, это всего лишь сон перед душой. Считать это переживание реальным есть невежество. А происходит так, потому что она не может видеть себя, так же как и глаз видит все кроме себя. Поэтому душа идентифицирует себя со всем, что видит, и меняет свою собственную аутентичность с переменной постоянно меняющегося видения.

У души нет ни рождения, ни смерти, ни начала, ни конца. Грех затронуть ее не может, равно как и добродетель — возвысить ее. Ее не может вывести на свет мудрость, а невежество — затемнить. Она всегда была и всегда будет. Она — сама сущность человека, а все остальное — это оболочка. Раскрытие души происходит ее собственной силой, что приводит к ее прорыву через пути низших уровней. Она свободна по природе и ищет свободы, находясь в заточении. Все святые в мире стали такими, освободив свою душу; ее свобода — это единственная цель, что есть в жизни.

9 — Душа и Ум

Душа и ум, это то же самое, что вода с солью. Ум происходит из души так же как соль — из воды; и проходит какое-то время пока ум погрузится в душу, так же как пока соль растворится в воде. Душа не может существовать без ума, а ум — без души, но душа становится чище, если нет ума, или если она им только покрыта.

Ум, покрывающий душу, подобен сфере, грешный ум делает душе грешной, добродетельный ум делает душу добродетельной, — не по природе, но по воздействию, так же как красное стекло делает свет красным, а зеленое — зеленым, хотя на самом деле свет ни красный, ни зеленый; он вообще не имеет цвета, цвет — это только его оболочка.

Душа становится счастливой, когда в сердце есть счастье, и она становится жалкой, если в мыслях — убогость. Душа взлетает высоко, вместе с высотой воображения; душа исследует глубины вместе с глубиной мысли. Душа постоянно движется с движением ума, и она обретает покой, когда мир находится в состоянии покоя. Ничто из вышеперечисленных состояний ума не изменяет истинную природу души, но какое-то время кажется, что наоборот. Душа — это райская птица, вольный обитатель небес. Ее первой тюрьмой является ум, второй — тело. Там она становится не только задержанной, но и арестованной. Все стремление суфия в жизни — это освободить душу из-под ареста, что он и делает, завоевывая и ум и тело.

10 — Душа, Ум и Тело

Душа — это носитель ума, созданный умом; так же как и ум — носитель души — создается душой. Тело, другими словами, можно называть носителем носителя. Душа является личностью и характером обоих. Ум кажется живым, но он живет не своей жизнью, а жизнью души. То же самое происходит с телом, которое кажется живым из-за контакта с умом и душой; но когда оба отделяются от нее, оно становится трупом.

На вопрос, действует ли ум на тело, или тело действует на ум можно ответить таким образом: естественно, ум должен действовать на тело, но обычно тело действует на ум, так происходит, когда человек пьян, или когда у него умственное расстройство от лихорадки. Таким же самым образом можно понять соотношение души и ума: естественно, душа должна действовать на ум, но обычно ум действует на душу.

Ум перед душой не может создать ничего более иллюзии радости или горя, или знания, или незнания. А все, что может сделать тело для ума, это вызвать легкую путаницу на какой-то

момент, исполнить свое собственное желание без контроля со стороны ума. Поэтому все греховное, злое и неверное — это то, что насильно было введено от тела в ум, а из ума — в душу; а все, что добродетельно, хорошо и верно — это то, что идет от души к уму, а от ума — к телу. В этом и заключается истинный смысл молитвы Христовой: “Твое да исполнится на земле, так же как и на небе”. Другими словами, это означает, что “Тому, что Ты замыслил в душе, будет подчиняться ум, а тому, что Ты вложил в ум, будет подчиняться тело”. Таким образом, тело не может стать повелителем ума, а ум не может стать властителем души.

Душа — это наша реальная сущность, при помощи которой мы понимаем и создаем собственную жизнь. Когда тело, вследствие того, что потеряло силу и магнетизм, утрачивает связь с умом, наступает кажущаяся смерть, — то есть та, которую все называют смертью. Тогда опыт жизни души остается только на одном носителе, который называется умом и который содержит в себе свой собственный мир — фотографии опыта на земле, на физическом уровне. Если он полон радости, тогда он становится раем, и адом — если наполнен печалью. Слабость ума, когда он утрачивает связь с душой, становится чистилищем. Когда ум теряет эту связь — для души наступает конец света. Но сама душа жива — это дух вечного Бытия, и у нее нет смерти. Она вечная.

ГЛАВА II. ОПЫТ ДУШИ

1 — Опыт Души при Помощи Тела

Душа получает опыт жизни как при помощи ума, так и при помощи тела. Без посредничества ума тело не смогло бы действовать как надлежит носителю души. Если коротко, ум — это носитель души, а тело — это носитель ума. Многие полагают, что мозг думает, а сердце чувствует, но, на самом деле, мозг дает возможность уму думать конкретно, а физическое сердце, дает возможность сердцу, то есть фактору чувства, чувствовать ясно.

Душа стоит отдельно, — как зеркало, в котором отражается любое действие ума и тела. Душа выполняет свою цель при помощи этих носителей, ту цель, что была поставлена ей еще до начала ее проявления. Насколько велика эта цель, настолько велика и сила, что душа прикладывает к ее выполнению; и насколько красива эта цель, настолько красивым становится и разум для ее выполнения. Об этом очень хорошо сказано у Саади: “Каждая душа рождается для определенной цели, и свет этой цели горит в той душе”.

2 — Опыт Души при Помощи Других Существ

Здесь мы прежде всего должны понять, что душа — это неделимая часть всеобъемлющего сознания. Она неделима, потому что она — абсолютное Бытие; она целиком заполнена всем Существованием. Часть ее, которая отражается под каким-то именем или формой, становится сравнительно более осознающей объект, отраженный в ней, чем нежели другие объекты. Наш ум и тело, отразившись в части всеобъемлющего сознания, делают эту часть сознания индивидуальной душой, которая на самом деле является универсальным духом. Эта индивидуальная душа получает опыт внешнего мира при помощи тел, отраженных в ней, а именно нашего ума и тела.

Если мы подумаем о каком-то предмете или существе, забывая о самом себе, то этот предмет или существо отражается в нашей душе. Мы сами становимся этим предметом или существом, которое отражается в тот момент в нашей жизни, и мы знаем все об этом предмете или существе, что отражается у нас в душе, — более чем мы знаем о самих себе, что на самом деле, нами самими не является.

Именно эта тайна объясняет телепатию, чтение мыслей, наваждение духов и общение с духами. Сфокусировав нашу душу, при помощи воспринимающего ума, на ум другого

человека, мы читаем его мысли. Сфокусировав ее при помощи выражающего ума, мы посылаем телепатическое сообщение. Когда дух фокусирует свою душу, при помощи выражающего ума, на ум другого человека, он делает его одержимым. Когда мы фокусируем нашу душу, при помощи выражающего ума, мы общаемся с духом по ту сторону и помогаем ему. А когда мы фокусируем нашу душу, при помощи воспринимающего ума, на дух, мы получаем послания от духов.

Мы можем учиться у муршида, быть вдохновленным пророком, или просветленным светом Бога, не учась, без всяких упражнений и усилий с нашей стороны, если мы только знаем, как правильно фокусировать свою душу в любом желаемом направлении.

3 — Опыт Души при Помощи Других Предметов

Пока душа не пробудилась для своего величия, она полна бедности, вызванной своими ограничениями. Предметы, от которых человек зависит в жизни, и предметы, которыми человек восхищается и которыми желает обладать, кажутся слишком далекими, чтобы он их смог достичь — не потому, что у его души короткие руки, но потому что душа — пленница и знает только лишь как управляться с материальными руками, которые не достигают более ярда в длину.

Другая причина разочарования души жизнью, это то, что она отсоединяет себя от предметов и существ, что есть вокруг нее, концентрируя себя на ограниченных носителях — уме и теле, носителях, направленных на нее, и при помощи которых она получает опыт жизни. Она называет их “мое человеческое я”, тем самым ограничивая свою далеко идущую силу и разум.

Когда душа пробуждается, нет такого существа, такого предмета, который был бы от нее слишком далеко, чтобы его достичь, и так как она становится более приспособленной к видению сквозь человека, она становится способной видеть и через другие вещи. Таким образом, душа видит сквозь все предметы, знает, как их использовать, их назначение в жизни; и она использует их для их лучшего применения в жизни.

Душа не только познает предметы и тайну из природы, но она предметы и привлекать может; она может строить и разрушать предметы, ее сила становится гораздо большей, чем можно это объяснить словами.

Те, кто не видят, а верят во внешние улики, — для них душа словно мертвая, и они настолько ограничены сами, насколько ограничено их тело. Те же, кто осознал Бога, всезнающего и всемогущего, кто осознал Его силу и разум в своей душе, они, в зависимости от своего уровня развития, наследуют силу и разум нашего небесного Отца. Руми говорил: “Земля, вода, огонь и воздух, кажутся предметами человеку. Но, видящему, они кажутся живыми существами, готовыми в любой момент выполнить приказ нашего Господа, Бога вселенной.”

4 — Опыт Души при Помощи Ума

У ума есть пять способностей: способность чувствовать (сердце), способность думать (ум), способность разумно рассуждать (сознание), способность помнить (память), способность идентифицировать (эго)

Душа подобна свету в этой комнате с пятью углами, ибо душа воспринимает чувства, мысли, память, разум и идентичность, и отождествляет себя с ними. На самом деле она отделена от них. Изменение мысли или чувства не меняет душу. Но, так как душа не может видеть себя, она думает (при помощи эго): “Мне грустно” “Я радуюсь” или “Я помню” или “Я забыла”. Душа не делает ничего этого; все это работа ума, но так как душа себя не видит, она отождествляет себя с тем, что видит на тот момент.

На самом деле свет души поддерживает ум в рабочем порядке. Когда ее свет чем-то накрывают, в жизни наступает путаница, а вся интуиция и вдохновение приходят, когда душа открывает свой свет. Когда ум не в порядке, душа не может правильно понимать вещи; ум — словно телескоп перед душой. Поэтому необходимы обе вещи: ум, находящийся в порядке, и

душа, полностью сфокусировавшаяся на уме.

5 — Опыт Души при Помощи Других Существ

Ум подобен зеркалу, и каждая мысль, приходящая на ум, отражается в этом зеркале. Если зеркало с каким-то отражением будет направлено на другое зеркало, в том зеркале появится то же самое отражение.

Так же происходит и с умом. Для мистика, который развит достаточно, чтобы все сделать правильно, просто получить отражение с ума другого, или выстрелить отражением своего собственного ума в ум другому. Первое называется чтением мыслей, а второе — ментальным внушением; и, развивая эту силу, человек сможет общаться не только с живыми, но и с духами. Вопрос здесь в том, кто должен это делать, а кто нет. Идти в толпу маленькому ребенку не советуют, но это не значит, что то же самое должно быть применено к взрослому человеку. Следовательно, этому могут учиться незгоистичные и мудрые, дабы эти достижения можно было бы использовать наилучшим образом.

6 — Опыт Души при Помощи Сердца

Сердце подобно сфере, охватывающей свет души, и ее различные эмоции — это различные цвета этой сферы. Каждая эмоция создается определенным элементом. Получая опыт жизни при помощи сердца, душа в тот момент думает: мне грустно, или мне радостно, или страшно или смешно. Когда влияние одного элемента меняется, эмоция прекращается и душа остается такой же чистой, как и была раньше. Ничто не касается ее. Она чиста от природы и чистой всегда останется. Если десять человек по очереди будут смотреться в зеркало, оно покажет каждому его отразившееся лицо, и оно останется достаточно чистым, чтобы отразить еще кого-нибудь. Под конец, зеркало останется таким же чистым, как и раньше — ни одно лицо, что отразилось в нем, не оставило на нем впечатления.

Существует девять различных эмоций, которые душа переживает при помощи сердца, и на которые влияют соответствующие элементы. Это:

(Эмоции – Элементы)

Юмор – Воздух

Радость – Эфир

Печаль – Земля

Страх – Эфир и Воздух

Жалость – Вода

Храбрость – Огонь и Воздух

Равнодушие – Эфир, Воздух и Земля

Страсть – Огонь

Гнев – Огонь и Воздух

7 — Опыт Души при Помощи Сердца Другого

Душа иногда получает опыт жизни при помощи сердца другого. В случае с живущим человеком, это можно сделать только, когда он стал мастером гармонии и концентрации. Но дух, который покинул свое тело на земле и перешедший по ту сторону, становится мастером, ибо у него становится одним носителем меньше, — из того множества носителей, которые держат дух взаперти.

Секрет получения опыта при помощи сердца другого человека заключается в том, чтобы сфокусировать свое сердце на сердце другого. Это легко сделать при помощи любви, а иногда — концентрации, однако сочетание концентрации и любви позволяет овладеть им. Сердце изображается мистиками в виде зеркала, и как отражение одного зеркала может отразиться в другом зеркале, так же происходит и с сердцами. Сердце, которое принимает отражение от другого сердца, не должно иметь в себе никаких отражений, то есть в то время оно должно

быть очищено от всех прочих мыслей и чувств. Однако сердцу, что будет направлять отражение, предстоит сыграть гораздо более трудную роль. Оно должно протолкнуть свое собственное отражение через сердце, а оно может быть полно отражениями.

Поэтому читать мысли другого или знать чувства другого не так трудно, как посылать кому-либо мысли или выразить свое чувство. Это требует силы воли, хорошей концентрации, а также правильного способа направить отражение, при тонкости или чистоте мыслей и чувств.

8 — Опыт Души при Помощи Духа

У души есть две разных стороны и два разных выражения. Одна сторона — это опыт, полученный при помощи ума и тела, а другая сторона — это опыт духа. Первый называется внешним опытом, а второй — внутренним. Природа души подобна стеклу, она прозрачна; а если одну сторону закрыть, она становится зеркалом. Так же и душа становится зеркалом, в котором — если закрыть ее одну сторону — отражается внешний опыт.

Вот почему человек, хотя бы и в величайшей степени одаренный внешним знанием, не обязательно одарен знанием внутренним. Чтобы прийти к внутреннему знанию, суфий закрывает ту сторону души с тем, чтобы ее зеркальная часть была обращена к миру духов, вместо мира внешнего. Как только ему это удастся, он получает вдохновение и озарение.

Есть люди, которые по натуре интуитивны, их иногда называют экстрасенсами и ясновидами. Это объясняется тем, что та сторона из души естественно обращена к духу внутри. Их можно назвать экстраординарными или исключениями, но не мистиками, ибо мистик не желает себе такого положения. Он, концентрацией и медитацией, обретает такое мастерство, что может прикрыть душу снаружи, чтобы получить отражение изнутри; и он может прикрыть душу изнутри, когда ему нужно получить полное отражение снаружи. Здесь желателен баланс, а мастерство — это цель, которую надо достичь.

9 — Опыт Души при Помощи Чужого Духа

Душа получает опыт жизни при помощи собственного духа и также при помощи духа другого человека, — иногда сознательно, но в основном — несознательно.

Когда душа получает опыт при помощи духа другого человека, это не только наваждение; наоборот, это еще и дух другого человека, который получает опыт при помощи чьего-нибудь духа в наваждении. Чтение мыслей, знание чувств другого, получение для себя приятных впечатлений, — все это является опытом нашей души, полученным при помощи духа другого человека.

Затем бывают мечты странного характера, мысли, которые нам не принадлежат, и различные чувства, что приходят к нам без всякой причины. Это все не что иное, как опыт, полученный нашей душой при помощи духа другого человека. Сознательно такой опыт получить трудно, хотя часто мы получаем его несознательно. Человек, который сознательно может получать опыт при помощи духа другого человека, решил одну из величайших проблем жизни; ибо чтобы это сделать, он должен был бы стереть свою ограниченную индивидуальность со своей души. Он уже готов к путешествию к совершенству, ибо со временем его душа становится душой всех.

10 — Опыт Души при Помощи Абстрактного

Все, что проявляется перед сознанием, а именно мысли и чувства, со временем рождается на поверхности в мире действия, где их называют делами. И те, кто не видит их, иногда не имеют никакого представления о совершенно различных формах, которые они принимают в своем внешнем проявлении.

Иногда они появляются перед глазами человека, а иногда они проявляются далеко от его взгляда. Те, кто погружаются глубоко в себя, могут, когда прикасаются к уровню абстрактного, понять то, что только готовится проявить себя на поверхности, пройдя ум. Но примитивное

состояние этих вещей будет настолько нечетким даже для видящего, что если он не будет знать языка той сферы, он не сможет понять, что его опыт передает, хотя они, вне всякого сомнения, оказываются правыми по поводу их воздействия. Это так же трудно, как читать строки судьбы.

В суфийской терминологии такой опыт называется Анвар и Ансар. В них заключается секрет пророчества. Первый опыт постигается ушами души, так сказать, ибо первый опыт — слуховой, тогда как второй — видимый. И, все-таки, он не так ясен для слуха, как для зрения. Слуховой опыт называется яснослышанием, а видимый — ясновидением, только эти слова неверно используются теми, кто ложно заявляет о таком опыте.

ГЛАВА III. СУДЬБА ДУШИ

1 — Путешествие к Цели

У людей разные мотивы достижения знаний. Некоторые обретают их, чтобы заработать власть, оккультные или экстрасенсорные способности; некоторые — для вдохновения, некоторые — из любопытства, чтобы посмотреть есть ли действительно что-нибудь за стеной, что стоит между человеческим восприятием и незримой жизнью.

На самом деле, ни один из этих духовных мотивов не является истинным, чтобы достичь духовного прогресса. Жизнь в этом мире можно уподобить путешествию, а истинное желание души состоит в том, чтобы достигнуть своей цели. Душа — это точка, где начинается жизнь и где она заканчивается; и все религии в различные времена учили человека дороге, что казалась наиболее желательной, способу, как сделать его путешествие легким и радостным. Кто-то едет в Мекку на коне, кто-то — на верблюде, а кто-то идет пешком. Опыт и радость каждого различны, хотя все идут к одной и той же цели. Так же и у нас. Все добродетельные и зловредные, умные и глупые, что есть среди нас, идут по одному и тому же пути и в конце достигают одной и той же цели. Разница в том, что одни идут с закрытыми глазами, а другие — с открытыми; одни — верхом на слоне, а некоторые — уставшие и изможденные — идут пешком.

Поэтому мистики пытаются, при помощи изучения и практики глубокой стороны жизни, сделать путь этого жизненного путешествия мягким. Амир говорил: “Осторожно, о путники! На этой дороге много красивых мест, а вдоль нее разбойники с ворами стоят.” Истинные разбойники и воры — это наши привязанности и соблазны, что воруют у нас жизнь, каждый момент которой — это бесценная привилегия, тем самым принося нам всевозможные разочарования и горести, — а они не естественны и не принадлежат нам. Дорога этого путешествия находится внутри нас, — так же как обширное пространство, видимое нашими глазами: они не будут иметь и дюйма в ширину, но в них могут отразиться мили горизонта.

Такова истинная природа души. Она так широка. А еще есть путь, ведущий от тела к душе, от человека к Богу. Человек, сидящий у ворот, будет там сидеть, пожалуй, тысячу лет, но никогда не приблизится к цели. Но тот, кто оставляет ворота позади себя и идет вперед, достигнет цели — при помощи концентрации и медитации.

Цель суфия — это не власть и не вдохновение, хотя оба они приходят к нему по мере продвижения вперед. Его единственная цель — идти по дороге, пока не дойдет до конца. Его не страшит, сколько это может занять времени, его не беспокоит то, какую жертву ему придется принести. Он желает только одного, будь это Богом или целью, достижение которого будет его совершенством.

* * *

Хотя кто-то и видит у различных людей различные желания, все-таки он, если будет изучать их внимательно, обнаружит, что все они являются различными тропками, ведущими к

одной общей цели. Когда он это поймет, его обвинения, жалобы и придирки исчезнут сразу же. Однако у человека есть природная склонность искать самый быстрый и легкий путь к достижению желаемой цели, а также есть склонность делиться своим удовольствием, счастьем и комфортом с другими, и это все подсказывает пророкам и реформаторам помогать человечеству на его пути к цели. Те, кто следуют по их стопам, но забывают эту мораль, тянут людей за шиворот, чтобы те шли за ними, и это приводит к вырождению религий.

Христос говорил: “В доме моего Отца много домов”. Пророк сказал: “У каждой души своя собственная религия”. А еще есть изречение на санскрите, которое, возможно введет в заблуждение тех, кто не понимают его, но которое значит то же самое: “Сколько душ, столько и богов.”

Суфия поэтому никогда не волнует, какой путь человек изберет — ислама или кафира; его также не беспокоит, каким путем идет человек — путем праведности или путем зла. Ибо каждый путь кажется ему ведущим к цели, один — быстрее, другой — медленнее, один — с трудностями, другой — с легкостью. Но те, кто следует за ним добровольно, доверяя его чувству товарищества, те являются его мюридами и называют его муршидом; а он ведет их не обязательно по той же самой дороге, что выбрал для себя, но по дороге, наиболее пригодной для них.

На самом деле, цель уже находится там, где начинается путешествие. Это само путешествие и называется; это цель — в начале и в конце. Абсурдно говорить “Как испорчен я...” или “Как же я не развит, чтобы дойти до назначения!” или думать: “Сколько же это жизней потребуется до того, как я стану готовым, чтобы прийти к цели”. Суфий говорит: “Если у тебя есть мужество, и если у тебя есть чувство, иди вперед. Если ты сейчас на земле, твоим следующим шагом будет небо”. Суфий думает: “От смертности к бессмертию я повернусь так быстро и так легко, как я ворочаюсь во сне.”

2 — Цель Жизни

Глубокое изучение всего показывает видящему, что под этим всем есть какая-то цель. Но, если бы можно было бы заглянуть за каждую цель, то, показалось бы, что там нет никакой цели. Эта граница называется Стеной Улыбок, которая означает, что все цели в жизни, кажущиеся на данный момент такими важными, блекнут, как только человек посмотрит на них с той высоты, что называется Стеной Улыбок.

Но насколько можно проследить в глубину цель жизни, кажется, что есть одна конечная цель, действующая на всех уровнях жизни, и проявляющаяся в различных уровнях существования. Это как если бы Знающий, обладая Своей способностью знать, находился во тьме, желая узнать что-нибудь, и вот для того, чтобы узнать что-нибудь, он создал все. Опять же, именно желание Создателя и было той силой, что создавала; и также материализовавшаяся субстанция духа, часть Его самого стала созданием, оставив Создателя за собой как абсолютного Духа, постоянно сознающего и испытывающего жизнь через все различные каналы, разработанные с умыслом или без него.

Знающий, при помощи Своего последнего создания, человека, понимает и узнает больше, чем при помощи любого другого канала знания, такого как птица, зверь, червь, микроб, растение или камень. Этот единый Дух, получающий опыт по различным каналам, вводит в заблуждение Себя из-за заблуждения различных существ, и это есть то заблуждение, которое называется индивидуальным эго. Он испытывает, поэтому, две вещи в своем заблуждении: боль и удовольствие. Удовольствие от опыта некоторого совершенства и боль от недостатка его. Покуда покрывало этого заблуждения закрывает ему глаза, Он знает, но все-таки и не знает; это иллюзия. Он получает опыт от всех вещей, но все еще находится в спутанном состоянии. Но со временем, когда это покрывало станет тоньше, и Он начнет видеть сквозь него, то первое, что придет Ему в голову — это будет великое удивление, а затем будет знание, достигающее максимума в тщеславии, что и является целью жизни.

3 — Самореализация

Жизнь, которая вездесуща и всеобъемлюща, разделяет себя по мере того, как движется к проявлению — так же как и свет разделяется, когда посылает свои лучи. И хотя изначально цели в этом никакой нет, любая деятельность и все виды деятельности, если их сложить вместе, образуют цель или цели. Другими словами можно сказать, что цель идет после деятельности, а не до него, а если кажется, что она появилась раньше, то это результат предыдущей деятельности. Например, это правда, что наши глаза сделаны чтобы видеть, но на самом деле так происходит потому, что глаза могут видеть, что зрение — это цель глаз. Это, конечно, слабый пример, ибо ничтожность цели нельзя проследить в объектах видимых и понятных; ее можно проследить только в начале вещей.

Результат всего проявления — это, как кажется, его знание, поэтому только знание можно называть целью всего создания. Это не то знание “почему” и “где”, что может быть целью жизни, но это то знание, что дает полное удовлетворение. Там у существа не остается ни одной части, которая голодна. В знании того, что знающий никогда не сможет выразить словами, есть чувство вечного удовлетворения.

Именно такое знание мистики называют самореализацией; оно же признается некоторыми религиозно-настроенными людьми как Богосознание, а философским умом — как сознание космическое. Это знание, которое самодостаточно, и в те моменты, когда душа держит это знание перед глазами, ни боль, ни страдания, ни слабость, ни печаль, ни смерть не могут к ней прикоснуться. Ради этого знания бал создан весь мир, и этим знанием цель души на земле будет выполнена.

4 — Божественный Свет

Мистическая концепция того, что вся жизнь — это божественный свет и все создание сделано из этого света, который является светом Бога, имеет свои доказательства во всех формах создания. В горах и в скалах не необходимы отдельные и отвалившиеся камни... Это показывает, что в царстве минералов жизнь развивается коллективно. Эволюция может явить что-то отдельное в царстве растений, и так же как любое дерево можно назвать одним, то и каждый лист, цветок и плод можно назвать одним. Цветок можно назвать одним, деревья и растения, что с ним рядом, можно назвать одним, так же как ветки и траву. Развитие коллективно, но все-таки оно показывает нечто отдельное.

Отдельное можно заметить у зверей и птиц, но индивидуальность обнаруживается только у человека. Все это показывает природу света: то есть, от источника, от которого отходят лучи солнца, — они не отходят поодиночке, отдельно друг от друга, это коллективный свет; с каждым шагом вперед он разделяется до тех пор, пока под конец не примет форму отдельного луча.

У света есть две тенденции: открываться и уходить, что можно уподобить рождению и смерти. Также у него есть тенденция суживаться и расширяться. Это то же самое, что и первая тенденция, только в другом направлении. Первая движется перпендикулярно, а вторая принимает горизонтальное направление, и это именно та идея, которая символически обозначается крестом.

Эти тенденции можно видеть в каждой форме, в ее длине и ширине. В жизни есть определенное время, за которое молодой человек становится высоким; после этого предела рост продолжится в другом направлении Поэтому душа — это точка коллективного света, которая стоит отдельно от других точек, а уход каждого луча внутрь дает возможность ему слиться с коллективным светом и жизнью.

5 — Душа

Слово “душа” используют разные люди и с разным смыслом, но способ ее связи с телом доказывает, что она божественна. Поэтому суфийское понятие души — это то, что она является божественной частью в человеке. Огонь, что исходит от угля или дерева, на самом деле является частью солнца, которая есть в нем. И когда качества души поднимаются в сердце

человека и проявляются, это доказывает, что поднимается в нем божественная часть, подобно пламени в огне.

Душа есть во всех объектах, как в предметах, так и в существах, но когда ее признают душой, тогда она душой и становится. Именно о такой душе говорил один персидский суфий: “Бог спал в царстве минералов, дремал в царстве растений, проснулся в царстве животных и познал себя в человеке.” Это описание души, начинающейся в проявлении как одно и проявившейся в многообразии.

Причина, почему человек не может видеть душу, заключается в том, что это душа видит все, и душе придется раздвоиться, чтобы себя увидеть, а так быть не может. Так как сознание понимается созная что-либо, и так же как разум понимается знанием вещей, то и существование души можно доказать только чьим-нибудь существованием. Та часть, которая существует в человеке, или которая делает его существующим, та часть, которая видит, постигает, воспринимает и сознает все, будучи при этом отдельной от всех и есть душа.

6 — Судьба Души

Судьба души вместе с умом и телом — это моментальный опыт, если его сравнить с вечной жизнью души. Душа, вместе с умом и телом, подобна трем путникам, идущим вместе. Разница между ними в том, что один зависит в своей жизни от двух других — это тело; другой зависит в жизни от одного — это ум, а третий в своей жизни не зависит ни от того, ни от другого — это душа. Вот поэтому духовный человек, который понимает бытие не только как тело и ум, но и как душу, независимую от тела и ума, достигает вечной жизни. Но ради опыта жизни внешней душа зависит от ума, а ум — от тела.

Нет такого объекта или существа, у которого бы не было души, однако слово “душа” используется в обычном языке только для тех существ, что сознают свое индивидуальное бытие. Душа — это свет, ум — это мебель, а тело — это комната. Мебель может быть где угодно, а комната — это подходящее место для нее; но без света и комната и мебель окажутся бесполезными; и жизнь существовать без души не будет.

Ум создается душой, но душа не зависит от ума; так же как и тело создается умом, но ум в своей жизни не зависит от тела. Жизнь тела мы называем жизнью на земле, жизнь ума мы называем жизнью после смерти, а жизнь души — вечной жизнью. Тот, кто живет с телом, умирает с телом; тот кто живет с умом, будет жить с умом, но умрет со смертью ума, а тот, кто живет с душой — будет жить и жить вечно. Тот, кто живет со своим индивидуальным “я” будет жить столько же, сколько его индивидуальное “я” будет жить — здесь и после смерти; а тот, кто живет с Богом, будет жить вечной жизнью Бога. В Нанаке говорится, что зерно спаслось от жерновов мельницы, оказавшись в центре. Так и набожный человек, живущий с Богом, спасается от смерти.

7 — Связь Души с Умом и Телом

Душа — это зачинатель и создатель ума, а ум — это также зачинатель и создатель тела. Душа создает ум из себя, но полностью ум создается после образования тела, а душа становится духом после образования ума. Душа держит ум, а ум цепляется к душе так же как и к телу, а тело цепляется за ум. Душа держит ум до тех пор, пока его деятельность конструктивна, другими словами, душа удерживает ум до той поры, пока он занят творческой деятельностью.

Когда деятельность души принимает другое направление, она устраняет себя от ума, но ум цепляется за нее, пока у него остаются силы, хотя когда не остается ни одной части души, за которую можно бы было ухватиться, он выдыхается. Это можно заметить, когда пожилой и больной человек начинает терять свою память и интерес к думанию, разговору или слуху.

Так же ум работает с телом. Когда ум, по той или иной причине, прекращает свою деятельность, тело отсоединяется от него, ибо оно теряет точку соприкосновения с умом. Но если тело остается все еще сильным и здоровым, оно цепляется за ум; но скоро выдыхается и оно, а это вызывает смерть и болезнь. Смерть в основном вызывается уходом души и ума; редко

случается так, что она вызывается телом, его слабостью или расстройством. Когда деятельность души и ума конструктивна и направлена внутрь, тело продолжает жить и с болезнью и с расстройством; а случаи, когда люди живут с болезнью и болью годами — это доказательство тому.

8 — Излучение Души

Явления излучения души заметны каждому изучающему человеческое тело. Когда душа оставляет тело, оно, со своим совершенным магнетизмом, теряет силу, магнетизм, красоту и живость. Это доказывает, что сила, магнетизм, красота и живость принадлежат душе, но так как они выражаются при помощи тела, человек их к физическому телу и приписывает.

Если мы рассмотрим руку, мы увидим, что она не такая мощная по весу или силе, если сравнить ее с тем весом, что она может поднять. Это доказывает, что не рука поднимает вес, а что-то за ней. А также человек может заметить, что физическая сила — это не единственная сила, а реальная сила — это что-то еще.

Что касается магнетизма, нет ни такого объекта, ни живого создания, которое бы обладало таким же магнетизмом как человек. Магнетизм объектов привлекает человека, но внимательное изучение жизни показывает, что это объекты более привязаны к человеку, а не человек к ним. Если бы они только обладали разумом, чтобы показать, насколько человек их привлекает, то этот факт стал бы ясен всем.

В Индии существует суеверие, что некоторые люди могут зажигать огонь лучше, чем другие, другими словами, некоторым огонь отвечает более. В случае с растениями и животными истинность этого можно наблюдать чаще. Прикосновение чьей-то руки заставляет их увядать быстрее, чем прикосновение других; а прикосновение некоторых людей, да даже и взгляд, заставляет их умереть. Естественно, ни одно живое создание не может чувствовать магнетизм человека так, как человек, и все-таки даже птиц и зверей человек привлекает более, чем их собственный элемент. Магнетизм человека не обязательно относится к физическому телу; это его душа.

То же самое происходит с тем, что мы называем излучением или яркостью. Это есть свет, нечто совершенно отдельное от физического тела; и никакая болезнь, слабость или возраст не могут убавить его яркость, хотя здесь надо понимать, что болезнь всегда вызывается некоторым отдалением души от тела, или некой неспособностью тела удерживать свет души.

Иногда, вытягивая руки и тело человек ощущает обновленную силу, и в его ум и тело приходит живость; а иногда человек, без всякой причины чувствует депрессию и боль вообще, и кроме того — лень; и никто причины тому предположить не может, разве что это свет души закрывается или открывается. Когда он открывается, приходит живость, свежесть и сила, но когда закрывается, приходят депрессия, слабость и тьма. Зная это, мы можем осознать, что те, кто жертвуют всяким удовольствием, богатством, комфортом или властью в жизни, в поисках своей души — они оправданы, ибо “попутная” потеря большей боли — это не обязательно потеря. Те, что становятся независимыми от физического тела посредством медитации, вне всякого сомнения, испытывают состояние величайшего блаженства и достигают вечной жизни.

* * *

Сердце человека подобно сфере над светом души. Когда она покрыта пылью, естественно, и свет тусклый; когда ее почистят, света становится больше. Фактически, свет всегда один и тот же; виновата только сфера, если она не чиста. Когда это излучение светит наружу, оно проявляется не только во внешнем виде и в выражениях человека, но даже в его атмосфере. Эта сила-душа, так сказать, беспрепятственно светит наружу, и все окружение это чувствует. Излучение души — это не только сила, но также и вдохновение. Человек понимает лучше, меньше становится путаницы, а если он поглощен размышлениями о чем-то, будь это искусство, наука, музыка, поэзия или философия, он может получить ясное вдохновение, и ему открывается тайна жизни и природы.

Любовь — это наилучшее средство сделать сердце способным отражать силу-душу — любовь в смысле боли, скорее, чем в смысле удовольствия. Кажется, что каждый удар открывает в сердце дверь, из которой выходит наружу эта душа-сила. Конкретное проявление ее можно наблюдать в глубине голоса, в подборе слов, в форме предложения или фразы, позе, жесте, и особенно — в атмосфере человека, даже атмосфера говорит, хотя не каждому легко ее услышать.

Сердце можно уподобить почве. Почва может быть плодородной, а может быть и бесплодной пустыней, но та почва, что плодородна, приносит плоды. Именно ее и выбирают живые существа, в качестве места жительства, хотя многие теряются на пустынных почвах, и ведут там жизнь, полную горя и одиночества. У человека внутри себя есть обе эти почвы, ибо он — окончательное проявление. Он может позволить своему сердцу стать пустыней, где каждый живет в голоде и жажде, а может сделать его плодородной и плодоносной землей, где есть пища для многих голодных душ, детей земли, сильных или слабых, богатых или бедных, которые всегда голодны до любви и сочувствия.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ЦЕЛИ СУФИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Эти движение основано на Суфийском Послании, которое принес в 1910 году в Западный Мир Хазрат Инайят Хан.

В своих работах Инайят Хан, посвященный в одно из древних суфийских обществ, признавал основными любовь и мудрость, посредством которых человечество может осознать цель жизни. Он видел, что эти два принципа освящены в идеалах всех религий. Он считал, что почитая всех и уважая их различия, можно найти основу взаимопонимания, при котором не будет возможно, чтобы кто-либо пытался обратить в свою веру кого-то другого.

По своему видению он отправился на Запад и учил в Европе и Америке до 1926 года, когда, незадолго до своей смерти, вернулся в Индию. Он назвал свое учение Суфийским Посланием и для того, чтобы пропагандировать его, основал общество, названное Международным Суфийским Движением. В его конституции особая святость придается следующим Суфийским Идеям:

1. Есть один Бог; единственное Бытие, ничто не существует кроме Него.
2. Есть один Учитель, Руководящий Дух для всех душ, постоянно ведущий своих последователей к свету.
3. Есть одна Священная Книга, — священный манускрипт природы, единственное священное писание, которое может просветить читающего.
4. Есть одна Религия, — непрерывное движение вперед в правильном направлении, к идеалу, что выполняет цель жизни каждой души.
5. Есть один Закон, — Закон Взаимосвязанности, который можно наблюдать при помощи безличного сознания и чувства пробужденной справедливости.
6. Есть одно Братство, — человеческое братство, которое без всякой дискриминации объединяет детей земли в отцовстве Бога.
7. Есть один Моральный Принцип — любовь которая проистекает из самоотречения и цветет в благих делах.
8. Есть один Объект Похвалы — красота, которая возвышает сердце поклоняющегося ей, во всех аспектах — от видимой до невидимой.
9. Есть одна Истина — истинное знание нашего бытия изнутри и снаружи, что является основой всей мудрости.
10. Есть один Путь — уничтожение ложного эго на самом деле, что поднимает смертного к бессмертию, и в чем заключается все совершенство.

Движение ставит следующие Задачи:

1. Осознавать и распространять знание единства, религию любви и мудрости, так чтобы отклонения вер и верований могли бы отпасть сами по себе, чтобы человеческое сердце могло исполниться любовью, а всю ненависть, вызванную различиями и разногласия можно было искоренить.
2. Открывать свет и силу, сокрытую в человеке, секрет всех религий, власть мистицизма и сущность философии, не вмешиваясь в обычаи или верования.
3. Содействовать сведению вместе двух противоположных полюсов, Востока и Запада, при помощи взаимообмена идеями и идеалами; тому, что Вселенское Братство может быть создано изнутри, а человек может встречаться с человеком вне узких национальных или расовых границ.

По поводу целей Движения мы приводим ниже слова Инайят Хана.

“Целью суфийского движения является работа на единство. Его главная задача, это свести вместе человечество, разделенное на такое множество групп, к более глубокому пониманию жизни. Это приготовление к служению миру, представленное главным образом тремя способами. Первый — это философское понимание жизни; другой — это установление братства между расами, народами и верованиями, а третий — это удовлетворение величайшей

потребности мира, которая является религией сегодняшнего дня. Работа Движения — принести в мир ту естественную религию, которая всегда была религией человечества: уважать верования, священное писание и учителей друг друга. Суфийское послание — это эхо того же божественного послания, что приходило всегда и всегда будет приходить, чтобы просветить человечество. Это не новая религия: это то же самое послание, которое было дано человечеству. Это продолжение той самой древней религии, которая всегда существовала и будет существовать всегда, религия, которая принадлежит всем учителям и всем писаниям.

Суфизм сам по себе — это не религия и даже не культ с четкой или определенной доктриной. Суфизму нельзя дать более лучшего объяснения, кроме как сказать, что человек имеющий знания как о внешней, так и о внутренней жизни, — это суфий. Поэтому основателя суфизма нет ни в каком периоде истории, но суфизм существовал во все времена.

Современное суфийское движение — это движение представителей различных народов и рас, объединенных в идеале мудрости; они считают, что мудрость не принадлежит никакой отдельной религии или расе. Это божественное качество, которое унаследовало человечество, и именно при таком понимании суфии, невзирая на то, что принадлежат к различным национальностям, расам, верованиям и верам, все-таки объединяются и работают ради человечества в идеале мудрости.

Суфийское послание предупреждает человечество, что жизнь надо узнавать лучше, и достигать свободы в жизни; оно предупреждает, чтобы человек делал то, что считает хорошим, справедливым и желательным; оно предупреждает его о том, что перед каждым делом он учесть его последствия — изучая саму ситуацию, свое собственное отношение и метод, к которому ему следует прибегнуть.

Суфизм не только направляет тех, кто настроен религиозно, кто мистик и кто визионер, но также суфийское послание дает миру религию сегодняшнего дня, и это — сделать жизнь религией, превратить занятие или профессию в религию, сделать идеал религиозным идеалом. Цель суфизма — это объединение жизни и религии, которые пока что кажутся отделенными друг от друга. Если человек ходит в церковь раз в неделю, а все остальные ее дни посвящает своему бизнесу, какую пользу он сможет извлечь из религии? Поэтому учение суфизма — это как превратить повседневную жизнь в религию, так, чтобы каждое дело могло приносить какие-либо духовные плоды.

Метод реформирования мира, который принят сегодня у различных организаций — это не метод Суфийского Движения. Суфии полагают, что если зло заразно, то добро должно быть еще более заразным. Глубина каждой души — это добро; каждая душа ищет добра, и при помощи усилий людей, желающих делать добро в мире, сделать можно многое, даже больше, чем сможет достичь материалистическая организация. Несомненно, для общего блага нужно решать политические и экономические проблемы, но это отдалит людей от прогресса, ибо только индивидуальный прогресс, движение вперед по духовному пути может принести миру желаемое состояние.

Суфийское послание — не для отдельной расы, народа или церкви. Это призыв объединиться в мудрости. Суфийское Движение — это группа людей, принадлежащая к различным религиям, которые не расстались с ними, но научились понимать их лучше, и их любовь — это любовь к Богу и человечеству, а не к отдельной его части. Главное дело, которое Суфийское движение должно выполнить — это установить лучшее понимание между Западом и Востоком, между народами и расами мира. А нота, по которой в настоящее время ударяет суфийское послание — это нота, которая озвучивает божественность человеческой души. Если и есть какой-то моральный принцип, который несет Суфийское Движение, то он таков: все человечество подобно одному телу и любой орган этого тела, который поврежден или болеет, может косвенно нанести вред всему телу. И так как здоровье самого тела зависит от здоровья каждой его части, то и здоровье всего человечества зависит от здоровья каждого народа. Кроме того, тем, кто сейчас пробуждается и чувствует, что сейчас наступает момент узнать больше о глубокой стороне жизни, об истине, Суфийское Движение протягивает руку помощи, не спрашивая к какой религии, секте или догме они принадлежат. Знание суфия полезно для каждого человека — не только для того, чтобы прожить свою жизнь правильно, но и по

отношению к его собственной религии. Суфийское Движение не отзывает человека от его веры или церкви, оно призывает его жить ей. Короче говоря, это движение, инспирированное Богом, чтобы объединить человечество в братстве и в мудрости.

Из Суфийского Послания Хазрат Инайят Хана, том IX.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

ФОНД ПАМЯТИ ХАЗРАТ ИНАЙЯТ ХАНА

Фонд памяти Хазрат Инайят Хана, расположенный в Нью-Дели, был создан с религиозными и благотворительными целями. Он основан на Суфийском Послании любви гармонии и красоты, которое принес Хазрат Инайят Хан (1882-1927).

Его цель двуедина: объединить людей, ищущих любви, красоты и гармонии, а также — создать не только физическую возможность, чтобы это случилось, но и создать соответствующую атмосферу.

Его изначальным и первым делом было — и им остается — заботиться о “Дарга” (гробнице-памятнике) этого суфийского святого и учителя, который трудился ради установления человеческого братства, религиозной терпимости, мистицизма в повседневной жизни, единства религиозных идеалов и философии практической жизни. Кроме того, в первые десять лет двадцатого века он был активным и знаменитым в Индии музыкантом; работал он, главным образом, на Западе, принося с собой большее понимание ценностей, философии и музыки Индии, тем самым приготавливая почву для дальнейших позитивных достижений.

Фонд также оказывает, в пределах своих скромных средств, финансовую помощь нуждающимся и обездоленным, например, обеспечивая им лучшее жилье, и строя дома для них.

В течение последних десяти лет фонду удалось превратить “Дарга” в почитаемое место и начать готовить его для суфийской деятельности. Теперь она становится местом счастья и покоя, ибо молчание и медитация — дом для тех, кто ищет этого ощущения как внутри себя так и вовне — атмосфера этого заряжает каждого, кто приходит с открытым сердцем, возвышенностью и новой энергией. Предполагается, что она станет местом экуменической встречи (в истинном смысле этого слова) между индуистами, буддистами, парсами, сикхами, джайнистами, иудеями, христианами, мусульманами и прочими, несущими симпатию в своем сердце.

В то же самое время, она должна стать местом оказания помощи нашим ближним. Здесь каждый может чувствовать себя как дома, свободным, встречаться с людьми другого круга на нейтральной, но все-таки теплой и вдохновленной земле. Это — центр распространения экуменического Суфийского Послания Любви, гармонии и красоты: послания, универсального братства и терпимости, основа межрелигиозного братства, платформой для понимания между обществами, духовный центр и “акаша” для любви, гармонии и красоты.

Постепенно земля вокруг “дарга” оказалась полностью занятой временками беженцев и прочих. Расширить территорию для нашего непосредственного использования было очень трудным и дорогим делом, так как фонд хотел также помогать живущим в том месте людям в обретении ими лучшего жилья, даже пользуясь финансовой поддержкой жильцов из очень бедных хижин, что жили в тех местах. В других случаях оказывал жильцу какую-то помощь, чтобы тот начал свое дело.

Также стало возможным найти какое-то место для социальных, медицинских и образовательных программ Благотворительного Фонда Проект “Надежда”, другой суфийской организации, работающей во имя Хазрат Инайят Хана. Деятельность этого фонда заключается в предоставлении бесплатного социального обслуживания тем, кто живет в сообществе вокруг “дарга”. К этому относится Оздоровительный Центр имени Хазрат Инайят Хана, в котором предоставляются медицинские услуги и услуги по уходу; функционируют два диспансера — гомеопатический и аллопатический, которые обслуживают 250 человек в день. По “молочной программе” каждый день младенцам, беременным женщинам и инвалидам выдается молоко. Образовательный Центр имени Хазрат Инайят Хана предлагает из Басти общее и специализированное обучение для детей и взрослых из Басти; есть общая и специализированная школа для женщин, девушек, и мальчиков, она бесплатная. Социальная программа предлагает

помощь тем, кто оказался в кризисной ситуации, финансовых затруднениях, инвалидам и всем, кто в нужде.

Это полностью соответствует традициям суфийских “дарга” в Индии: кроме духовной деятельности, учитываются также материальные требования нуждающихся.

В 1988 году было открыто новое здание “дарга”. Его построили вокруг первой “мазар” (могилы) архитекторы АСЕМА в тесном сотрудничестве с фондом. Его простой проект, выполненный в красивом материале и гармоничных пропорциях может быть символом того, что каждый человек может спроектировать для своей жизни и развития сердца. С открытием нового здания открываются новые возможности.

Но даже до того времени, деятельность фонда значительно расширилась и стала более интенсивной. В течение большей части года там проводятся ежедневные молитвы и медитация, еженедельные концерты каввали, еженедельные учебные занятия во Внутренней Школе; каждый месяц проводится Всеобщее Поклонение, в процессе которого читают тексты из священных писаний основных мировых религий; время от времени организуются концерты индийской духовной, классической музыки, — музыки, игравшей такую важную роль в Послании Инайят Хана; проводятся регулярные лекции и курсы по современному суфизму. По особым случаям проводят “лангар” — бесплатную раздачу еды местному населению. Есть небольшая библиотека — она только создается — по суфизму, философии, мистицизму и (на сравнительной основе) религии.

В дальнейшем планируются новые виды деятельности. Первая — это публикация той серии томов Суфийского Послания Хазрат Инайят Хана. В ближайшем будущем фонд сможет выпускать суфийский журнал: “Алхимия счастья”. Между последователями различных религий будут организовываться встречи братства с тем, чтобы укрепить взаимную терпимость при помощи понимания и осознания тех основ, которые есть у всех нас. На основе Суфийского Послания будут проводиться курсы по таким предметам как единство религиозных идеалов, моральная культура как путь к Богу, настройка сознания, ума, сердца и духа и т.д. Будут созданы еще большие возможности для участия в медитации, в молчании, молитве и духовной музыке, чтобы развить чувство симпатии внутри так, что оно могло бы светиться. Организация концертов индийской классической духовной музыки будет продолжаться и далее, следуя традиции великого музыканта, которым был Инайят Хан. Библиотека может развиваться до научной. В тесном сотрудничестве с благотворительным фондом “Надежда” в плане социальных программ будут предложены новые возможности.

В 1987 году был открыт Клуб Друзей Хазрат Суфи Инайят Хана. Он открыт для всех, кто сегодня симпатизирует Суфийскому Посланию, кого волнуют идеи и идеалы любви, гармонии и красоты, баланса и терпимости, понимания и моральной культуры; те, кто ищут духовного развития, при этом оставаясь в миру; кто хочет укрепить единство религиозных идеалов; для всех тех, кто хочет объединиться с другими друзьями с тем, чтобы разделить и внести свой вклад в развитие этих идеалов внутри себя, среди других и вокруг себя — на основе постоянно растущего чувства симпатии.

За дальнейшей информацией о работе фонда или Клуба Друзей просим обращаться в:

Фонд памяти Хазрат Инайят Хана

Нью-Дели-110013

Басти Хазрат Низамуддин Аулия